М. Я. ЛАРСОНСЪ

НА СОВѢТСКОЙ СЛУЖБѢ

ЗАПИСКИ СПЕЦА

ПАРИЖЪ
1930

Настоящая книга набрана и отпечатана для издательства Родникъ типографіей Société Nouvelle d'Edit. Franco-Slaves въ январѣ тысяча девятьсотъ тридцатаго года въ количествѣ одной тысячи двѣнадцати экземпляровъ, изъ коихъ двѣнадцать на веленевой бумагѣ и въ продажу не поступили.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РУССКОМУ ИЗДАНІЮ

Книга моя «Als Expert im Sowjetdienst», появившаяся въ Берлинѣ въ іюнѣ 1929 г., расчитана на иностраннаго читателя. Она написана подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ Шахтинскаго процесса, имѣвшаго мѣсто въ Москвѣ лѣтомъ 1928 г. и вскрывшаго весь трагизмъ положенія безпартійнаго «спеца» въ совѣтской Россіи.

Въ качествѣ спеціалиста, занимавшаго на совѣтской службѣ крупныя государственныя должности, мнѣ приходилось работать или встрѣчаться по дѣламъ съ самыми видными руководителями и представителями совѣтской власти: съ Крестинскимъ, Пятаковымъ, Гуковскимъ, Зиновьевымъ, Менжинскимъ, Урицкимъ, Чичеринымъ, Іоффе, Литвиновымъ, Караханомъ, Красинымъ, Ломоносовымъ, Сокольниковымъ, Раковскимъ, Ганецкимъ, Стомоняковымъ, Шейнманомъ и со многими величинами меньшаго калибра. Мнѣ приходилось активно участвовать въ крупнѣйшихъ экономическихъ переговорахъ и сдѣлкахъ.

Послѣ Шахтинскаго процесса ярко опредѣлилась тенденція совѣтскаго правительства сваливать вину за неудачу своихъ экономическихъ экспериментовъ на козловъ отпущенія — на спецовъ, якобы составляющихъ грозную контръ-революціонную организацію для уничтоженія достиженій Революціи.

Ввиду этого я счелъ своимъ долгомъ разсказать, каково въ дѣйствительности положеніе «спеца», каковы тѣ камни преткновенія, кои дѣлаютъ плодотворную работу «спеца» при «совѣтскихъ условіяхъ» фактически невозможною, кои убиваютъ энергію и порывъ къ работѣ даже у самыхъ лойяльныхъ спеціалистовъ, готовыхъ служить Россіи во что бы то ни стало, готовыхъ искренно примириться съ существующимъ строемъ, готовыхъ закрывать глаза на ту атмосферу невѣжества и тупоумія, угрозъ и издѣвательства, подозрительности и слѣжки, самодурства и халатности, которая ихъ окружаетъ и съ которою имъ приходится ежедневно и безнадежно бороться.

Живой откликъ, который моя книга нашла въ германской, англійской и въ зарубежной русской прессѣ, побуждаетъ меня издать эту книгу и на русскомъ языкѣ, хотя для русскаго читателя, вѣроятно, многое въ ней и окажется извѣстнымъ.

Я въ этой книгѣ не намѣренъ ни преподносить научнаго труда, ни дѣлать какія-либо разоблаченія или сообщать сенсаціонныя свѣдѣнія. Я только хочу представить тѣ фактическія обстоятельства, при которыхъ приходится работать спеціалисту въ совѣтской дѣйствительности, и буду изображать ихъ объективно, безъ всякого прикрашиванія, такими, какъ я ихъ видѣлъ.

Всѣ разговоры, факты и цифры, приведенныя въ этой книгѣ, переданы совершенно точно. Однако, мнѣ приходилось по разнымъ причинамъ воздерживаться отъ сообщенія многихъ другихъ характерныхъ бесѣдъ, событій и данныхъ.

Правдивость моихъ сообщеній не отрицается и съ

совѣтской стороны. «Die Kommunistische Internationale» (издающійся въ Берлинѣ оффиціальный органъ Исполнительнаго Комитета Коммунистическаго Интернаціонала) пишетъ по этому поводу слѣдующее: [1]

«Мы не хотимъ и не можемъ заняться здѣсь провѣркою правдивости всего того, что Ларсонсъ разсказываетъ... Но если даже допустить, что все то, что онъ разсказываетъ — сущая правда, то все же всякій, кто знаетъ положеніе совѣтскихъ учрежденій и совѣтскихъ порядковъ, отношеніе къ нимъ спецовъ и имѣющійся по поводу спецовъ опытъ, всякій, кто безпристрастно объ этомъ судитъ, долженъ будетъ согласиться съ тѣмъ, что всѣ тѣ явленія, которыя Ларсонсъ описываетъ, собственно говоря, совершенно естественны и находятъ свое оправданіе въ особыхъ обстоятельствахъ».

На языкѣ совѣтской прессы, это полупризнаніе означаетъ, что сообщенные мною факты вѣрны и не могутъ быть опровергаемы. [2]

Авторъ.

Парижъ, декабрь 1929 г.

---

[1] См. № 36 «Die Kommunistische Internationale» отъ 11 сентября 1929 г., стр. 2001-2005, обширную статью К. К.: «Ein Beitrag zur Naturgeschichte des «Spez».

[2] По сравненію съ нѣмецкимъ подлинникомъ, въ русскомъ изданіи имѣются слѣдующія дополненія:

Встрѣча съ П. І. Пальчинскимъ. — Дѣло проф. N. — Лицемѣріе. Канцелярскій стиль. — Дѣло Бруновскаго. — Дѣло Беседовскаго. — «Невозвращенцы». — Разстрѣлъ Н. К. фонъ Мекка, А. Ф. Величко и П. І. Пальчинскаго.

Глава первая.

1914 — 1918. ВСЕМІРНАЯ ВОЙНА И РЕВОЛЮЦІЯ.

Въ началѣ войны я былъ управляющимъ дѣлами правленія Акц. О-ва Сысертскаго Горнаго Округа въ Петербургѣ, крупнаго русско-англійскаго горно-промышленнаго предпріятія, имѣвшаго свои рудники (мѣдь, желѣзо, золото) на Уралѣ. Въ 1915 году наше Общество, такъ же какъ и остальныя промышленныя и горныя предпріятія, должно было посвятить себя задачамъ войны и принять на себя правительственныя поставки.

Съ самаго дня, когда началась война, я былъ ея ожесточеннымъ противникомъ.

Первые дни послѣ объявленія войны протекли въ Петербургѣ при огромномъ возбужденіи населенія. Не то что бы внезапно прорвалась наружу дѣйствительно существовавшая ненависть противъ Германіи, но ожесточенная націоналистическая травля, поднятая военной кликой, также какъ и въ другихъ странахъ Европы, ввергла населеніе въ патріотическій экстазъ и повела къ манифестаціямъ и демонстраціямъ съ криками «ура» и кликами побѣды.

20-го іюля стараго стиля — черезъ день послѣ объявленія войны — когда я стоялъ на Невскомъ проспектѣ, подобная процессія прошла мимо меня. Впереди несли царскіе портреты, пѣли національный гимнъ, махали шапками и т. д. Около меня стоялъ знакомый мнѣ среднихъ лѣтъ соціалъ-демократъ, который, возбужденный общимъ настроеніемъ, вдругъ заявилъ мнѣ, что онъ тоже пойдетъ на войну.

— Почему? спросилъ я его.

— Дабы Германіи, этому европейскому городовому, такъ разбили кости, чтобы она не могла больше встать.

— А дальше что? И что жъ тогда? Тогда вы вѣроятно захотите передать Россіи роль европейскаго городового? Гдѣ же ваше политическое міровоззрѣніе? Неужели вы хотите бороться за царизмъ противъ германскаго монархизма!

Логическіе аргументы тогда не достигали цѣли. Общее настроеніе, массовый психозъ увлекли населеніе. Я имѣлъ возможность испытать на себѣ самомъ дѣйствіе этого психоза. Цѣлые мѣсяцы прошли, а война, «веселая кавалерійская аттака», еще далеко не заканчивалась. Серьезность положенія многимъ уже приходила на умъ.

Студенчество Петербурга, въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, въ пасмурный октябрьскій день, прошло по Невскому въ направленіи Зимняго Дворца, чтобы засвидѣтельствовать свой патріотизмъ и выразить свою готовность послужить отечеству въ часъ нужды. Я видѣлъ проходящую мимо меня человѣческую массу и чувствовалъ, какъ меня физически влекло, влиться въ нее, быть заодно и шагать вмѣстѣ съ нею. Я долженъ

былъ сдѣлать большое усиліе надъ собой, чтобы слѣдовать за шествіемъ на троттуарѣ и не смѣшаться съ толпой. Я слѣдовалъ за ней до самаго Зимняго Дворца. Придя на огромную площадь, обращенная лицомъ къ Зимнему Дворцу, вся масса внезапно упала на колѣни и пропѣла «Вѣчную память» по убитымъ во время войны. Я сталъ за одну изъ громадныхъ колоннъ Зимняго Дворца, имѣлъ передъ собой эту толпу и спокойно могъ наблюдать за нею.

Хотя я зналъ, что моя точка зрѣнія на войну была діаметрально противоположна настроенію студенческой массы, и хотя я не сомнѣвался въ томъ, что эта толпа, нынѣ стоящая на колѣняхъ, въ одинъ изъ роковыхъ дней прозрѣетъ отъ своего ослѣпленія и вмѣсто того, чтобы стоять на колѣняхъ, занесетъ грозный кулакъ противъ того-же Зимняго Дворца, несмотря на все это я долженъ былъ дѣлать усилія надъ собою, чтобы не влиться въ эту массу и не упасть на колѣни вмѣстѣ съ ней.

Какъ всѣ въ моемъ положеніи, я и въ моемъ предпріятіи волей неволей работалъ на войну, на истребленіе народовъ, на уничтоженіе людей во цвѣтѣ лѣтъ, вовлеченныхъ въ борьбу ради чуждыхъ имъ и узкихъ интересовъ. Чѣмъ дольше тянулась война, чѣмъ болѣе она расширялась и чѣмъ больше новыхъ странъ она вовлекала въ катастрофу, чѣмъ глубже голодъ и нужда охватывали широкіе слои населенія, тѣмъ болѣе крѣпло во мнѣ убѣжденіе, что русскій царизмъ, который несъ на себѣ большую часть вины въ этомъ страшномъ несчастьи народовъ, долженъ погибнуть отъ послѣдствій этой самой войны. Но, ожидая эту гибель, я въ то же время не менѣе опасался и военной побѣды императорской Германіи.

Если въ этой войнѣ былъ хоть какой-нибудь смыслъ, если многіе милліоны человѣческихъ жизней не должны были напрасно погибнуть, то это могло случиться только при условіи, что результатомъ войны явилось общее сближеніе народовъ и пониманіе ими общности ихъ интересовъ. И это должно было неизбѣжно сопровождаться низверженіемъ и крушеніемъ какъ царизма, такъ и германскаго монархизма. Чѣмъ больше длилась война, тѣмъ яснѣе становилось для всякаго разумнаго человѣка, что въ этой войнѣ не будетъ побѣдителей, а будутъ только побѣжденные.

Между тѣмъ въ Россіи все грознѣе сгущались тучи. Первоначальное увлеченіе войной скоро угасло и уже вначалѣ 1916 года начались голодъ и нужда въ самыхъ необходимыхъ жизненныхъ припасахъ, въ особенности въ крупныхъ городахъ.

Роковое вліяніе, которое сибирскій мужикъ, «святой дьяволъ», Григорій Распутинъ возымѣлъ на императора Николая II и императрицу Александру Феодоровну, а черезъ то и на судьбы Россіи, возрастало все болѣе. Распутинъ жилъ въ Петербургѣ и всюду разсказывалось о его пьянствѣ, безстыдныхъ оргіяхъ, взяточничествѣ и о его власти надъ царемъ. Распутинъ низлагалъ и назначалъ министровъ и архіепископовъ и сажалъ свои креатуры на самые важные административные посты. Такое положеніе не могло длиться и Распутинъ въ серединѣ декабря 1916 года былъ застрѣленъ во дворцѣ князя Юсупова въ Петербургѣ княземъ Феликсомъ Юсуповымъ и правымъ членомъ Думы Пуришкевичемъ. Трупъ его былъ брошенъ въ Неву.

Смерть Распутина произвела на населеніе, въ осо-

бенности столичное, глубокое впечатлѣніе. Императрица была тогда очень непопулярна въ Россіи. Указывалось постоянно на то, что она германская принцесса и ей не прощалось, что она, по народной молвѣ, отдала Россію въ руки Распутина. Ее сравнивали съ Екатериной II, также германской принцессой, и иронизировали, что она имѣла много общаго съ великой Екатериной, за исключеніемъ ея великаго ума.

Общее возбужденіе овладѣло умами. Извѣстія съ фронта были плохи и лишь слабо пріукрашивались оффиціальными военными сводками. Нужда въ жизненныхъ припасахъ все болѣе обострялась и все длиннѣе становились хвосты и очереди передъ хлѣбными и мясными лавками. Въ серединѣ февраля 1917 года начались рабочіе безпорядки въ Петербургѣ. 23-го февраля стараго стиля возбужденіе было уже столь велико, что Петербургская биржа была закрыта. Военные патрули разъѣзжали по улицамъ. Невскій проспектъ во многихъ мѣстахъ былъ во всю ширину загражденъ жандармами. Уже было очевидно и никто не сомнѣвался въ томъ, что произойдутъ кровавыя событія.

28 февраля ст. ст. (12 марта н. ст.) революція дѣйствительно вспыхнула. Былъ ясный солнечный зимній день. Далеко надъ замерзшею и покрытой снѣгомъ поверхностью Невы виднѣлось зарево подожженного Окружнаго Суда, громаднаго зданія, стоявшаго на берегу Невы. Въ Таврическомъ Дворцѣ собрались предсѣдатель и другіе видные члены Думы и обсуждали совмѣстно съ «Совѣтомъ рабочихъ депутатовъ» — состоявшимъ изъ спеціально избранныхъ представителей профессіональныхъ союзовъ и другихъ партійныхъ и профессіо-

нальныхъ организацій — вопросъ объ образованіи новаго правительства. Тысячи народа собирались ежедневно около Таврическаго Дворца и оглашали воздухъ восторженными кликами въ честь представителей новаго правительства. Черезъ короткіе промежутки изъ Дворца появлялись то члены Совѣта рабочихъ депутатовъ, то члены Думы и обращались съ краткими рѣчами къ собравшемуся народу. Восемь дней Петербургъ былъ безъ газетъ. Лишь скудныя сообщенія расклеивались ежедневно на столбахъ.

Послѣ того какъ Россія низвергла царское правительство и образовалось Временное Правительство, общественно-политическая жизнь пробудилась въ странѣ въ невиданныхъ до тѣхъ поръ размѣрахъ.

Инженеръ П. І. Пальчинскій, [1]) членъ правленія Акціонернаго Общества Лысьвенскаго Горнаго Округа (такъ наз. Шуваловскаго Общества) — директоромъ торговаго отдѣла коего я тогда состоялъ—былъ назначенъ товарищемъ министра торговли и промышленности. Нѣкоторые изъ моихъ друзей заняли должности на новой государственной службѣ, а я самъ посвятилъ себя вопросамъ городского хозяйства.

Въ мартѣ 1917 года я былъ избранъ въ качествѣ гласнаго въ Адмиралтейскую Думу г. Петрограда. Въ іюнѣ 1917 года я, въ качествѣ представителя Адмиралтейской Думы, сталъ гласнымъ Центральной Петроградской Городской Думы, а въ ноябрѣ 1917 года, когда вспыхнула большевистская революція, былъ предсѣдателемъ Адмиралтейской Думы. Въ районѣ моей Думы находились

---

[1]) П. І. Пальчинскій разстрѣлянъ 23 мая 1929 г. въ Москвѣ по постановленію спеціальнаго присутствія О.Г.П.У.

Зимній Дворецъ, многіе другіе дворцы, картинныя галлереи и музеи Петрограда.

25 октября (7 ноября) 1917 года началась осада большевистскими полками Зимняго Дворца, въ которомъ укрылось Временное Правительство.

Временное Правительство погибло главнымъ образомъ потому, что оно не обратило своевременно должнаго вниманія на желаніе арміи и народа кончить съ войной во что бы то ни стало и какой угодно цѣною. Напротивъ, нѣкоторые члены Временнаго Правительства настаивали на безусловномъ продолженіи войны до «побѣднаго» конца. Армія устала отъ войны, она не хотѣла и слышать о войнѣ. Поэтому пропаганда большевиковъ, обѣщавшихъ немедленное и безусловное окончаніе войны, нашла въ арміи живой откликъ. Воодушевленная этой мыслью, армія поднялась противъ Временнаго Правительства и низвергла его, не встрѣтивъ почти никакого сопротивленія. Въ междуцарствіи, наступившемъ послѣ большевистской ноябрьской революціи, т. е. въ дни приблизительно съ 7 по 17 ноября, городская власть въ Петроградѣ всецѣло находилась въ рукахъ «Центральнаго Комитета Общественной Безопасности», состоявшаго изъ гласныхъ Думы и имѣвшаго свое мѣстопребываніе въ зданіи Петроградской Центральной Думы. Въ качествѣ предсѣдателя Адмиралтейской Думы я одновременно состоялъ и членомъ этого Центральнаго Комитета. Такъ какъ Временное Правительство было низвергнуто, а министры были частью арестованы, частью спаслись бѣгствомъ, то этотъ Центральный Комитетъ былъ единственнымъ органомъ въ Петроградѣ, который во время переходныхъ дней совѣщался съ новымъ правительствомъ, защищалъ

нужды городского населенія, продолжалъ самыя необходимыя работы и заботился объ общественномъ порядкѣ и спокойствіи. Городская Дума въ Петроградѣ, какъ и вообще всѣ городскія думы, были для новаго правительства бѣльмомъ на глазу. Уже въ ноябрѣ 1917 года новое правительство начало преслѣдованія городскихъ думъ и продолжало таковыя до начала 1918 года, когда петроградская Центральная Дума и районныя думы были окончательно «ликвидированы».

7-го ноября 1917 года вечеромъ большевистскія войска штурмовали Зимній Дворецъ. Стоящія на Невѣ военныя суда одновременно его бомбардировали. Войска легко преодолѣли сопротивленіе юнкеровъ и Женскаго Батальона, защищавшихъ Зимній Дворецъ, и вторглись въ него. До полудня слѣдующаго дня, въ теченіи многихъ часовъ, утратившіе дисциплину солдаты и матросы и разбушевавшаяся народная масса хозяйничали въ Зимнемъ Дворцѣ.

Только къ полудню слѣдующаго дня Зимній Дворецъ былъ занятъ войсками по приказу новаго правительства и ворвавшіяся въ него массы были удалены силою. Въ теченіе всей ночи всѣ окна обычно темнаго Зимняго Дворца были ярко освѣщены. Издали можно было подумать, что Дворецъ горитъ.

Петроградская центральная дума узнала, что ворвавшаяся во дворецъ народная масса разграбила дворецъ и что многіе предметы, похищенные изъ дворца, продаются въ городѣ. По моему предложенію, была учреждена слѣдственная комиссія изъ пяти членовъ, получившая отъ Центральной Думы порученіе осмотрѣть Зимній Дворецъ и выяснить размѣръ грабежей. Я былъ предсѣдателемъ

этой комиссіи и 12 ноября 1917 года (т. е. 5 дней послѣ штурма) совмѣстно съ другими членами комиссіи посѣтилъ Дворецъ.

Страшна была та картина разгрома, которая представилась нашимъ глазамъ. Не говоря уже о тѣхъ помѣщеніяхъ, которыя были разрушены бомбардировкой и въ которыхъ вѣтеръ бушевалъ сквозь открытыя окна, толпа разграбила все то, что только могла унести съ собой, а то, что взять было невозможно — разгромила. Ярость разрушенія была ужасна. Тяжелые дубовые большіе ящики, въ которыхъ сохранялись сервизы и фарфоръ императорскаго двора и на которыхъ имѣлись соотвѣтственныя надписи, были разбиты и проколоты штыками солдатъ. Висящимъ въ кулуарахъ дворца большимъ масляннымъ, хотя и не представляющимъ особаго интереса съ художественной точки зрѣнія, портретамъ военныхъ и придворныхъ были проколоты глаза. Съ находившихся въ залахъ креселъ и стульевъ были срѣзаны кожаныя сидѣнья. Въ комнатахъ Александра II и послѣдняго императора разрушеніе не поддавалось описанію. Весь полъ комнатъ Александра II былъ покрытъ всякаго рода вещами. Мы не могли сдѣлать ни шагу, не принявъ мѣръ предосторожности, чтобы не раздавить валявшихся на полу предметовъ. Подъ нашими ногами лежали цѣнныя миніатюры, рамы отъ картинъ, иконы, фарфоръ, книги, разбитая мебель и т. д. Комнаты послѣдняго императора были совершенно опустошены, шкафы съ платьями вскрыты, большая часть гардероба исчезла.

Несмотря на все это мы должны были констатировать, что дѣйствительно цѣнные художественные предметы, за немногими исключеніями, не были уничтожены.

Правда, было уничтожено и похищено много предметовъ дорогихъ, но не имѣвшихъ, однако, никакого отношенія къ искусству. Мы убѣдились при этомъ случаѣ, что последній императоръ и императрица не отличались художественнымъ вкусомъ и окружали себя въ своихъ частныхъ жилыхъ комнатахъ самыми обыденными и безвкусными вещами. На стѣнѣ висѣла плохая увеличенная фотографія императора Александра III въ охотничьемъ костюмѣ. Остальныя стѣны были украшены весьма посредственными акварелями. Въ шкафахъ стояли дешевыя фигурки изъ бѣлаго и цвѣтного фарфора, которыя обычно приходилось видѣть лишь на этажеркахъ въ мѣщанскихъ домахъ. Въ общемъ пришлось установить, что Зимній Дворецъ хотя и былъ сильно разгромленъ, но въ смыслѣ предметовъ искусства потерялъ немного.

Въ Зимнемъ Дворцѣ находился также и винный погребъ царя, въ которомъ имѣлось нѣсколько тысячъ бутылокъ вина. Необходимо было прежде всего охранить этотъ винный погребъ, дабы солдаты не перепились и отъ этого не пострадалъ Зимній Дворецъ. Я имѣлъ разговоръ по этому поводу съ начальникомъ стражи, послѣ чего входъ въ винный погребъ былъ замурованъ. Но замурованіе ни къ чему не привело. Кирпичи выламывались снова и входъ въ винный погребъ приходилось въ теченіе нѣсколькихъ дней неоднократно вновь замуровывать. Въ виду этого возникла мысль продать винный погребъ, представлявшій изъ себя цѣнность въ нѣсколько милліоновъ золотыхъ рублей, какой-нибудь иностранной финансовой группѣ. Но фактически оказалось невозможнымъ найти войсковую часть, которая была бы въ состояніи осуществить надежную охрану транспорта вина отъ Зим-

няго Дворца до Финляндскаго вокзала въ Петербургѣ. Слухъ о винномъ погребѣ настолько уже распространился, что какъ-то въ концѣ ноября громадная толпа народа собралась у берега Невы, на который выходили подвальныя окна длиннаго погреба. Послѣ долгихъ усилій толпѣ удалось настолько разогнуть нѣсколько толстыхъ прутьевъ подвальныхъ рѣшетокъ, что туда могъ пролѣзть молодой парень, который уже снизу сталъ подавать бутылки толпѣ, ставшей въ очередь въ видѣ длиннаго хвоста. Эта работа продолжалась много часовъ. За однимъ парнемъ пошли другіе. Много людей напивались тутъ же на мѣстѣ, такъ что снѣгъ на берегу былъ окрашенъ въ красный цвѣтъ отъ пролитаго вина. Не оставалось ничего другого, какъ рѣшиться, для предотвращенія катастрофы, уничтожить винный погребъ. Винныя бутылки были разстрѣляны ружейными пулями и вино ручьями разливалось по погребу.

Въ первое время послѣ октябрьской революціи безопасность на улицахъ Петербурга была мало обезпечена и послѣ наступленія темноты обыватели по возможности на улицу не выходили. Дома закрывались уже въ 7 часовъ вечера и жители организовывали на подмогу дворникамъ домовую стражу, которая была приставлена къ воротамъ домовъ, смѣнялась каждые 2 часа и состояла изъ жильцовъ даннаго дома.

Въ пасмурный сырой ноябрьскій вечеръ я долженъ былъ выйти по срочному дѣлу, задержался и около 11 вечера съ опаскою спѣшилъ домой. Улицы были совершенно вымершими и я уже находился въ непосредственной близости отъ моего дома. Былъ густой туманъ, рѣдкіе фо-

нари слабо мерцали, какъ вдругъ въ полумракѣ уличнаго фонаря двое подвыпившихъ матросовъ предстали передо мной. Они заградили мнѣ дорогу. Къ несчастью я, по разсѣянности, имѣлъ на головѣ вмѣсто рабочей фуражки или смятой мягкой шляпы, черный фетровый котелокъ. Одинъ изъ матросовъ закричалъ мнѣ:

— Господинъ котелокъ, господинъ котелокъ, остановись. Знаешь ли ты, что я могу пристрѣлить тебя какъ собаку и ничего мнѣ за это не будетъ?

— Да, я это знаю.

— Ну такъ живи. Знай душу русскаго матроса.

И они поплыли дальше. Черезъ нѣсколько минутъ я былъ дома и имѣлъ поводъ погрузиться въ размышленія о бренности человѣческой жизни. Послѣ этого, выходя вечеромъ на улицу, я имѣлъ всегда при себѣ заряженный револьверъ и проходя черезъ отдаленное или уединенное мѣсто всегда шелъ посрединѣ улицы, а не по тротуару.

Пришелъ январь 1918 года и съ нимъ исчезли послѣднія надежды на демократическое развитіе страны. Подготовленное въ теченіе полугода и въ январѣ 1918 года наконецъ собравшееся Учредительное Собраніе было насильственно распущено и разогнано новой властью. Въ странѣ начались повсюду демонстраціи въ пользу Учредит. Собранія, но демонстранты разгонялись военной силой и движеніе это было грубо подавлено. Въ Петербургѣ демократически настроенные народные слои организовали въ началѣ января грандіозную демонстрацію въ честь Учредительнаго Собранія. Многими тысячами манифестанты проходили черезъ главныя улицы города къ Таврическому Дворцу, мѣстопребыванію Учредительнаго Собра-

нія. Въ демонстраціи участвовали представители всѣхъ районныхъ думъ Петербурга.

Я принималъ участіе въ этой демонстраціи съ двумя другими членами Адмиралтейской Думы. Когда мы уже были недалеко отъ Таврическаго Дворца и проходили черезъ Фурштадтскую улицу, манифестанты внезапно остановились, такъ какъ войска заградили доступъ къ улицѣ, ведшей къ Таврическому Дворцу. Противъ мѣста, на коемъ столпились манифестанты, находилась казарма саперовъ. Солдаты появились въ окнахъ и разразились ругательствами какъ по адресу Учредительнаго Собранія, которое презрительно называлось «Учредилкой», такъ и по адресу манифестантовъ и проклятыхъ «буржуевъ».

Я почуялъ недоброе, но вернуться уже было невозможно. Началось препирательство между солдатами и нѣкоторыми манифестантами, соотвѣтственно отвѣчавшими имъ на ихъ ругательства. Вдругъ раздались выстрѣлы изъ казармъ и манифестанты разсыпались по всѣмъ сторонамъ. Я бросился со многими другими во дворъ противолежащаго дома. Выстрѣлы продолжались. Мы всѣ побросались на землю, и я лежалъ въ снѣгу съ разбитыми очками среди другихъ. Когда выстрѣлы прекратились, мы стали пытаться какъ нибудь спастись. Мы были твердо убѣждены, что если мы останемся во дворѣ, то будемъ пристрѣлены каждый въ отдѣльности разнузданной солдатчиной. Многіе выбѣжали вновь на улицу, потому что они себя тамъ чувствовали все таки лучше, чѣмъ въ закрытомъ дворѣ. Другіе бросились на черную лѣстницу дома и искали спасенія въ квартирахъ. Но несмотря на отчаянный стукъ, никто намъ не отворялъ. Только въ одной квартирѣ отперли дверь, и когда увидѣли въ чемъ

дѣло, сейчасъ же ее захлопнули. Я бросился внизъ по лѣстницѣ, сильнымъ ударомъ ноги распахнулъ дверь подвала и оказался вдругъ въ молочной. Когда владѣлецъ пинками хотѣлъ меня выгнать, то я показалъ ему кулакъ и заявилъ, что во всякомъ случаѣ останусь здѣсь. Несмотря на его энергичный протестъ, я привелъ въ молочную всѣхъ другихъ. Переднія окна подвала, въ которомъ находилась молочная, выходили на улицу. Мы изрѣдка выглядывали въ окно, чтобы видѣть, что происходитъ на улицѣ. Выстрѣлы раздавались все рѣже и въ концѣ концовъ стало тихо.

Для меня было ясно, что теперь «спасайся — кто можетъ» .Необходимо было уйти изъ молочной незамѣченнымъ. Я вышелъ на дворъ, гдѣ не встрѣтилъ никого и черезъ ворота вышелъ на улицу. Какъ только я оказался на улицѣ, то увидѣлъ пятерыхъ мужчинъ, которые съ возбужденными лицами размахивали древками отъ флаговъ. Это были трофеи, которые они захватили у манифестантовъ. Флаги были сорваны, растоптаны въ грязи, а древки достались побѣдителямъ. Я былъ одѣтъ въ длинное пальто съ чернымъ мѣховымъ воротникомъ. Какъ только они меня увидѣли, одинъ изъ нихъ закричалъ:

— Ахъ ты, проклятый буржуй. Ты вѣроятно тоже демократъ. Проваливай, сволочь.

Я ничего не отвѣтилъ, поднялъ воротникъ и пошелъ по улицѣ. За моей спиной были эти люди. Я зналъ совершенно опредѣленно, что если побѣгу, то буду разстрѣлянъ. Я вообще не сомнѣвался въ томъ, что не дойду живымъ до слѣдующаго угла, но все же напрягъ всю силу воли, чтобы дойти до этого слѣдующаго угла спокойнымъ и размѣреннымъ шагомъ. Я не поворачивался, такъ

какъ твердо зналъ, что они слѣдятъ за мною. Я былъ единственнымъ человѣкомъ на всей улицѣ. Никого кромѣ меня не было ни на троттуарѣ, ни на панели. Я думалъ только объ одномъ: «куда попадетъ пуля — если въ затылокъ, тогда конецъ немедленный». Я дошелъ до угла, повернулъ направо и облегченно вздохнулъ. Но я все еще не бѣжалъ, такъ какъ я опасался, что они за мной слѣдятъ. За вторымъ угломъ я повернулся, увидѣлъ, что никто не слѣдуетъ за мною, но тогда и моей выдержкѣ наступилъ конецъ. Я побѣжалъ за извозчикомъ, проѣзжавшимъ полной рысью, впрыгнулъ въ коляску и когда онъ меня спросилъ, куда поѣхать, я отвѣтилъ:

— Поѣзжай къ черту, поѣзжай куда ты хочешь, только прочь отсюда.

Послѣ получаса безцѣльной ѣзды, я опять пришелъ въ себя. Я остановилъ извозчика у дома моего пріятеля и поднялся туда. Мои знакомые были потрясены. Демонстрація прошла черезъ ихъ улицу и они видѣли изъ своего окна, какъ стрѣляли въ манифестантовъ и какъ они падали.

Манифестація имѣла въ результатѣ много раненыхъ, но мало убитыхъ. Учредительное Собраніе было разогнано и этимъ актомъ новое правительство устранило главное препятствіе для утвержденія своей власти.

Глава вторая.

МОЙ УХОДЪ СЪ ДОЛЖНОСТИ. — ЗАБАСТОВКА БАНКОВЫХЪ СЛУЖАЩИХЪ. — СОВѢЩАНІЕ ПРИ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ. — НАЦІОНАЛИЗАЦІЯ БАНКОВЪ И ТОРГОВЛИ.

Въ январѣ 1916 года я былъ назначенъ директоромъ торговаго отдѣла Шуваловскаго Общества въ Петергѣ, имѣвшаго свои рудники (желѣзо, платина) и заводы на Уралѣ. Послѣ октябрьской революціи, мнѣ пришлось прилагать большія усилія къ тому, чтобы тѣ многія тысячи рабочихъ, которые работали у насъ на Уралѣ, получали своевременно свою заработную плату. Въ рудникахъ и на заводахъ нашего Общества работало около 29.000 человѣкъ. Въ Лысьвенскомъ Горномъ Округѣ, принадлежавшемъ Обществу, проживало населеніе около 106.000 человѣкъ, включая въ томъ числѣ всѣхъ членовъ семей рабочихъ и служащихъ.

Правленіе Шуваловскаго Общества фактически болѣе не существовало. Директоръ-распорядитель, инж. Ф. Ф. Фоссъ, отправился уже въ іюнѣ 1917 года по государственному порученію, въ Вашингтонъ, въ качествѣ

коммерческаго совѣтника при Россійскомъ чрезвычайномъ послѣ Бахметьевѣ. Второй членъ Правленія, инж. П. І. Пальчинскій, былъ брошенъ въ тюрьму новымъ правительствомъ, въ качествѣ члена Временнаго Правительства. Члены Совѣта отсутствовали. Техническій директоръ, инж. Г., человѣкъ пожилой, также исчезъ, такъ что я остался въ Петербургѣ единственнымъ членомъ администраціи.

Начался переворотъ. Наши рабочіе начали, такъ-же какъ и другіе рабочіе промышленныхъ и горныхъ предпріятій Урала, принимать на себя управленіе производствомъ и Обществомъ. Лишь путемъ насильственныхъ продажъ готоваго товара (бѣлой жести) и благодаря моимъ личнымъ отношеніямъ съ правленіемъ Государственнаго Банка, мнѣ удавалось переводить рабочимъ своевременно причитающуюся имъ заработную плату въ Пермь. На нашихъ заводахъ повсюду шло броженіе.

Одинъ изъ нашихъ инженеровъ, Леончуковъ, былъ убитъ рабочими. Другіе инженеры также считали свою жизнь подъ угрозою. Инженеръ Л. Л., управляющій механическимъ заводомъ въ Лысьвѣ, человѣкъ большого мужества, поддерживалъ порядокъ въ Лысьвѣ только съ крайнимъ трудомъ и благодаря своему особому личному авторитету.

МОЙ УХОДЪ СЪ ДОЛЖНОСТИ

Между тѣмъ въ Петербургѣ въ нашемъ правленіи образовался совѣтъ изъ служащихъ, состоявшій изъ пяти служащихъ (помощника бухгалтера, секретаря правленія, двухъ стенографистокъ и архиваріуса). Этотъ со-

вѣтъ носилъ названіе «дѣловой совѣтъ». Послѣ того какъ былъ учрежденъ этотъ дѣловой совѣтъ, мнѣ было заявлено, что я имѣю остаться на моей должности и пребывать въ распоряженіи дѣлового совѣта. Другими словами, я былъ обязанъ сидѣть въ конторѣ отъ 9 до 5 часовъ. Я не получалъ въ руки ни почвы, ни документовъ, и проявлялъ свое существованіе только тогда, когда какой-нибудь членъ дѣлового совѣта или дѣловой совѣтъ въ совокупности изъявлялъ желаніе спросить мое мнѣніе или мой совѣтъ по какому либо дѣловому вопросу.

Такое положеніе было для меня совершенно невыносимымъ. Я просилъ о немедленномъ моемъ увольненіи, но мнѣ въ этомъ было отказано.

Въ началѣ февраля 1918 года пріѣхала въ Петербургъ депутація нашихъ рабочихъ, состоявшая изъ трехъ лицъ, а именно изъ двухъ рабочихъ и одного служащаго бухгалтеріи. Предсѣдатель этой депутаціи назывался Бѣлоусовымъ.

Депутація эта имѣла со мной подробное совѣщаніе и въ общемъ относилась ко мнѣ довольно дружественно. Конечно, молъ, я являюсь представителемъ бывшихъ владѣльцевъ, но какъ разъ въ труднѣйшіе три мѣсяца я все-же позаботился о томъ, чтобы рабочіе получали свою заработную плату своевременно. Кромѣ того, извѣстно, что я политически лѣвый. Но въ данное время я, собственно говоря, совершенно лишенъ.

Весьма характернымъ является разговоръ, который Бѣлоусовъ имѣлъ со мной въ моей комнатѣ:

Б. — Вы собствснно что тутъ дѣлаете? Вы получаете чертово жалованье, почти 18.000 рублей ежегодно, а что вы дѣлаете? Вы сидите на американскомъ креслѣ

и вертитесь. Вѣдь это не искусство!

Я. — Да, тов. Бѣлоусовъ, но вѣдь и вамъ въ прошломъ году, какъ мнѣ извѣстно, также уплачено было 17.000 рублей заработной платы.

Я. — Да, тов. Бѣлоусовъ, но вѣдь и вамъ въ прошмной? Вѣдь я же высоко квалифицированный рабочій, я же «лекальщикъ», я изготовляю точные инструменты. Вѣдь это совершенно другое дѣло. А вы то что знаете?

Я. — Тов. Бѣлоусовъ, хотя я и окончилъ два факультета, говорю на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ, имѣю долголѣтній коммерческій стажъ и ,кромѣ того, былъ присяжнымъ повѣреннымъ, но вы совершенно правы, я здѣсь дѣйствительно излишенъ. Сдѣлайте для меня одолженіе и увольте меня. Вѣдь вы же знаете, безъ вашего разрѣшенія я не вправѣ оставить эту должность.

Депутація дружественно согласилась уволить меня. Мнѣ предоставлено было право немедленнаго ухода, и 3 (16) марта 1918 года я пересталъ быть директоромъ торговаго отдѣла Шуваловскаго Общества.

ЗАБАСТОВКА БАНКОВЫХЪ СЛУЖАЩИХЪ.

Общее положеніе между тѣмъ стало весьма затруднительнымъ. Немедленно послѣ начала октябрьской революціи послѣдовала общая забастовка государственныхъ служащихъ. Къ этой всеобщей забастовкѣ, кромѣ служащихъ Государственнаго Банка, присоединились и всѣ служащіе частныхъ банковъ.

Новому правительству пришлось поэтому бороться съ огромными затрудненіями, и теперь представляется почти непонятнымъ, какъ ему удалось эти затрудненія

преодолѣть и просуществовать въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ безъ опытнаго состава чиновниковъ.

Нервомъ всякой государственной власти являются деньги. Государственному Банку въ Петербургѣ, слѣдовательно, необходимо было работать при всѣхъ обстоятельствахъ. Изъ состава служащихъ Государственнаго Банка лишь низшіе служащіе (артельщики, счетоводы и т. д.) приступили къ работѣ послѣ октябрьской революціи. Остальныя должности пришлось поневолѣ замѣщать партійными людьми, приносившими съ собой, правда, добрую волю и прилежаніе, но не имѣвшими ни малѣйшаго понятія о дѣлѣ.

Съ самаго начала октябрьской революціи я — вопреки моей политической оріентаціи, отдѣлявшей меня отъ новаго правительства — былъ убѣжденнымъ противникомъ саботажа государственныхъ служащихъ. Я счелъ бы цѣлесообразнымъ, если бы служащіе главнѣйшихъ государственныхъ учрежденій протестовали путемъ однодневной или двухдневной демонстративной забастовки противъ грубѣйшаго попранія демократическихъ свободъ. Но забастовку государственныхъ служащихъ, объявленную на неопредѣленный срокъ, я считалъ не только совершенно безцѣльной и непригодной въ качествѣ средства борьбы противъ новаго правительства, но и чрезвычайно вредной, какъ для интересовъ всей страны, такъ и для интересовъ самихъ бастующихъ.

Мое мнѣніе, къ сожалѣнію, подтвердилось ходомъ событій. Забастовка банковыхъ служащихъ длилась уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ. Всѣ попытки посредничества, предпринятыя за это время, оказывались безуспѣшными, а результатъ былъ тотъ, что шесть тысячъ банко-

выхъ служащихъ голодало. Въ концѣ концовъ, всѣ устали отъ забастовки и съ наслажденіемъ взялись бы опять за работу.

Немедленно послѣ моего ухода изъ Шуваловскаго Общества, я рѣшилъ по возможности положить конецъ этому невыносимому положенію вещей и предложилъ Н. Н. Крестинскому, — стоявшему тогда во главѣ финансовъ страны и знакомому мнѣ съ давнихъ лѣтъ, еще со временъ адвокатуры, — мои услуги въ качествѣ посредника. Онъ охотно принялъ мое предложеніе.

Въ Государственномъ Банкѣ по этому поводу мы имѣли совѣщаніе, въ коемъ участвовали Крестинскій, управляющій Государственнымъ Банкомъ Пятаковъ и его помощникъ Спунде. Означенныя лица хотѣли вновь принять лишь двѣ тысячи банковыхъ служащихъ, по ихъ выбору, такъ какъ въ теченіе этого времени въ національнолизованныхъ и слитыхъ вмѣстѣ частныхъ банкахъ было принято уже множество новыхъ служащихъ. Я объявилъ это условіе совершенно непріемлемымъ, ибо бастовало около 6.000 банковыхъ служащихъ и потребовалъ пріема вновь на службу по меньшей мѣрѣ 4.000 служащихъ, и притомъ по выбору забастовочнаго комитета. Послѣ долгаго препирательства, это условіе было принято какъ Н. Н. Крестинскимъ и Государственнымъ Банкомъ, такъ и забастовочнымъ комитетомъ. Были приняты вновь всѣ профессіональные банковые служащіе, такъ что остались за бортомъ либо тѣ лица, которыя прежде въ банкахъ имѣли лишь подсобную работу, либо женщины, которыя въ теченіе войны были приняты на службу въ цѣляхъ замѣны мужского персонала. Въ концѣ марта 1918 года

банковые служащіе опять вернулись въ банки, и работа банковъ могла быть возобновлена.

СОВѢЩАНІЕ ПРИ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

Къ сожалѣнію вышеозначенное событіе не имѣло тѣхъ послѣдствій, какія я ожидалъ, такъ какъ тѣмъ временемъ новое правительство рѣшило осуществить на практикѣ принципъ націонализаціи банковъ и торговли, объявленный въ программѣ партіи.

Такъ какъ для меня было совершенно ясно, что понятіе націонализаціи банковъ и торговли было до сихъ поръ лишь теоретической формулой, въ которую практика не влила еще никакого содержанія, то я предложилъ Государственному Банку созвать въ Петербургѣ при Государственномъ Банкѣ совѣщаніе представителей промышленности ,банковъ, торговли, пароходства и другихъ промысловъ, дабы помочь правительству претворить теорію въ практику. Я указалъ на то, что для меня ясно, что это совѣщаніе при данныхъ политическихъ условіяхъ не должно заниматься лишь критикой теоретическихъ принциповъ націонализаціи банковъ и торговли, но что оно имѣетъ цѣлью, поскольку возможно, сдѣлать практическія предложенія для проведенія предстоящей націонализаціи.

Это предложеніе также было принято и 10 (23) апрѣля 1918 года началось совѣщаніе при Государственномъ Банкѣ. Я принялъ на себя устройство совѣщанія и мнѣ удалось, путемъ долгихъ уговоровъ, привлечь оставшихся еще въ Петербургѣ крупнѣйшихъ представителей банковъ, торговли, промышленности и пароходства къ уча-

стію въ этомъ совѣщаніи. Предсѣдательствовалъ помощникъ управляющаго Государственнымъ Банкомъ Спунде, я же взялъ на себя замѣстительство предсѣдателя. Совѣщаніе, разбившееся на рядъ секцій, работало усердно по установленной программѣ надъ рѣшеніемъ поставленныхъ ему задачъ, но къ сожалѣнію эта работа оказалась напрасной.

НАЦІОНАЛИЗАЦІЯ БАНКОВЪ И ТОРГОВЛИ.

Государственныя учрежденія (между ними и народный комиссаріатъ торговли и народный комиссаріатъ финансовъ) переселились въ Москву. Націонализація торговли и банковъ въ концѣ апрѣля 1918 года была просто объявлена путемъ декрета, и московскія высшія власти абсолютно не считались съ рѣшеніями какого-то созваннаго при Государственномъ Банкѣ совѣщанія. Частные банки были націонализованы, а Государственный Банкъ и частные банки были смѣшаны въ одно.

Началась инфляція. Цѣнность бумажныхъ денегъ падала съ каждымъ днемъ и въ теченіе 1919-21 г.г. Россія являлась страной, которая прокламировала принципъ нуллификаціи, т. е. отмѣны денегъ и полагала просто обойтись безъ всякихъ банковъ. Это было временемъ элементарнаго т. н. «военнаго коммунизма», самыхъ отчаянныхъ и безумныхъ экономическихъ экспериментовъ, страшной гражданской войны, ужасной нужды и неописуемаго голода.

Когда правительство наконецъ убѣдилось, что такъ долѣе продолжаться не можетъ и что экспериментамъ приходится положить конецъ, то оно рѣшилось къ пово-

роту направо, къ переходу отъ «военнаго коммунизма» къ «новой экономической политикѣ», сокращенно называемой «Нэп». Въ концѣ 1921 года было рѣшено возстановить исчезнувшіе съ горизонта банки и было приступлено энергично къ возстановленію Государственнаго Банка.

Глава третья.

СОВѢТСКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ БЕРЛИНѢ. — ОБРАТНАЯ ОТПРАВКА ВЪ МОСКВУ. — АРЕСТЪ ВЪ БОРИСОВѢ.

Успѣшное посредничество, проведенное мной при ликвидаціи забастовки банковыхъ служащихъ, пріобрѣло мнѣ довѣріе нѣкоторыхъ руководящихъ представителей совѣтскаго правительства. Былъ заключенъ миръ въ Брестъ-Литовскѣ и первое совѣтское посольство должно было быть послано въ Берлинъ.

11 апрѣля 1918 года меня вызвали въ гостинницу «Асторію» въ Петербургѣ, гдѣ я познакомился съ новымъ посломъ въ Берлинѣ А. А. Іоффе. При нашемъ разговорѣ присутствовали Н. Н. Крестинскій и Спунде. Означенныя лица имѣли со мной подробный разговоръ и Іоффе предложилъ мнѣ сопровождать его въ Берлинъ въ составѣ посольства, а именно въ качествѣ совѣтника посольства.

Я зналъ, что стою на перепутьи моей жизни и склоненъ былъ принять это предложеніе, такъ какъ дипломатическая карьера меня интересовала и я не сомнѣвался

въ томъ, что смогу быть полезнымъ для новой Россіи.

Самъ Іоффе производилъ на меня благопріятное впечатлѣніе. Онъ былъ спокоенъ и холоденъ въ своихъ дѣловыхъ разсужденіяхъ, вѣжливъ и корректенъ въ обращеніи.

Отъѣздъ въ Берлинъ долженъ быть имѣть мѣсто уже черезъ три дня, 14 апрѣля. Поэтому, мнѣ необходимо было принять рѣшеніе обязательно до слѣдующаго утра.

Я посовѣтовался съ двумя моими ближайшими друзьями, которые высказались противъ этого предложенія самымъ рѣзкимъ и отрицательнымъ образомъ. Приводимые ими аргументы были понятны, если считаться съ настроеніями того времени. Я, молъ, не долженъ путемъ принятія этой должности покрывать собой гнусный договоръ, заключенный въ Брестъ-Литовскѣ, и вообще не долженъ участвовать во всей этой политикѣ авантюръ. Вѣдь совершенно немыслимо, чтобы такое правительство могло долго продержаться, вѣдь подобное насиліе надъ общественнымъ мнѣніемъ не можетъ длиться годами и т. д.

Послѣ зрѣлаго обсужденія, я рѣшился отклонить предложеніе Іоффе.

Рѣшающими для меня были не вышеприведенные аргументы, но то обстоятельство, что я не принадлежалъ къ коммунистической партіи и что я, вслѣдствіе моей политической оріентаціи, никоимъ образомъ не могъ пассивно относиться къ грубой и все болѣе и болѣе обостряющейся антидемократической политикѣ новаго правительства. Я поэтому опасался, что мнѣ придется, хотя бы и въ качествѣ только спеціалиста, имѣть постоянныя политическія разногласія съ посломъ.

Я сообщилъ Іоффе о моемъ рѣшеніи. Іоффе меня

вполнѣ понялъ. Онъ хотя и объявилъ мнѣ, что совершенно убѣжденъ, что я смогу исполнить поручаемыя мнѣ задачи совершенно лойяльно и безъ всякаго насилія надъ совѣстью, но воздержался отъ того, чтобы оказать на меня прямое давленіе.

Лѣто 1918 года я провелъ частью въ Петербургѣ, частью въ Москвѣ, гдѣ искалъ работы и надѣялся ее найти. Но событія слѣдовали другъ за другомъ съ умопомрачительной скоростью. Уже въ іюнѣ 1918 года было совершенно ясно, что банки, частная промышленность и частная торговля обречены на исчезновеніе и что въ этой области не приходится больше искать работы. Число темныхъ дѣльцовъ, торговцевъ изъ подъ полы, «маклеровъ въ кофейняхъ» увеличивалось въ устрашающемъ размѣрѣ. Ясно было, что кромѣ государственной службы для меня лично другого поля дѣятельности не было.

Матеріальныя условія моей жизни въ Петербургѣ за это время чрезвычайно обострились.

Согласно декретамъ, объявленнымъ въ декабрѣ 1917 года, всѣ счета въ банкахъ были закрыты, сейфы въ банкахъ опечатаны, а все частное имущество (государственные займы, облигаціи, акціи, страховые полисы, иностранная валюта, драгоцѣнные металлы, драгоцѣнные камни, фабрики, заводы, рудники, недвижимости и т. д.) аннулировано, конфисковано, національзовано и секвестровано.

Законныхъ возможностей къ заработкамъ не существовало, съ банковаго счета можно было снимать ежемѣсячно лишь самыя незначительныя суммы, картины и предметы искусства не находили покупателей и могли быть проданы лишь по смѣхотворнымъ цѣнамъ.

Жизненные припасы, уголь, дрова, поднимались еже-

дневно въ цѣнѣ. Лавки закрывались, торговцы исчезали одинъ за другимъ. О мясѣ, маслѣ, жирахъ, молокѣ, сахарѣ, кофе — въ Петербургѣ не могло быть и рѣчи ни въ свободной продажѣ, ни по карточкамъ. Эти съѣстные припасы могли быть пріобрѣтаемы теперь лишь людьми, которымъ удалось своевременно припасти крупныя наличныя средства, и то лишь изъ подъ полы и по неслыханнымъ цѣнамъ. Общія условія питанія были въ Петербургѣ лѣтомъ 1918 года невѣроятно тяжелы. Тарелка водянистаго супа, приготовленнаго изъ сушенной воблы, кусокъ этой гнусной рыбы, нѣсколько ломтей весьма скверно испеченнаго кислаго ржаного хлѣба, содержавшаго массу острыхъ зеренъ ячменя, немного скувернаго чаю — было питаніемъ въ теченіе всего дня.

Въ Москвѣ условія были нѣсколько лучшими. Иногда удавалось получить немного мяса, немного сала.

Послѣдствіемъ этого недоѣданія было постоянное мучительное чувство голода, общая усталость и слабость и странное отупѣніе по отношенію къ окружающему и событіямъ повседневной жизни.

СОВѢТСКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ БЕРЛИНѢ.

Въ виду всего этого я принялъ предложеніе отправиться въ Берлинъ въ качествѣ финансоваго совѣтника при послѣ Іоффе, которое мнѣ было сдѣлано въ Москвѣ въ сентябрѣ 1918 года, Н. Н. Крестинскимъ, ставшимъ за это время народнымъ комиссаромъ финансовъ.

8 октября 1918 года я уѣхалъ изъ Москвы съ моимъ секретаремъ и однимъ бухгалтеромъ и прибылъ въ Берлинъ 11 октября послѣ утомительной поѣздки черезъ за-

падную Россію, занятую германскими войсками. Нужда берлинскаго населенія сразу бросалась въ глаза. Многія лавки были закрыты, въ свободномъ обращеніи не было ни молока, ни масла, ни хлѣба, ни мяса, все это получалось лишь по карточкамъ. Но по сравненію съ Москвой, въ особенности же съ Петербургомъ, Берлинъ находился въ несравненно лучшихъ условіяхъ.

А. А. Іоффе принялъ меня любезно и моя совмѣстная работа съ нимъ наладилась безъ всякихъ треній.

Моя задача въ Берлинѣ состояла главнымъ образомъ въ томъ, чтобы осуществить ликвидацію формально еще существовавшихъ въ Германіи (а именно въ Берлинѣ, Кенигсбергѣ и Данцигѣ) отдѣленій бывшаго русскаго частнаго «Соединеннаго Банка».

Кромѣ того, мнѣ было поручено, вести переговоры съ Имперскимъ Банкомъ (Reichsbank) въ Берлинѣ по поводу милліарднаго кредита, который Германія, согласно Брестъ-Литовскому мирному договору, обязалась предоставить Россіи.

Я началъ переговоры съ тогдашнимъ начальникомъ Имперскаго Банка, г. фонъ-Глазепанъ, причемъ съ русской стороны эти переговоры велись тогдашнимъ генеральнымъ консуломъ совѣтской республики въ Берлинѣ, Рудольфомъ Вячеславовичемъ Менжинскимъ [1]) и мной. Переговоры эти не вышли за предѣлы подготовительной стадіи. Для того, чтобы Германія пошла навстрѣчу, приходилось дѣлать извѣстныя предложенія съ русской стороны и я былъ чрезвычайно сдержанъ въ смыслѣ заявленій относительно возможныхъ русскихъ уступокъ. Мен-

---

[1]) Р. В. Менжинскій нынѣ состоитъ главнымъ начальникомъ Г.П.У., т.-е. Государственнаго Политическаго Управленія.

жинскій — человѣкъ съ образованіемъ и съ любезными пріемами въ обращеніи — удивлялся этому и однажды сдѣлалъ мнѣ соответственное указаніе.

Я ему отвѣтилъ, что я смотрю на свою задачу совершенно серьезно, что переговоры также являются серьезными и что поэтому необходима крайняя осторожность, когда приходится обѣщать уступки въ отвѣтъ на нѣмецкія требованія. Менжинскій тогда заявилъ мнѣ улыбаясь:

— Ну, мой дорогой, я васъ не понимаю. Покуда еще существуютъ идіоты, которые серьезно считаются съ нашей подписью и ей довѣряютъ, нужно обѣщать все, что угодно и сколько угодно, лишь бы сейчасъ добиться чего-либо осязаемого.

Я никоимъ образомъ не могъ присоединиться къ такой точкѣ зрѣнія и рѣшилъ запросить телеграфно народнаго комиссара финансовъ Крестинскаго, является ли моя тактика правильной.

Имѣлъ мѣсто телеграфный разговоръ съ Москвой. Менжинскій и я говорили изъ посольства въ Берлинѣ, а Крестинскій отвѣчалъ на каждый отдѣльный нашъ вопросъ изъ Москвы по аппарату Юза. На мой вопросъ, слѣдуетъ ли вести переговоры съ Имперскимъ Банкомъ всерьезъ или лишь формально, Крестинскій отвѣтилъ совершенно ясно: «Переговоры должны вестись вами серьезно».

Моя точка зрѣнія, слѣдовательно, вполнѣ совпадала съ точкой зрѣнія народнаго комиссара финансовъ, между тѣмъ, какъ тактика веденія переговоровъ, принятая Менжинскимъ, была отвергнута.

Мое пребываніе въ Берлинѣ оказалось весьма короткимъ. Въ концѣ октября 1918 года, политическое по-

ложеніе въ Германіи чрезвычайно обострилось. Карлъ Либкнехтъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы, и въ честь его былъ данъ большой банкетъ въ русскомъ посольствѣ. 4 ноября, имѣла мѣсто демонстрація на улицѣ Унтеръ денъ Линденъ, передъ зданіемъ русскаго посольства. Раздавались возгласы въ честь Ленина, Троцкаго, совѣтской Россіи. Я стоялъ во время демонстраціи въ моей комнатѣ у окна, въ нижнемъ этажѣ посольства, и наблюдалъ демонстрацію. Конный полицейскій помѣстился со своей лошадью на троттуарѣ лицомъ ко мнѣ, прямо передъ моимъ окномъ. Изъ нѣкоторыхъ нижнихъ оконъ совѣтскаго посольства нѣкоторыми служащими были выброшены маленькіе красные флажки. Когда посолъ узналъ объ этомъ, онъ немедленно велѣлъ забрать флажки и закрыть всѣ окна посольства.

5 ноября послѣ обѣда, я имѣлъ дѣловой разговоръ въ гостинницѣ Бристоль, Унтеръ денъ Линденъ. Вдругъ, страшно блѣдный, ворвался мой секретарь и доложилъ мнѣ, что ему только что было сообщено, что совѣтское посольство со всѣми своими служащими, прикомандированными къ нему спеціалистами и со всѣмъ личнымъ составомъ обязано выѣхать завтра изъ Германіи. Это меня поразило какъ молнія. Я немедленно отправился къ послу, который подтвердилъ это сообщеніе и заявилъ мнѣ, что высылка посольства производится вслѣдствіе требованія союзниковъ. Я просилъ инструкцій, гдѣ мнѣ оставаться съ моимъ секретаремъ и моимъ бухгалтеромъ. Посолъ мнѣ отвѣтилъ, что секретарь и бухгалтеръ должны вернуться въ Москву, что-же касается меня, то онъ меня увѣдомитъ завтра утромъ, долженъ-ли я вернуться въ Москву, или отправиться въ Копенгагенъ. Ибо перерывъ дипло-

ОБРАТНАЯ ОТПРАВКА ВЪ МОСКВУ. — АРЕСТЪ ВЪ БОРИСОВѢ.

Въ 8 час. вечера я прибылъ на вокзалъ Шарлоттенбургъ, гдѣ уже собрались всѣ остальные занятые въ посольствѣ эксперты, специалисты, и др. служащіе. На вокзалѣ присутствовали два представителя министерства иностранныхъ дѣлъ, которые контролировали каждаго прибывающаго, согласно особому списку личнаго состава. Насъ размѣстили въ вагонахъ второго класса и невольная поѣздка началась. Этотъ экстренный поѣздъ не останавливался въ Берлинѣ ни на станціяхъ «Зоологическій Садъ», «Фридрихштрассе», «Александеръ-Платцъ», ни на «Силезскомъ» вокзалѣ. Онъ безостановочно проѣхалъ черезъ эти станціи, и остановился 7 ноября утромъ въ Инстербургѣ. Вокзалъ былъ совершенно загражденъ солдатами въ стальныхъ каскахъ. На перронѣ были только должностныя лица. Мнѣ было еще разрѣшено отправить служебную депешу въ Берлинъ на нѣмецкомъ языкѣ, и поѣздъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ остановки, отправился дальше, за Эйдткуненъ, въ русскую область, занятую германскими войсками.

Я чувствовалъ себя нехорошо еще при отходѣ поѣзда, и совсѣмъ захворалъ въ поѣздѣ съ сильнымъ повышеніемъ температуры. На станціи Минскъ, занятой тогда нѣмцами, нашъ поѣздъ догналъ предыдущій поѣздъ съ посломъ и съ прочимъ личнымъ составомъ, и насъ всѣхъ размѣстили въ посольскомъ поѣздѣ. Я еле помню объ этомъ, такъ какъ меня перевели въ полусознательномъ отъ болѣзни состояніи изъ одного поѣзда въ другой. Поѣздка продолжалась, и мы прибыли 7 ноября, ночью, на

станцію Борисовъ, также занятую нѣмцами.

Тамъ мы остановились и должны были отправиться въ Москву въ самые ближайшіе дни. Оказалось, что совѣтское правительство, по какой-то причинѣ, задерживаетъ германскаго консула въ Москвѣ, Гаушильда, съ прочимъ посольскимъ и консульскимъ составомъ, и германское правительство, въ виду этого, соглашалось на нашъ отъѣздъ лишь при условіи, что мы будемъ обмѣнены на германскій посольскій составъ. Началось время надеждъ и догадокъ, — когда-же мы, собственно, отсюда уѣдемъ. Нашъ поѣздъ состоялъ изъ пяти вагоновъ, двухъ вагоновъ второго класса, трехъ вагоновъ 3-го класса, въ коемъ всего помѣщалось 106 человѣкъ. Вагоны были очень плохіе, страшно грязные и лишенные необходимаго комфорта. Меня, какъ больного, помѣстили въ маленькое купэ 2-го класса, совмѣстно съ инж. Р. Л. — прежнимъ директоромъ департамента въ министерствѣ торговли и промышленности, а въ то время экспертомъ по морскимъ вопросамъ и по судоходству, при послѣ Іоффе. Женщины и дѣти также были помѣщены во 2-омъ классѣ, большинство-же мужчинъ, въ особенности помоложе, всѣ размѣщались въ 3-мъ классѣ. Наша стража состояла изъ пожилыхъ запасныхъ солдатъ, и мы, въ сущности, были арестованы, хотя и имѣли разрѣшеніе, разгуливать вокругъ нашихъ вагоновъ и внутри кордона нашихъ постовъ, столько, сколько хотѣли. Однако, намъ было строжайше запрещено переходить черезъ кордонъ или оставлять его. Ежедневно насъ водили два раза, въ 1 часъ дня и въ 7 час. вечера, маленькими группами, подъ охраной солдатъ, въ буфетъ станціи Борисовъ въ 5 мин. ходьбы, гдѣ насъ и кормили. Къ утреннему чаю, мы собира-

лись въ 9 часовъ утра въ вагонъ 3-го класса, гдѣ намъ раздавали кипятокъ для варки чая и хлѣбъ.

Въ поѣздѣ находился также представитель министерства иностранныхъ дѣлъ, совершенно молодой человѣкъ, графъ Заурма. Онъ былъ довольно любезенъ, но, конечно, не могъ исполнять нашихъ требованій объ улучшеній условій нашего пребыванія. Іоффе была предоставлена возможность сноситься съ Москвой по прямому телеграфному проводу, чѣмъ онъ ежедневно и пользовался. Мы первоначально думали, что все это продлится только три дня. Но наше пребываніе въ Борисовѣ затягивалось все болѣе, и только 22 ноября мы наконецъ узнали, что можемъ выѣхать.

Нашъ поѣздъ двинулся 22 ноября вечеромъ на лежащую по близости нейтральную зону, но вскорѣ опять вернулся, такъ какъ оказалось, что Гаушильдъ и германскій личный составъ все еще не прибыли на нейтральную зону. 23 ноября, рано утромъ, нашъ поѣздъ опять выѣхалъ по направленію къ нейтральной зонѣ. Было 11 час. утра, когда произошелъ обмѣнъ. На нейтральной зонѣ стоялъ нашъ поѣздъ и два поѣзда съ только что прибывшими изъ Москвы Гаушильдомъ, его личнымъ составомъ, и прочими нѣмцами, всего нѣсколько сотъ человѣкъ. Поѣзда стояли другъ противъ друга, подъ охраной, съ обѣихъ сторонъ, солдатъ съ ручными гранатами.

Въ первую голову шелъ консулъ Гаушильдъ, въ сопровожденіи представителя народнаго комиссаріата иностранныхъ дѣлъ. За нимъ слѣдовалъ его персоналъ. Навстрѣчу ему направился посолъ Іоффе, въ сопровожденіи графа Заурма и посольскаго персонала. Этотъ историческій моментъ продолжался довольно дол-

го, и лишь въ 1 часъ дня нашъ поѣздъ двинулся по направленію къ Оршѣ.

Нашъ поѣздъ состоялъ на этотъ разъ изъ очень хорошихъ русскихъ вагоновъ 2-го класса и изъ салонъ-вагона для посла. Когда поѣздъ двинулся, нашимъ глазамъ представилось невѣроятное печальное, незабываемое зрѣлище.

Германія отправила русскихъ военноплѣнныхъ до нейтральной зоны, тамъ ихъ высадила и предоставила своей судьбѣ. Съ русской стороны, не было принято никакихъ мѣръ къ тому, чтобы устроить у нейтральной зоны пріемочный пунктъ для возвращающихся русскихъ военноплѣнныхъ. Въ виду этого, они должны были ходить пѣшкомъ по 30-40 километровъ отъ нейтральной зоны до ближайшей русской желѣзнодорожной станціи, въ зиму, ночной порой, черезъ метель, непогоду и холодъ. По обѣимъ сторонамъ дороги, по которой проѣзжалъ нашъ поѣздъ, шли нескончаемые ряды людей, въ лохмотья, обряженныхъ въ самыя странныя одежды. На дворѣ былъ рѣзкій холодъ. Мы видѣли, какъ люди шли въ легкихъ штанахъ, безъ шинелей, обернутые въ пестрыя одѣяла, въ голубыхъ платкахъ. Это была ужасная, фантастическая картина, достойная глубокаго сострадакія. Меня пригласили въ салонъ-вагонъ посла, гдѣ былъ сервированъ чай. Внезапно, я увидѣлъ руку, схватившуюся за окно салонъ-вагона. Одинъ изъ военно-плѣнныхъ вспрыгнулъ на поѣздъ, прицѣпился къ салонъ-вагону и повисъ на немъ, держась уже нѣкоторое время. Пришлось взять этого человѣка въ вагонъ, такъ какъ иначе ему грозила опасность упасть и быть раздавленнымъ поѣздомъ.

На слѣдующей остановкѣ, насъ умоляли больные военноплѣнные взять ихъ въ нашъ поѣздъ. Раздавались страшныя проклятія и матерная ругань. Но нашъ поѣздъ былъ переполненъ и состоялъ всего изъ нѣсколькихъ вагоновъ, такъ что могъ-бы принять лишь нѣсколькихъ человѣкъ. Но мы стояли передъ грозной опасностью, что, если мы хоть одного возьмемъ, то поѣздъ будетъ взятъ толпой съ бою. Мы двинулись дальше и должны были проѣхать черезъ станцію, на которой, какъ мы знали, собралось большое количество военноплѣнныхъ. Комендантъ нашего поѣзда принялъ крайнія мѣры предосторожности. Солдаты съ ручными гранатами были поставлены ко всѣмъ входамъ вагоновъ, и нашъ поѣздъ медленнымъ темпомъ проѣхалъ черезъ станцію. Все-же, поѣздъ вынужденъ былъ остановиться, ибо военноплѣнные стали на рельсы и остановили поѣздъ такимъ способомъ. Потребовались долгіе переговоры между комендантомъ нашего поѣзда и военноплѣнными, чтобы побудить ихъ пропустить нашъ поѣздъ безпрепятственно. Имъ было серьезно обѣщано, что мы немедленно, послѣ пріѣзда въ Оршу, позаботимся о томъ, чтобы имъ была оказана помощь и обезпечено дальнѣйшее передвиженіе.

Когда мы пріѣхали въ Оршу, нашъ поѣздъ былъ торжественно встрѣченъ мѣстными членами партіи, и насъ всѣхъ угостили обѣдомъ.

24 ноября, послѣ обѣда, нашъ поѣздъ прибылъ въ Москву. Посолъ и личный составъ посольства отправились въ назначенный для нихъ прекрасный домъ на Поварской улицѣ, въ то время, какъ мы, прочіе, должны были сами искать себѣ пристанища. Я отправился, послѣ прибытія, къ своимъ родственникамъ, гдѣ и остался жить.

Глава четвертая.

РЕВИЗІЯ ГЛАВНОЙ КАНЦЕЛЯРІИ ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА. — РЕВИЗІЯ ТЕКСТИЛЬНАГО ТРЕСТА. — ОТЪѢЗДЪ ЗА ГРАНИЦУ.

На слѣдующій день послѣ моего прибытія въ Москву, я явился въ народный комиссаріатъ финансовъ, имѣлъ докладъ у народнаго комиссара Н. Н. Крестинскаго и былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при комиссаріатѣ финансовъ. Въ качествѣ таковаго мнѣ была поручена ревизія главной канцеляріи Государственнаго Банка, надъ которой я и работалъ до конца декабря 1918 года.

Затѣмъ правительствомъ была учреждена, въ январѣ 1919 года, Особая Комиссія по ревизіи и реорганизаціи Центротекстиля (т. е. синдиката всѣхъ русскихъ текстильныхъ фабрикъ), а я — правда, противъ моей воли — былъ назначенъ руководящимъ членомъ этой Комиссіи. Я весьма часто былъ замѣстителемъ партійнаго предсѣдателя этой комиссіи и фактически на мнѣ лежала вся работа. Моя дѣятельность въ Центротекстилѣ меня очень мало привлекала, такъ какъ при тогдашнихъ обстоятель-

ствахъ я не вѣрилъ въ дѣйствительную возможность реорганизаціи подобнаго разношерстнаго предпріятія. Но я, конечно, исполнялъ мой долгъ, и мнѣ удалось привлечь 15 опытныхъ инженеровъ и коммерсантовъ въ качествѣ активныхъ сотрудниковъ этой комиссіи.

Достаточно нѣсколькихъ строкъ, чтобы дать картину того полнаго отсутствія плана и того излишка служащихъ, которые тогда имѣли мѣсто въ Центротекстилѣ.

Я съ двумя моими сотрудниками началъ ревизію прежде всего съ опроса начальника «Центральнаго Отдѣла личнаго состава» при Центротекстилѣ. Когда я его спросилъ: «Сколько у васъ служащихъ?» онъ отвѣтилъ: «Приблизительно 5.500». Я ему возразилъ: «Вы начальникъ личнаго состава. Вы обязаны назвать мнѣ точное число служащихъ на сегодняшній день. Я не признаю слова приблизительно». Онъ заявилъ, что онъ, къ сожалѣнію, не въ состояніи мнѣ назвать въ данный моментъ точное число служащихъ.

Я: — Что же другое вы дѣлаете, кромѣ этого? Вѣдь, вы же имѣете лишь вести поименный списокъ служащихъ, личные акты, періодически къ концу мѣсяца составлять окладные листы, контролировать расходы по поѣздкамъ и проч., выдавать мандаты на поѣздки и т. д. Вѣдь кромѣ того, въ каждомъ отдѣлѣ Центротекстиля существуетъ свой особый отдѣлъ личнаго состава, который вамъ доставляетъ уже готовыя сводки по своему отдѣлу. Сколько же служащихъ у васъ имѣется въ секретаріатѣ?

— Шесть.

— Такъ.

Тогда я обратился къ сидящей тутъ же служащей и спросилъ ее: — Вы что дѣлаете?

Она отвѣтила: — Я веду книгу мандатовъ на командировки.

Я: — Пожалуйста садитесь и пишите совершенно спокойно и медленно: Мандатъ. Товарищъ Николай Александровичъ Петровъ настоящимъ командируется изъ г. Москвы въ г. Иваново-Вознесенскъ для осмотра завода «Красный Маякъ» и для точнаго контроля находящихся тамъ запасовъ готоваго текстильнаго товара, сырья и полуфабрикатовъ. — Ну что же вы готовы? Хорошо. Сколько времени это продолжалось?

— Три минуты.

— Что же вы тогда дѣлаете съ мандатомъ?

— Я записываю мандатъ въ особую книгу.

— Это продолжается еще три минуты. Вамъ слѣдовательно нужно всего шесть минутъ для проведенія мандата. Сколько времени вы здѣсь служите?

— Пять недѣль.

— Сколько мандатовъ вы за это время выдали?

— Девяносто одинъ.

— Такъ что приблизительно три мандата ежедневно. Это составляетъ всего 18 минутъ. Хорошо. Что же вы дѣлаете въ теченіе остальныхъ шести часовъ?

На этотъ вопросъ я, конечно, не получилъ никакого отвѣта. Но я этому вовсе и не удивился. Я вѣдь къ этому былъ вполнѣ подготовленъ и ничего другого не ожидалъ.

Я отлично зналъ, что имѣю дѣло со скудно одѣтыми, живущими чрезвычайно скученно, въ невѣроятныхъ жилищныхъ условіяхъ, недоѣдающими, голодными, и получающими смѣхотворное жалованье людьми, отъ которыхъ, конечно, серьезной работы и требовать было

нельзя. Вина въ ничтожныхъ экономическихъ результатахъ, въ мизерной производительности труда состава служащихъ въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ лежала на отдѣльныхъ лицахъ, а главнымъ образомъ на общихъ жизненныхъ условіяхъ.

Конечно, упреками, выговорами или отдѣльными увольненіями тутъ нельзя было помочь. Единственнымъ и то весьма суровымъ исходомъ было бы безпощадное увольненіе излишняго состава служащихъ, образовавшагося благодаря сліянію текстильныхъ фабрикъ и текстильныхъ фирмъ, въ особенности Московскаго района, и улучшеніе условій жизни, повышенное жалованье, повышенные пайки продовольствія, платья и т. д. для остающихся.

Но при существующихъ условіяхъ, въ началѣ 1919 года, это было гораздо легче сказать, чѣмъ дѣлать.

Вѣдь государство внезапно, безъ малѣйшаго перехода стало на мѣсто частныхъ предпріятій. Чиновники и служащіе, выброшенные на улицу вслѣдствіе національзаціи банковъ, торговли и промышленности, ломились со стихійной силой во всѣ правительственныя учрежденія, во всѣ государственные и коммунальные институты, тресты, синдикаты, «комбинаты» и во всякія прочія государственно-экономическія новообразованія.

Каждый добивался должности, никто не хотѣлъ умирать съ голоду, никто не хотѣлъ быть причисленнымъ къ «паразитарнымъ слоямъ населенія», къ «нетрудовому элементу». Совѣтская служба представлялась единственнымъ исходомъ для большинства интеллигентовъ, для бывшаго банковаго служащаго, для бывшаго служащаго коммерческаго и промышленнаго предпріятія. Удостовѣреніе со-

нѣскаго служащаго было единственно дѣйствительнымъ политическимъ средствомъ защиты для бывшаго купца или служащаго, а также и для интеллигента, не принадлежащаго къ коммунистической партіи, къ единственно-правовѣрной церкви.

Къ этому присоединялось еще то обстоятельство, что коммунистическая партія, въ качествѣ правительственной партіи, естественно должна была имѣть своихъ собственныхъ, партійныхъ, людей въ отдѣльныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, для того, чтобы не быть вынужденной опираться на совершенно чуждый ей аппаратъ служащихъ.

Этимъ всѣмъ объясняется громадный излишекъ человѣческаго матеріала въ отдѣльныхъ правительственныхъ мѣстахъ, въ особенности въ Москвѣ, въ новомъ мѣстопребываніи правительства.

ОТЪѢЗДЪ ЗА ГРАНИЦУ.

Моя дѣятельность въ Центротекстилѣ не давала мнѣ никакого удовлетворенія. Я поэтому былъ радъ, когда инженеръ Р. Л. заѣхалъ ко мнѣ въ началѣ февраля 1919 года въ Москву, сообщилъ мнѣ, что онъ по служебному порученію уѣзжаетъ въ Финляндію и предложилъ мнѣ, если я желаю, сопровождать его оффиціально въ качествѣ его совѣтника. Поѣздка должна была продолжаться всего отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ. Я согласился, такъ какъ я страдалъ отъ московскихъ условій жизни и охотно вырвался бы оттуда хотя бы на нѣсколько мѣсяцевъ.

Я обратился къ народному комиссару финансовъ

Крестинскому и просилъ его предоставить мнѣ отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ и откомандировать меня въ народный комиссаріатъ торговли, съ цѣлью служебной поѣздки въ Финляндію. Крестинскій согласился и написалъ по этому поводу народному комиссару Красину. Красинъ, жившій тогда въ Москвѣ въ гостинницѣ Метрополь, въ двухъ весьма скромныхъ комнатахъ, охотно согласился послать меня съ инженеромъ Р. Л. въ качествѣ его совѣтника.

Красинъ объяснилъ мнѣ, что инженеръ Р. Л. отправляется въ Финляндію по порученію главнаго управленія бумажнымъ производствомъ (Главбумъ) для того, чтобы заказать и закупить техническій матеріалъ и принадлежности, необходимые для возстановленія и для дальнѣйшаго продолженія работъ бумажныхъ фабрикъ, общей сложностью приблизительно въ 200.000 золотыхъ рублей. Красинъ подчеркивалъ необходимость скорѣйшаго исполненія этого порученія и просилъ меня оказать энергичную поддержку инженеру Р. Л.

Совѣтская Россія была тогда герметически закрыта отъ внѣшняго міра. Дипломатическія сношенія съ европейскими государствами, и прежде всего съ сосѣдними государствами, были совершенно прерваны. И съ Финляндіей не существовало ни дипломатическихъ, ни иныхъ отношеній.

Поѣздка за границу была при этихъ условіяхъ весьма опаснымъ предпріятіемъ.

Все же мы выѣхали 2 марта 1919 г. изъ Петербурга на финляндскую границу, на станцію Бѣлоостровъ, отстоящую отъ Петербурга на разстояніи менѣе часа ѣзды. Финскія пограничныя власти потребовали отъ насъ, что-

бы мы немедленно оставили Финляндію и продолжали бы поѣздку на финскомъ пароходѣ изъ Або въ Швецію. Мы конечно должны были подчиниться этому требованію и 5 марта 1919 года прибыли въ Стокгольмъ.

Инженеръ Р. Л. заказалъ потребный техническій матеріалъ, согласно порученію, въ Швеціи вмѣсто Финляндіи и наша задача была закончена. О возвратѣ въ Москву не могло быть и рѣчи. Совѣтская Россію все еще была блокирована. Всѣ границы были и остались закрытыми.

Такъ какъ я не могъ найти въ Швеціи никакого занятія, то я рѣшился отправиться въ Германію, получилъ разрѣшеніе на въѣздъ и прибылъ въ іюнѣ 1919 года изъ Стокгольма въ Берлинъ, гдѣ мнѣ вскорѣ удалось найти службу въ банковомъ учрежденіи.

Глава пятая.

ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАЯ МИССІЯ Р. С. Ф. С. Р. ЗА ГРАНИЦЕЙ: БЕРЛИНЪ — СТОКГОЛЬМЪ. — ЗАКАЗЪ ПАРОВОЗОВЪ.

Весною 1920 года экономическая и дипломатическая блокада, окружавшая совѣтскую Россію какъ бы непроницаемой стѣной, нѣсколько поддалась.

Народный комиссаръ для внѣшней торговли, Л. Б. Красинъ, отправился въ апрѣлѣ 1920 года во главѣ большой делегаціи въ Лондонъ и пытался по возможности вновь создать и развить экономическія и дипломатическія сношенія съ Англіей и другими государствами Европы. На пути Красинъ побылъ также въ Швеціи и въ Даніи и заключилъ 15 мая 1920 года въ Копенгагенѣ съ уполномоченнымъ шведскаго паровознаго завода принципіальное соглашеніе о поставкѣ 1.000 паровозовъ, имѣвшее чисто прелиминарный характеръ и не содержавшее ни техническихъ, ни финансовыхъ деталей.

Послѣ заключенія этого соглашенія проф. Ю. В. Ломоносовъ — извѣстный спеціалистъ въ области желѣзнодорожнаго дѣла и постройки паровозовъ — былъ по-

сланъ со спеціальнымъ порученіемъ въ Стокгольмъ, чтобы заключить съ соотвѣтственнымъ шведскимъ паровознымъ заводомъ окончательный и подробный договоръ и взять въ свои руки реализацію этого договора.

Въ августѣ 1920 года Ломоносовъ пріѣхалъ въ Берлинъ, чтобы вести переговоры съ союзомъ германскихъ паровозныхъ заводовъ о поставкѣ паровозовъ для совѣтской Россіи, и я познакомился съ Ломоносовымъ 18 августа по поводу одного дѣлового разговора.

Ломоносовъ, имѣвшій неограниченныя полномочія, предложилъ мнѣ работать совмѣстно съ нимъ и быть его юридическимъ и финансовымъ совѣтникомъ. Я охотно согласился, ибо дѣло шло объ очень крупной и интересной задачѣ.

Порученіе, данное совѣтскимъ правительствомъ Ломоносову, по заказу для Россіи одной тысячи новыхъ паровозовъ и всего относящегося къ нимъ матеріала, представляло собой заказъ въ суммѣ отъ 20 до 25 милліоновъ англійскихъ фунтовъ, т. е. достигало такихъ размѣровъ, какіе уже давно не имѣли мѣста на рынкѣ.

Германская паровозная промышленность имѣла въ то время, когда многіе заводы были пріостановлены, существеннѣйшій интересъ получить хотя-бы часть этого заказа. Самое крупное затрудненіе состояло въ финансированіи этого заказа. Совѣтская Россія въ то время находилась въ состояніи экономической и дипломатической изоляціи и окруженія и не имѣла дипломатическихъ представителей, ни въ Германіи, ни — за рѣдкими исключеніями — въ остальныхъ странахъ Европы.

Совѣтская Россія въ то время не могла, при заказѣ паровозовъ, ожидать ни малѣйшаго кредита и вы-

нуждена была оплачивать ихъ наличными. Единственнымъ средствомъ платежа было золото въ монетѣ или въ слиткахъ. Ввозъ русскаго золота въ Англію, Францію или Соединенные Штаты былъ въ то время, однако, строжайше запрещенъ. Не была исключена опасность, что русское золото будетъ секвестровано союзниками, если совѣтская Россія захочетъ оплатить германскій заказъ паровозовъ золотомъ въ Германіи. Нужно было найти исходъ, который вполнѣ обезпечилъ бы русское золото, доставленное совѣтской Россіей. Было рѣшено депонировать русское золото въ Швеціи, куда оно могло быть доставлено безъ всякихъ затрудненій изъ Ревеля. Правда, со Швеціей совѣтская Россія также не имѣла никакихъ дипломатическихъ сношеній, но имѣла таковыя съ Эстоніей.

Въ концѣ сентября 1920 года я отправился съ Ломоносовымъ въ Лондонъ для того, чтобы получить принципіальное согласіе Красина на проведеніе этого плана. Красинъ не вѣрилъ, что это дѣло можетъ быть осуществлено, но не возражалъ противъ того, чтобы мы начали переговоры въ Стокгольмѣ. Мы получили въ Лондонѣ шведскую визу и отправились 2 октября 1920 года на пароходѣ изъ Нью-Кестля въ Гетеборгъ. Въ Стокгольмѣ мы начали энергичные переговоры съ шведскими крупными банками, а также и съ шведскими правительственными мѣстами.

ЗАКАЗЪ ПАРОВОЗОВЪ.

Эти переговоры послѣ долгаго труда имѣли желанный результатъ. 22 октября 1920 года между Всероссій-

скимъ Центральнымъ Союзомъ Потребительныхъ Обществъ («Центросоюзъ») въ Москвѣ, представленнымъ проф. Ломоносовымъ, и правленіемъ шведскаго паровознаго завода въ Стокгольмѣ былъ заключенъ договоръ на поставку 1.000 паровозовъ съ тендерами по цѣнѣ въ 230.000 шведскихъ кронъ за паровозъ съ тендеромъ. Изъ означенныхъ 1.000 паровозовъ 800 должны были быть изготовлены въ Германіи на разныхъ паровозныхъ заводахъ, а 200 паровозовъ въ самой Швеціи, на фабрикѣ въ г. Троллхэттанѣ.

Финансированіе заказа было обусловлено договоромъ съ банкомъ въ Стокгольмѣ, причемъ банкъ имѣлъ уплачивать отдѣльнымъ германскимъ заводамъ задаточныя суммы подъ обезпеченіе депонированнаго у него русскаго золота. Всѣ договоры были заключены подъ условіемъ послѣдующаго утвержденія таковыхъ совѣтскимъ правительствомъ въ Москвѣ.

Проф. Ломоносовъ выѣхалъ 21 октября черезъ Ревель въ Москву, чтобы добиться утвержденія заключенныхъ договоровъ совѣтскимъ правительствомъ, между тѣмъ какъ я остался въ Стокгольмѣ для того, чтобы подготовлять проведеніе этихъ договоровъ. 20 ноября Ломоносовъ вновь прибылъ въ Стокгольмъ съ шестью русскими желѣзнодорожными инженерами. Онъ сообщилъ мнѣ, что заключенные имъ договоры утверждены совѣтомъ народныхъ комиссаровъ въ Москвѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ получено 5 ноября отъ совѣта народныхъ комиссаровъ соотвѣтствующія весьма широкія полномочія, согласно коимъ учреждается особая Желѣзнодорожная Миссія Р. С. Ф. С. Р. за границей съ мѣстопребываніемъ въ Стокгольмѣ, начальникомъ коей онъ назна-

ченъ. Одновременно онъ извѣстилъ меня о томъ, что я назначенъ оффиціально его первымъ замѣстителемъ и юридическимъ и финансовымъ совѣтникомъ, между тѣмъ какъ проф. Владимиръ Френъ назначенъ его вторымъ замѣстителемъ и техническимъ совѣтникомъ.

Золото, необходимое для проведенія договоровъ, уже прибыло въ Ревель. Но такъ какъ находившійся въ Лондонѣ народный комиссаръ торговли Красинъ заявилъ въ Москвѣ протестъ противъ этихъ договоровъ, золото было большей частью задержано въ Ревелѣ.

Проф. Ломоносовъ находился въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи. Съ одной стороны, онъ заключилъ договоры на основаніи выданныхъ ему полномочій отъ имени Центросоюза и получилъ послѣдующее утвержденіе таковыхъ со стороны совѣтскаго правительства, съ другой стороны онъ въ самую послѣднюю минуту встрѣтилъ неожиданное противодѣйствіе въ лицѣ Красина, который отказывался одобрять договоры. Красинъ становился на ту точку зрѣнія, что паровозы, заказанные въ Германіи, все равно не будутъ выданы совѣтской Россіи, такъ какъ французское правительство путемъ соотвѣтственнаго толкованія Версальскаго договора уже добьется того, чтобы наложить руку какъ на паровозы, изготовленные въ Германіи, такъ и на золото, депонированное въ Швеціи.

Имѣлась только одна возможность убѣдить Красина, а именно съѣздить къ нему въ Лондонъ со всѣми договорами и въ подробномъ личномъ докладѣ разъяснить и оправдать заключеніе таковыхъ. Ломоносовъ поручилъ мнѣ эту тяжелую задачу, ибо я былъ отвѣтственъ за юридическій текстъ договоровъ. Съ другой стороны мы долж-

ны были считаться съ тѣмъ, что если окончательное утвержденіе договоровъ не прибудетъ въ Стокгольмъ до 18 декабря 1920 года, то Шведскій Банкъ будетъ вправѣ отступиться отъ заключенныхъ уже договоровъ.

Дѣло было чрезвычайно спѣшно. Я выѣхалъ 12 декабря изъ Берлина въ Лондонъ и имѣлъ 14 декабря первый разговоръ съ Красинымъ. Красинъ принялъ меня весьма сурово и спросилъ меня, чего я желаю и для чего я сюда пріѣхалъ. Я заявилъ ему, что я пріѣхалъ сюда по порученію проф. Ломоносова, что я взялъ съ собою всѣ договоры и что я желаю представить ему таковые и подробно обосновать ихъ.

Красинъ: — Я знаю договоры. За таковые договоры и Васъ и профессора слѣдовало бы разстрѣлять.

Я: — Хорошо, Леонидъ Борисовичъ, что Вы мнѣ это говорите въ Лондонѣ, а не въ Москвѣ. Прежде всего выслушайте меня, для разстрѣла у Васъ всегда еще хватитъ времени.

Я настоялъ на томъ, чтобы Красинъ удѣлилъ мнѣ три полныхъ часа безъ того, чтобы намъ мѣшали, и подробно обосновалъ каждый изъ весьма сложныхъ договоровъ. Я разъяснилъ ему, почему мы, будучи вынуждены обстоятельствами, должны были принять отдѣльные пункты договоровъ именно такъ, а не иначе. Красину было извѣстно, что двѣ великія державы черезъ своихъ посланниковъ въ Стокгольмѣ выступили передъ шведскимъ правительствомъ противъ заключенія договора, предоставляющаго германской промышленности заказъ въ 800 паровозовъ. Красинъ зналъ также, что намъ пришлось энергично настаивать передъ шведскимъ министромъ-президентомъ Брантингомъ и передъ шведскими министерст-

вами иностранныхъ дѣлъ и торговли, для того, чтобы убѣдить шведское правительство въ лойяльности и въ экономической необходимости договоровъ.

Послѣ окончанія моего доклада Красинъ сказалъ мнѣ:

— Хорошо, я вижу, что при данныхъ обстоятельствахъ вы иначе поступить не могли.

Я просилъ его тогда, чтобы онъ мнѣ письменно подтвердилъ, что онъ согласенъ съ окончательнымъ подписаніемъ договоровъ. Красинъ медлилъ. Онъ хотѣлъ предварительно запросить по телеграфу мнѣніе своего личнаго друга, торговаго представителя въ Ревелѣ, Г. А. Соломона. 16 декабря я опять явился къ Красину и спросилъ его, прибылъ ли уже изъ Ревеля отвѣтъ отъ Соломона.

— Нѣтъ, отвѣтъ пока еще не прибылъ. Но вы можете спокойно сегодня-же вернуться въ Берлинъ, я дамъ мое согласіе Ломоносову еще сегодня по телеграфу.

Я заявилъ Красину на это, что я не уѣду изъ Лондона, пока онъ не подпишетъ свое согласіе въ моемъ присутствіи и, что это согласіе, если онъ вообще его хочетъ дать, должно послѣдовать обязательно сегодня, такъ какъ наше окончательное подтвержденіе должно быть въ рукахъ банка въ Стокгольмѣ, никоимъ образомъ не позднѣе 18 декабря.

Красинъ, который несмотря на чрезвычайно вѣскіе аргументы, давалъ свое согласіе на эти договоры лишь весьма неохотно, просилъ меня заѣхать къ нему еще разъ послѣ обѣда. Я явился къ нему, отвѣтная телеграмма изъ Ревеля все еще не прибыла, но Красинъ рѣшился дать мнѣ свое согласіе. Когда я это согласіе имѣлъ въ рукахъ, я сказалъ ему:

— А какъ же теперь съ разстрѣломъ, Леонидъ Борисовичъ?

Красинъ грубо отвѣтилъ:

— Оставьте этотъ вздоръ.

Я: — Къ несчастью, это не вздоръ. Если бы нашъ разговоръ имѣлъ мѣсто въ Москвѣ, то дѣло могло бы окончиться для меня совсѣмъ инымъ образомъ.

Красинъ: — Зачѣмъ вы копья ломаете для Ломоносова? Въ дѣйствительности вѣдь вы же составили всѣ договоры. Вѣдь вы же духовный отецъ этихъ договоровъ, а не Ломоносовъ. Вѣдь онъ же безъ васъ никогда-бы ихъ не создалъ.

Я: — Я работаю не для Ломоносова. Я работаю въ интересахъ дѣла. Я не могу судить, отвѣчаютъ ли заказанные паровозы технически русскимъ потребностямъ, но на Ломоносова вездѣ смотрятъ, какъ на авторитетъ въ области паровознаго дѣла. Я въ этомъ могъ убѣдиться и въ Германіи, и поэтому я думаю, что техническая часть безупречна. То, что депонированное въ Швеціи золото и паровозы, изготовленные въ Германіи, обезпечены отъ всякаго захвата, я вамъ доказалъ. То, что договоры обезпечиваютъ интересы совѣтскаго правительства во всѣхъ отношеніяхъ, вы тоже видѣли. То, что паровозы представляютъ собой экономическую потребность для Россіи, въ этомъ очевидно вы сами убѣждены, иначе вы бы мнѣ сегодня не дали согласія на заказъ паровозовъ. Поэтому, я теперь могу спокойно уѣхать и взять въ руки проведеніе договора.

Мы дружески простились и Красинъ сказалъ мнѣ въ концѣ концовъ улыбаясь:

— Ну такъ какъ дѣло рѣшено, то возьмитесь за не-

го со всей энергіей. Желаю вамъ наилучшаго успѣха.

Я немедленно вернулся въ Берлинъ, къ Ломоносову, который телеграфно увѣдомилъ банкъ въ Стокгольмѣ о послѣдовавшемъ согласіи Красина. Паровозный договоръ такимъ образомъ окончательно состоялся.

Шведскій Банкъ, въ сейфахъ коего было депонировано русское золото, оказался теперь передъ чрезвычайно трудной въ то время задачей постепенной реализаціи золота. Какъ уже упомянуто мной, ввозъ русскаго золота въ Англію, Францію и Соединенные Штаты былъ въ то время строжайше запрещенъ. Но къ Красину поступалъ въ Лондонѣ цѣлый рядъ запросовъ относительно покупки русскаго золота изъ Испаніи и Италіи. Нужно было установить, откуда идутъ эти запросы, потому что не подлежало сомнѣнію, что сама Испанія не нуждалась въ золотѣ, во всякомъ случаѣ не въ запрашиваемомъ количествѣ .

По порученію Красина и Ломоносова, я отправился въ началѣ января 1921 года въ Испанію и Италію, велъ въ этихъ странахъ переговоры съ разными банками и фирмами, торгующими драгоцѣнными металлами, и установилъ въ концѣ концовъ, что всѣ запросы, поступившіе отъ испанскихъ и итальянскихъ фирмъ, въ дѣйствительности исходятъ отъ одной крупной парижской фирмы, которая этимъ обходнымъ путемъ хотѣла обезпечить себѣ покупку русскаго золота.

Въ серединѣ февраля 1921 года я вернулся въ Стокгольмъ, доложилъ о результатахъ моей поѣздки, но нашелъ въ Стокгольмѣ совершенно измѣнившееся положеніе вещей. Противъ меня были въ полномъ ходу интриги, возникшія во время моего отсутствія, которыя дѣла-

ли невозможнымъ всякую дальнѣйшую плодотворную работу.

Ломоносовъ окружилъ себя за это время рядомъ бывшихъ и новыхъ сотрудниковъ, которыхъ онъ пригласилъ для службы въ Желѣзнодорожной Миссіи. Свою жену онъ оффиціально назначилъ секретаремъ Желѣзнодорожной Миссіи въ Стокгольмѣ. Послѣ этого тѣ хорошія отношенія, которыя существовали между мной и Ломоносовымъ, были испорчены и атмосфера взаимнаго довѣрія и дружеской совмѣстной работы исчезла.

Будучи оффиціально его первымъ замѣстителемъ, я казался теперь для него слишкомъ самостоятельнымъ и слишкомъ дѣятельнымъ. Будучи прежде Его Превосходительствомъ на царской желѣзнодорожной службѣ, онъ привыкъ быть окруженнымъ угодливыми чиновниками. Я же въ моей дѣятельности былъ часто вынужденъ выступать противъ мнѣнія Ломоносова въ дѣловыхъ вопросахъ и доказывать ему правильность моей точки зрѣнія. Хотя Ломоносовъ, къ счастью, принадлежалъ къ людямъ, которыхъ можно убѣждать фактами, но все же ему было тягостно, что въ важныхъ юридическихъ, финансовыхъ и коммерческихъ вопросахъ онъ долженъ былъ полагаться на меня.

Окружающіе его изображали мою дѣятельность нѣкоторымъ образомъ какъ опеку и такимъ образомъ, благодаря интригамъ третьихъ лицъ, между нами раскрылась пропасть, черезъ которую уже нельзя было перекинуть мостъ. Въ виду этого я увидѣлъ себя вынужденнымъ въ концѣ февраля 1921 года оставить мою должность.

Глава шестая.

НАЗНАЧЕНІЕ ЗАМѢСТИТЕЛЕМЪ НАЧАЛЬНИКА ВАЛЮТНАГО УПРАВЛЕНІЯ ВЪ МОСКВѢ. — ОТЪѢЗДЪ ВЪ МОСКВУ. — ВСТРѢЧА СЪ П. І. ПАЛЬЧИНСКИМЪ.

Послѣ того, какъ я оставилъ мою должность въ Желѣзнодорожной Миссіи, я вернулся къ частной жизни. Въ концѣ мая 1921 года народный комиссаръ финансовъ Н. Н. Крестинскій прибылъ въ Берлинъ. Я неоднократно посѣщалъ его и докладывалъ ему подробно относительно моей дѣятельности въ Желѣзнодорожной Миссіи.

Послѣ обстоятельнаго разговора, онъ предложилъ мнѣ, поѣхать въ Москву и занять въ народномъ комиссаріатѣ финансовъ отвѣтственный постъ. Но я тогда, лѣтомъ 1921 г., не могъ рѣшиться на это. Я, при тогдашней политико-экономической тенденціи, во время такъ называемаго «военнаго коммунизма», не видѣлъ почвы для продуктивной дѣятельности.

Въ январѣ 1923 года у меня съ Н. Н. Крестинскимъ, ставшимъ за это время посломъ въ Берлинѣ, опять былъ длинный разговоръ. Политическія обстоятельства въ Мо-

сквҍ за это время перемҍнились. Произошелъ поворотъ направо. Это была эра «новой экономической политики», возстановленія промышленности, торговли, банковаго дҍла и всей хозяйственной жизни. Открывалось такимъ образомъ большое поле для конструктивной дҍятельности. Послҍ запроса въ Москвҍ Н. Н. Крестинскій предложилъ мнҍ 10 марта 1923 года, по порученію народнаго комиссара финансовъ Г. Я. Сокольникова, чрезвычайно отвҍтственный и вполнҍ отвҍчающій моему стремленію постъ начальника валютнаго управленія въ Москвҍ.

Валютное управленіе было недавно учрежденнымъ управленіемъ въ народномъ комиссаріатҍ финансовъ, которое имҍло задачей направлять валютную политику страны, стать во главҍ вновь созидаемаго банковаго и кредитнаго дҍла страны, возстанавливать систему сберегательныхъ кассъ, проводить внутренніе и внҍшніе займы и управлять принадлежащими государству фондами. Валютному Управленію было подчинено громаднҍйшее поле дҍятельности. Монетный Дворъ въ Петербургҍ, Государственное хранилище цҍнностей («Гохранъ»), Государственная Типографія для заготовленія государственныхъ бумагъ и денежныхъ знаковъ («Гознакъ») въ Петербургҍ, Пробирная Палата, всҍ пробирныя палатки и т. д. находились подъ непосредственнымъ руководствомъ валютнаго управленія. Валютное управленіе вело надзоръ надъ всҍми банками, кредитными учрежденіями и сберегательными кассами и обязано было озаботиться также финансированіемъ только что оживающей золотой и платиновой промышленности. Валютное управленіе имҍло гораздо большее поле дҍятельности, чҍмъ прежняя Кредитная Канцелярія въ Петербургҍ, которая вҍдала

всѣми государственными займами, управляла государственнымъ долгомъ и осуществляла высшій надзоръ за банками.

Я принялъ это предложеніе и, въ виду господствующей въ Москвѣ жилищной нужды, поставилъ лишь одно условіе, чтобы мнѣ была предоставлена маленькая меблированная квартира изъ двухъ комнатъ. Я зналъ, что совѣтское правительство платитъ въ предѣлахъ совѣтской Россіи очень низкіе оклады. Народные комиссары получали въ 1923 году, кромѣ квартиры, мѣсячный окладъ лишь въ 210 золотыхъ рублей (21 англ. фунтъ). Мнѣ же въ качествѣ спеціалиста былъ назначенъ мѣсячный окладъ въ 310 золотыхъ рублей, за исключеніемъ квартиры.

ОТЪѢЗДЪ ВЪ МОСКВУ

24-го марта 1923 года я съ моей женой выѣхали въ Москву. Болѣе четырехъ лѣтъ я не былъ въ Россіи, зналъ о дальнѣйшемъ ходѣ событій только изъ газетъ и меня чрезвычайно интересовало, что я найду въ дѣйствительности. Въ Ригѣ мы сѣли на русскій поѣздъ, который въ 36 часовъ привезъ насъ въ Москву. На русской границѣ, въ Себежѣ, у меня получилось впечатлѣніе наличности крѣпкой дисциплины, солдаты были хорошо одѣты, таможенный досмотръ произведенъ былъ корректно и вѣжливо. Мы изъ самаго Берлина уже ѣхали въ сопровожденіи совѣтскаго дипломатическаго курьера. Мы имѣли много багажа, такъ какъ я ошибочно предполагалъ, что у меня въ моемъ новомъ оффиціальномъ положеніи будетъ много представительскихъ обязанностей. Въ поѣздѣ мы познакомились съ нѣкоторыми выдающимися совѣтскими

представителями, между прочим и съ Таратутой, тогдашнимъ начальникомъ совѣтской текстильной промышленности. Таратута вступилъ со мной въ оживленный разговоръ и пригласилъ меня, вскорѣ послѣ пріѣзда въ Москву, прочесть докладъ о европейской финансовой и хозяйственной политикѣ въ Московскомъ «Дѣловомъ Клубѣ», въ которомъ собирались представители хозяйственныхъ органовъ совѣтскаго правительства (т. н. «хозяйственники»). Я держался съ нимъ чрезвычайно сдержанно и былъ весьма лакониченъ въ моихъ отвѣтахъ.

28 марта въ часъ дня мы прибыли въ Москву на Виндавскій вокзалъ. Такъ какъ народный комиссаріатъ финансовъ былъ телеграфно и письменно предупрежденъ о моемъ прибытіи, то я былъ глубоко убѣжденъ, что я найду на вокзалѣ служебный автомобиль. Я вышелъ на площадь передъ вокзаломъ, но не нашелъ тамъ никакого автомобиля. Я телефонировалъ въ виду этого немедленно секретарю народнаго комиссара финансовъ, сообщилъ ему, что нахожусь на вокзалѣ и просилъ его выслать къ вокзалу немедленно автомобиль съ увѣдомленіемъ, въ какой гостинницѣ для меня оставлены комнаты. Онъ обѣщалъ немедленно сдѣлать это и объяснилъ задержку тѣмъ, что ничего не зналъ о моемъ пріѣздѣ. Я ждалъ напрасно цѣлый часъ. Моя жена и я сидѣли со всѣмъ багажемъ въ вокзальномъ помѣщеніи, а около насъ мало по малу собралось нѣсколько людей, которые пялили глаза на иностранцевъ. Чтобы не терять времени, мы пообѣдали въ весьма скромномъ желѣзнодорожномъ ресторанѣ. Я вновь телефонировалъ секретарю и онъ сообщилъ мнѣ, что автомобиль уже посланъ на вокзалъ. Такъ прошло время до пяти часовъ послѣ обѣда. Несмотря на мои

неоднократные телефонные звонки никакого автомобиля не было видно. Первое впечатлѣніе отъ Москвы было довольно обезкураживающимъ. Мы сидѣли на вокзалѣ и ждали у моря погоды .Между тѣмъ къ намъ подошли нѣсколько извозчиковъ и сказали съ добродушіемъ, свойственнымъ русскому человѣку:

— Баринъ, вѣдь ты же понимаешь по-русски. Да неужели-жъ ты думаешь, что ахтомобиль когда-либо прибудетъ. Ахтомобиль никогда не прибудетъ. Будь умникомъ. Скоро станетъ темно и ты тогда совсѣмъ не сможешь уѣхать съ вокзала. Возьми лучше насъ, мы тебя и женушку живо доставимъ въ городъ.

Я не зналъ, что дѣлать. Московскія коляски чрезвычайно тѣсны. Двое людей только съ трудомъ могутъ въ нихъ помѣститься. Я никоимъ образомъ не могъ допустить того, чтобы моя жена, не понимавшая ни слова по-русски, ѣхала одна. Я слѣдовательно долженъ былъ имѣть ее съ собою. Если же положить нашъ багажъ на другую коляску, то я далеко не былъ увѣренъ въ томъ, что онъ не исчезнетъ. Съ другой стороны я понятія не имѣлъ, гдѣ я смогу остановиться. Становилось все темнѣе и я рѣшилъ отправиться на всякій случай съ двумя колясками въ городъ. Часть моего багажа я помѣстилъ на одну коляску, указалъ извозчику, кто я такой, приказалъ ему строжайше ѣхать все время передо мной и сѣлъ съ моей женой въ другую коляску. Было уже почти шесть часовъ вечера и наступала темнота. Вдругъ на поворотѣ улицы показывается автомобиль, который быстрымъ ходомъ подъѣзжаетъ къ вокзалу. Изъ автомобиля выходитъ человѣкъ и спрашиваетъ меня, являюсь ли я новымъ начальникомъ валютнаго управленія. Я отвѣчаю: «Да».

Тогда онъ говоритъ мнѣ, что посланъ народнымъ комиссаріатомъ финансовъ, чтобы встрѣтить меня и сопровождать въ городъ. Извозчики были возмущены, но онъ быстро покончилъ съ ними, давъ каждому рубль и приказавъ имъ молчать. Весь мой багажъ немедленно былъ переложенъ въ большой автомобиль.

Я спросилъ тогда моего спутника, куда же мы собственно ѣдемъ. На это онъ мнѣ отвѣтилъ:

— Въ томъ то и дѣло, что этого я не знаю. Въ четыре часа меня послали на поиски комнаты для васъ и вашей жены, но долженъ вамъ сказать откровенно, я ничего не нашелъ. Куда мы собственно должны теперь ѣхать, я и самъ не знаю, но, во всякомъ случаѣ, въ городъ.

Мы заѣхали на всякій случай въ гостинницу Савой, но не получили тамъ комнаты. Я предъявилъ всѣ мои мандаты, но это не помогло; швейцаръ сказалъ, что у него комнаты нѣтъ. Я опять сѣлъ въ автомобиль, сталъ ѣздить въ разныя гостинницы и наконецъ нашелъ комнату въ одной, носившей громкое названіе «Парижъ». Я предъявилъ тамъ мои мандаты и не безъ успѣха. Швейцаръ объявилъ, что у него есть свободная комната, но что она очень дорога, стоитъ тринадцать рублей въ день. Я отвѣтилъ, что пока оставляю ее за собой. Гостинница была открыта только три недѣли тому назадъ, все было ново и имѣло чистый видъ. Комната была громаднымъ помѣщеніемъ съ тремя окнами на улицу, но съ ничтожнымъ минимумомъ мебели. Въ полу была большая дыра и это сразу возбудило во мнѣ нѣкоторую тревогу. Ночью я вдругъ встрепенулся, жена моя кричала: «Крысы, крысы». Я успокоилъ ее, крысы, конечно, приходили

черезъ дыру въ полу, и я просто закрылъ эту дыру моимъ большимъ дорожнымъ сундукомъ.

Въ общемъ пріемъ, сдѣланный мнѣ Москвой, не былъ особенно привѣтливъ. На слѣдующій день я отправился въ народный комиссаріатъ финансовъ. Тамъ я узналъ, что народный комиссаръ Г. Я. Сокольниковъ заболѣлъ, что онъ находится въ санаторіи подъ Москвой и что я врядъ ли смогу его увидѣть ранѣе, чѣмъ черезъ недѣлю. Въ виду этого я отправился къ замѣстителю народного комиссара т. Владимирову, представился ему и просилъ его, ввести меня въ мои новыя обязанности. Онъ отвѣтилъ мнѣ рѣзко:

— Сокольниковъ васъ сюда пригласилъ, пускай Сокольниковъ васъ и вводитъ въ работу. Я тутъ ничего не желаю дѣлать.

Конечно, мнѣ не оставалось ничего другого, какъ терпѣливо ожидать свиданія съ Сокольниковымъ.

Между тѣмъ я натолкнулся на улицѣ случайно на нѣсколькихъ моихъ старыхъ добрыхъ знакомыхъ, которые засыпали меня вопросами, какимъ образомъ я, проживающій уже годами за границей, вдругъ оказался въ Москвѣ. Я сначала пытался замять этотъ разговоръ, но затѣмъ объяснилъ, что я принялъ очень высокій постъ въ народномъ комиссаріатѣ финансовъ. Въ концѣ концовъ я имъ сообщилъ и какой именно постъ. Услышавъ это, одинъ изъ нихъ, выдающійся юристъ, сказалъ мнѣ:

— Слушайте, да что вы въ самомъ дѣлѣ съ ума сошли? Что вы рехнулись? Да неужели же вы не понимаете, что приняли опаснѣйшую должность. Развѣ вы не знаете, что въ Гохранѣ всего только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ разстрѣляно 16 человѣкъ служащихъ и та-

кимъ учрежденіемъ вы собираетесь руководить? Или что же, ужъ сознайтесь, пожалуй вы вступили въ коммунистическую партію.

Другой изъ нихъ, инженеръ, самъ занимавшій высокую должность въ качествѣ хозяйственника на совѣтской службѣ въ Москвѣ, описывалъ мнѣ свою дѣятельность въ самыхъ черныхъ краскахъ. Онъ разъяснилъ мнѣ, что должность спеціалиста на совѣтской службѣ является тяжкой жертвой. Только тогда имѣется возможность успѣшно работать на совѣтской службѣ, когда служащій является членомъ коммунистической партіи и вслѣдствіе этого имѣетъ за собой поддержку партіи въ случаѣ дѣловыхъ ошибокъ или неудачи. Иначе, плодотворная и продолжительная работа фактически невозможна. Онъ привелъ много примѣровъ, описывалъ свою собственную судьбу, разсказалъ, что восемь мѣсяцевъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, но что далеко не увѣренъ въ томъ, что завтра же или послѣ завтра изъ за такого же вздорнаго обвиненія не попадетъ опять въ тюрьму.

Всему этому я не вѣрилъ, не хотѣлъ вѣрить. Я рѣшилъ, что всѣ эти лица въ политическомъ отношеніи настроены консервативно-буржуазно, и что ихъ мнѣніе не можетъ быть для меня рѣшающимъ. Но я встрѣтилъ въ теченіе ближайшихъ дней цѣлый рядъ людей, опредѣленно лѣвыхъ взглядовъ, врачей, банковыхъ служащихъ, юристовъ, совѣтскихъ служащихъ и частныхъ лицъ, и всегда, за весьма рѣдкими исключеніями, находилъ ту же картину совершенной подавленности, усталой и фаталистической покорности судьбѣ. Я, конечно, зналъ о совѣтской системѣ сыска и воздерживался отъ всякаго сближенія съ частными лицами. Но я не могъ избѣжать

того, чтобы отъ времени до времени не встрѣчаться и съ частными людьми. Хотя эти люди и не знали, кто я такой, но ужъ одно сообщеніе, что я пріѣхалъ изъ Германіи для того, чтобы принять въ Москвѣ должность у совѣтскаго правительства, было вполнѣ достаточно, чтобы эти люди самымъ безцеремоннымъ образомъ выражали свое крайнее удивленіе. Я энергично боролся съ наступавшими на меня со всѣхъ сторонъ обезкураживающими впечатлѣніями. Я ни за что не хотѣлъ признаться самому себѣ въ томъ, что я впалъ въ ошибку и что мысль о крупной самостоятельной созидательной работѣ, съ которой я уѣзжалъ изъ Берлина, представляла изъ себя иллюзію, которой суждено было погибнуть передъ московской дѣйствительностью. Однако, меня все болѣе одолѣвали сомнѣнія, и я все глубже проникался убѣжденіемъ, что только принадлежность къ коммунистической партіи могла бы обезпечить возможность продуктивной работы въ условіяхъ совѣтскаго строя.

Послѣ десятидневнаго ожиданія, я наконецъ, свидѣлся и познакомился 7 апрѣля 1923 года, въ санаторіи «Чайка» подъ Москвой, съ народнымъ комиссаромъ финансовъ Г. Я. Сокольниковымъ, съ которымъ и имѣлъ разговоръ, длившійся болѣе двухъ часовъ. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе умнаго, культурнаго и энергичнаго человѣка. Я совершенно откровенно сказалъ ему о моихъ сомнѣніяхъ и спросилъ, считаетъ ли онъ при существующихъ условіяхъ мою дѣятельность возможною. Онъ нашелъ мои сомнѣнія совершенно необоснованными и подчеркнулъ, что мои освѣдомители очевидно навязали мнѣ ложное впечатлѣніе и что въ моей будущей работѣ найду несомнѣнно большое удовлетвореніе. Онъ

во всякомъ случаѣ сдѣлаетъ все, чтобы облегчить мнѣ мою работу.

Черезъ нѣсколько дней я явился къ Сокольникову уже въ Москвѣ и объявилъ ему, что послѣ зрѣлаго размышленія рѣшилъ вступить въ должность, но что все-же прошу его назначить меня не начальникомъ валютнаго управленія, а временно, пока я не освоюсь съ условіями работы, лишь замѣстителемъ начальника валютнаго управленія. Возможно, что я ошибаюсь — говорилъ я ему — но я того мнѣнія, что для такого высокаго и виднаго поста, какъ должность начальника валютнаго управленія, неизбѣжно имѣть поддержку и опору коммунистической партіи. Я-же въ качествѣ лица, не принадлежащаго къ этой партіи, конечно, не могу разсчитывать на такую поддержку. Поэтому я готовъ поступиться моимъ честолюбіемъ и начать работу въ качествѣ замѣстителя начальника. Сокольниковъ не раздѣлялъ моихъ аргументовъ, но въ результатѣ уступилъ моей просьбѣ. Приказомъ отъ 28 апрѣля 1923 года я былъ назначенъ замѣстителемъ начальника валютнаго управленія.

ВСТРѢЧА СЪ П. І. ПАЛЬЧИНСКИМЪ.

Я встрѣтился съ инж. Петромъ Іоакимовичемъ Пальчинскимъ въ маѣ 1923 года. Это было на междувѣдомственномъ совѣщаніи по вопросу о продажѣ платины за границей. Къ моему изумленію, я среди присутствующихъ увидѣлъ П. І., участвовавшаго на засѣданіи въ качествѣ представителя Госплана. Я его съ трудомъ узналъ. Онъ очень постарѣлъ, осунулся, посѣдѣлъ. Въ первый моментъ я хотѣлъ броситься къ нему, сердечно съ нимъ по-

здороваться, но, вспомнивъ, гдѣ мы находимся, только молча пожалъ ему руку. По окончаніи засѣданія мы встрѣтились у выхода, вмѣстѣ вышли и отправились въ чайную. Сѣли въ уголъ и — повидимому незамѣченные — разговорились.

Этотъ разговоръ произвелъ на меня, только что недавно пріѣхавшаго изъ за границы, такое впечатлѣніе, что каждое слово его врѣзалось въ моей памяти.

П.: — Прежде всего давайте немедленно сговоримся, о чемъ мы съ вами разговариваемъ. За мною слѣдятъ, а за вами навѣрное. Въ случаѣ ареста мы должны дать съ вами одинаковыя показанія, о темѣ нашей сегодняшней бесѣды. Никто не долженъ знать, что мы съ вами давно и близко знакомы.

Л.: — Хорошо. Мы говоримъ о томъ, что было предметомъ совѣщанія. О наилучшемъ способѣ раціональной реализаціи платины за границей. Я стою за необходимость продажи черезъ посредство міровыхъ платино-промышленныхъ фирмъ, а вы — какъ и говорили на совѣщаніи — считаете, что въ этомъ вопросѣ, по мѣрѣ возможности, надо сохранить полную независимость.

П.: — Прекрасно. Какъ же вы рѣшились по доброй волѣ пріѣхать сюда?..

Л.: — Вамъ нетрудно это понять. Крестинскій еще въ іюнѣ 1921 года, будучи въ курортѣ Киссингенѣ, предложилъ мнѣ занять въ народномъ комиссаріатѣ финансовъ отвѣтственный постъ. Я отклонилъ. Безсмысленно было мнѣ идти въ Москву во время военнаго коммунизма, помогать дальнѣйшему разрушенію всего хозяйственнаго организма страны. Шейнманъ, будучи въ Берлинѣ, предложилъ мнѣ въ январѣ 1922 года, когда Госбанкъ

только нарождался, работать въ Госбанкѣ на отвѣтственной должности. Я отклонилъ. Но когда я увидѣлъ, что Россія дѣйствительно какъ будто идетъ къ возрожденію, къ возсозданію, къ творческой работѣ, то я пожелалъ активно участвовать въ этой работѣ. Въ январѣ 1923 года у меня по этому поводу былъ разговоръ съ Крестинскимъ. Списавшись съ Сокольниковымъ, Крестинскій предложилъ мнѣ постъ начальника валютнаго управленія и я принялъ. И вотъ теперь я здѣсь.

Передъ отъѣздомъ я взялъ съ Крестинскаго честное слово, что онъ не посылаетъ меня въ западню и что мои грѣхи, съ совѣтской точки зрѣнія, «вольные и невольные», окончательно прощены. Уѣхалъ изъ Берлина съ большимъ волненіемъ, но безъ всякаго страха. Пріѣхалъ сюда съ большими иллюзіями и сразу же осѣкся. Тѣ немногіе старые знакомые, которыхъ я встрѣтилъ, смѣются надъ моей мыслью о плодотворной творческой работѣ при совѣтскомъ режимѣ и издѣваются надъ моимъ невѣдѣніемъ и моей наивностью. Самъ я сразу очутился въ атмосферѣ невѣроятной слѣжки и безотчетнаго всеобщаго страха каждаго передъ каждымъ. Работаю по мѣрѣ силъ, въ захватывающе-интересной области, но въ атмосферѣ неблагожелательнаго противодѣйствія и безъ малѣйшей опоры съ какой бы то ни было стороны. Каждый меня боится и каждаго я долженъ бояться. Вотъ и все. Веселаго мало. А вы какъ живете?

П.: — Что-жъ, сперва гнали по тюрьмамъ и всячески преслѣдовали. Сильно потрепанъ, но какъ видите, остался живъ. И сейчасъ работаю въ Госпланѣ. Думаю скоро переѣхать въ Петроградъ. Ищу живой работы. Нудно въ Госпланѣ.

Л.: — Почему же вы не уѣхали за границу? Развѣ вы не боитесь, что съ вами — при вашемъ политическомъ прошломъ — рано или поздно расправятся?

П.: — Я остался, такъ какъ хочу здѣсь работать. Здѣсь — мое мѣсто. Послѣ всего того, что мнѣ пришлось перенести, думаю, опасаться мнѣ нечего .Зачѣмъ имъ со мной расправляться? Борьбы противъ нихъ я уже не веду. А если часъ придетъ, сами знаете: двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать.

Л.: — Да вѣдь что же это за работа въ Госпланѣ для такого кипучаго человѣка какъ вы?

П.: — Первымъ дѣломъ я уже не тотъ кипучій человѣкъ, что прежде. Тюрьма никогда не проходитъ безслѣдно. Но, повторяю, мое мѣсто — здѣсь. Мы должны хранить и укрѣплять наше хозяйственное и культурное наслѣдіе. Это долгъ всей передовой интеллигенціи, еще не убитой и не разстрѣлянной большевиками. Мы должны помогать имъ, и искренне, всѣми силами, стремиться къ возстановленію страны, особенно теперь, когда они рѣшили покончить съ разрушеніемъ и перейти къ положительной работѣ.

Л.: — А дѣйствительно ли они это рѣшили?

П.: — Думаю, что да. Вѣдь это въ ихъ собственныхъ интересахъ. На развалинахъ долго не проживешь. Вѣдь вмѣсто самодержавія, скрутившаго страну и не давшаго ей развернуться, — послѣ короткаго мига свободы — пришелъ Великій Хамъ, разрушившій не только наши политическіе и моральные идеалы, не только тѣ принципы, на которыхъ зиждется человѣческое общество и человѣческая цивилизація, но и хозяйственныя основы страны. У насъ полный развалъ, какъ въ сельскомъ хо-

зяйствѣ, такъ и въ промышленности, какъ въ транспортѣ, такъ и въ торговомъ оборотѣ. Намъ нечего жрать, не во что одѣваться, негдѣ жить. На Волгѣ, во время голода, доходили до людоѣдства. Мнѣ страшно за Россію. Повѣрьте, это — не фраза и не жалкія слова. Это сущая истина. Мнѣ нечего Васъ распропагандировать. Вѣдь вы сами, по собственному почину, пріѣхали сюда. Я считаю, что вы поступили хорошо, какъ слѣдуетъ поступать всякому. Надѣюсь, что и другіе спеціалисты послѣдуютъ вашему примѣру.

Л.: — Вы вѣроятно понимаете, въ какую обстановку я попалъ сейчасъ же послѣ пріѣзда?

П.: — Конечно, но вы не обращайте вниманія. Также не обращайте вниманія на то, что надъ вами смѣются. Многіе наши интеллигенты стали циниками и смѣются, когда находятъ въ другихъ тотъ идеалистическій подъемъ, какой былъ прежде у нихъ. Вы вовсе не сошли съ ума, пріѣхавъ сюда. Повѣрьте, и при существующихъ совѣтскихъ условіяхъ, вы сможете принести большую пользу. Нужно только имѣть твердую волю, извѣстное мужество и горячее сердце. Правда, вамъ слѣдуетъ быть особенно осторожнымъ! Валютное управленіе — очень опасное дѣло. Но зато какой размахъ, какія задачи!

Л.: — А люди?

П.: — Да, это, конечно, тяжелый вопросъ. Среди большевиковъ, особенно на верхушкахъ, несомнѣнно имѣются честные и идейные люди, но это — капля въ морѣ. Они окружены накипью изъ всякаго рода карьеристовъ, начиная отъ бывшихъ охранниковъ и кончая партійными «аппаратчиками», вошедшими въ правящую партію, безъ малѣйшаго внутренняго отношенія къ ней.

Мы еще нѣкоторое время бесѣдовали о разныхъ незначущихъ вещахъ, пока Пальчинскій не прервалъ разговора:

— А теперь давайте разойдемся. Мы уже засидѣлись. И давайте не будемъ встрѣчаться. Это будетъ лучше и для васъ и для меня. Надѣюсь, мы съ вами еще встрѣтимся еще на совѣщаніяхъ.

Больше я его никогда не видѣлъ.

Глава седьмая.

ВАЛЮТНОЕ УПРАВЛЕНІЕ ВЪ МОСКВѢ. — ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХРАНИЛИЩЕ ЦѢННОСТЕЙ (ГОХРАНЪ). — КОРОННЫЯ РЕГАЛІИ И КОРОННЫЯ ДРАГОЦѢННОСТИ. — ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ И ЖЕМЧУГА. — ЦЕРКОВНЫЯ КНИГИ. — ИКОНЫ. — БОРЬБА СЪ НАЧАЛЬНИКОМЪ ГОХРАНА. — ЦЕРКОВНОЕ СЕРЕБРО. — ПЕРЕДАЧА МУЗЕЙНАГО СЕРЕБРА ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТѢ ВЪ МОСКВѢ. — ЭПИЗОДЪ.

ВАЛЮТНОЕ УПРАВЛЕНІЕ ВЪ МОСКВѢ.

Валютное управленіе, въ которомъ работало много бывшихъ банковыхъ служащихъ, бывшихъ чиновниковъ министерства финансовъ, юристовъ и прочихъ интеллигентовъ, при моемъ вступленіи имѣло двухъ замѣстителей начальника: И. І. Шлейфера, который фактически исполнялъ обязанности начальника, и профессора Л. Н. Юровскаго, выдающагося спеціалиста по финансовымъ вопросамъ. Валютное управленіе, кромѣ того, въ видахъ политическаго руководства, было подчинено члену коллегіи народнаго комиссаріата финансовъ.

Послѣ краткаго дѣлового совѣщанія съ моими коллегами, я принялъ на себя управленіе всѣми коммерческими функціями валютнаго управленія, руководство Монетнымъ Дворомъ и Государственнымъ Хранилищемъ Цѣнностей, предсѣдательство въ «Комиссіи по реализаціи государственныхъ цѣнностей», организацію продажи платины и реализацію тѣхъ цѣнностей, которыя стали собственностью государства вслѣдствіе революціонныхъ событій (серебро, золото, драгоцѣнности, драгоцѣнные камни). Я также взялъ на себя задачу финансированія платино- и золотопромышленныхъ предпріятій и рудниковъ, каковые всѣ безъ исключенія находились въ рукахъ государства.

Въ первое время мнѣ пришлось оперировать на крайне неустойчивой почвѣ. Я не имѣлъ кругомъ себя никакой поддержки и ни единаго друга. Коммунисты относились ко мнѣ, какъ ко всѣмъ спеціалистамъ вообще, т. е. какъ къ необходимому злу, а въ то-же время и сами спеціалисты, среди которыхъ имѣлись чрезвычайно свѣдущіе люди, вели себя въ отношеніи меня чрезвычайно сдержанно и выжидающе. О политикѣ я не говорилъ ни единаго звука, ни съ коммунистами, ни съ безпартійными.

ГОХРАНЪ.

Особое мое вниманіе я обратилъ на Государственное Хранилище Цѣнностей (Гохранъ), каковое я подробно осматривалъ въ теченіе нѣсколькихъ дней немедленно-же послѣ моего вступленія на службу. Гохранъ помѣщался въ напыщенномъ, но безвкусномъ, построенномъ въ псевдо-русскомъ стилѣ, около 1890 года, зданіи Московской

Ссудной Казны. Зданіе находилось в центрѣ города, вблизи Страстной площади, въ домѣ № 3 по Настасьинскому переулку.

Гохранъ былъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ сохранялись всѣ драгоцѣнности государства и всѣ наличные запасы драгоцѣнныхъ металловъ, принадлежащихъ государству: коронныя регаліи и коронныя драгоцѣнности, платина, золото и серебро въ слиткахъ и въ монетѣ.

Гохранъ былъ также центромъ, куда со всей Россіи, не исключая самыхъ отдаленныхъ областей, сливались цѣлые потоки драгоцѣнныхъ металловъ, драгоцѣнныхъ камней и другихъ цѣнностей, отчужденныхъ и конфискованныхъ государствомъ у дворянства, у буржуазіи, у церкви и у банковъ. Въ Гохранѣ скопилось конфискованное серебро, золото, драгоцѣнные камни, жемчугъ и секвестрованное церковное имущество въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, что въ Западной Европѣ объ этомъ не могли бы сдѣлать себѣ даже и отдаленнаго представленія. Я проходилъ черезъ громадныя залы, въ которыхъ помѣщались по обѣимъ сторонамъ нагроможденные другъ на друга до потолка всякаго рода сундуки, чемоданы, ящики, корзины, баулы и другія вмѣстилища. Ко всѣмъ этимъ «мѣстамъ» были прикрѣплены ярлыки съ номерами. Эти мѣста по большей части вовсе еще не были распакованы и разсортированы, частью же они прошли лишь поверхностную, такъ называемую «грубую сортировку» и ожидали нынѣ такъ называемой «детальной сортировки».

Для того, чтобы дать представленіе о той громадной работѣ, которая имѣлась передъ Гохраномъ, если сортировка, т. е. изслѣдованіе содержанія мѣстъ, дѣйствитель-

но была-бы проведена раціонально и точно, я приложу здѣсь лишь слѣдующія данныя:

Въ Гохранѣ находились къ 1-му іюля 1923 года:
17.319 мѣстъ, которыя вовсе не были сортированы,
и 2.837 мѣстъ, которыя прошли черезъ грубую сортировку и нынѣ ожидали детальной сортировки, а именно:

мѣстъ съ золотомъ	536
мѣстъ съ серебромъ	1.405
мѣстъ съ цѣнными бумагами, документами, бумажными деньгами и т. д.	896

Всего 20.156 мѣстъ.

Эти цифры представятся еще болѣе внушительными, если принять во вниманіе, что Гохранъ, несмотря на свой довольно значительный составъ служащихъ, былъ въ состояніи разобрать ежемѣсячно въ порядкѣ грубой сортировки лишь 700 мѣстъ и въ порядкѣ детальной сортировки лишь отъ 50 до 60 мѣстъ. Такъ какъ къ тому-же тогда въ Гохранъ прибывало ежемѣсячно еще до 400 новыхъ мѣстъ, то естественно, что Гохранъ стоялъ передъ задачей, осуществленіе которой могло продлиться въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ.

Во время одного изъ первыхъ осмотровъ Гохрана я замѣтилъ на стѣнахъ аппараты для тушенія пожара. Путемъ немедленнаго испробованія таковыхъ я установилъ, что аппараты не функціонируютъ и что служители отдѣльныхъ помѣщеній не имѣли ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ надо обходиться съ аппаратомъ въ случаѣ пожара.

Я озаботился поэтому о немедленномъ образованіи и

назначеніи комиссіи, при участіи опытныхъ инженеровъ, которой была поставлена задача обслѣдовать зданіе Гохрана въ отношеніи его пожарной опасности и сдѣлать соотвѣтствующія предложенія о мѣрахъ для полнаго обезпеченія безопасности зданія въ пожарномъ отношеніи.

Конечно, Гохранъ тщательно охранялся отрядомъ солдатъ, помѣщавшимся въ противолежащемъ зданіи.

КОРОННЫЯ РЕГАЛІИ И КОРОННЫЯ ДРАГОЦѢННОСТИ.

Коронныя драгоцѣнности русскаго Двора, накоплявшіяся съ конца 17-го вѣка и собранныя въ особенно большомъ количествѣ любившей роскошь императрицей Екатериной II, сохранялись до начала міровой войны въ закрытыхъ стальныхъ ящикахъ въ такъ называемой «Бриллiантовой Комнатѣ» Зимняго Дворца въ Петербургѣ. [1]) Въ эту комнату и къ самимъ драгоцѣнностямъ имѣли доступъ только два-три опредѣленныхъ лица и то исключительно по особому каждый разъ письменному приказу императора. Коронныя драгоцѣнности были недоступны для публики, никогда публично не выставлялись и никогда не были научно описаны. Существовали только инвентурные списки, касающіеся отдѣльныхъ вещей.

Немедленно послѣ начала войны (23 іюля 1914 года ст. ст.) девять ящиковъ съ коронными регаліями и коронными драгоцѣнностями были отправлены въ Большой Дворецъ въ Москву. Оттуда они были перевезены черезъ

---

[1]) См. «Russias Treasure of Diamonds and Precious Stones», изданіе Народнаго Комиссаріата Финансовъ, Москва 1925-1926 г.г.

нѣкоторое время въ Оружейную Палату въ Москвѣ, гдѣ они лежали въ теченіе многихъ лѣтъ, среди другихъ ящиковъ съ цѣнностями. Эти девять ящиковъ были отправлены въ Москву съ такой поспѣшностью, что не успѣли изготовить и вложить въ ящики никакихъ вѣдомостей о ихъ содержаніи.

Въ мартѣ 1922 года ящики были найдены въ Оружейной Палатѣ, и 10 апрѣля 1922 года, послѣ составленія протокола и инвентаря всѣхъ вещей, регаліи и драгоцѣнности перешли въ собственность совѣтскаго правительства.

Черезъ нѣсколько дней былъ образованъ Комитетъ изъ представителей науки и экспертовъ, подъ предсѣдательствомъ профессора А. Э. Ферсмана, который въ первомъ своемъ засѣданіи принялъ рѣшеніе, что коронныя регаліи и коронныя драгоцѣнности являются національнымъ достояніемъ, которое никогда не должно быть продано или отчуждено. Это рѣшеніе было одобрено совѣтскимъ правительствомъ и означенные 9 ящиковъ были перевезены изъ Оружейной Палаты въ Государственное Хранилище Цѣнностей, гдѣ они отнынѣ и должны были храниться.

Русскія коронныя регаліи и коронныя драгоцѣнности представляютъ собой 271 объектъ и состоятъ изъ 406 отдѣльныхъ предметовъ. Изъ нихъ 52 объекта относятся ко времени Петра I и Елизаветы I, 110 ко времени Екатерины II, а остальные ко времени послѣдующихъ императоровъ.

Эти цѣнности состоятъ изъ: Коронныхъ Регалій (Большая Корона, двѣ Малыя Короны, Свадебная Корона, Скипетръ и Держава), коронныхъ драгоцѣнностей

(семь орденскихъ цѣпей, 23 звѣзды, кресты и эмблемы, 12 діадемъ, 16 ожерелій, 6 бриллiантовыхъ нитей, 56 брошекъ, 10 гребней, 185 шпилекъ, серегъ, колецъ, запонокъ, медальоновъ, браслетовъ, пряжекъ и т. д., 7 отдѣльныхъ камней, 19 золотыхъ табакерокъ) и 60 различныхъ предметовъ украшенія изъ золота.

Всего русскія коронныя цѣнности содержатъ приблизительно: 25.300 каратъ бриллiантовъ, 1.000 каратъ изумрудовъ, 1.700 каратъ сапфировъ, 6.000 каратъ жемчуга; кромѣ того множество рубиновъ, топазовъ, турмалиновъ, александритовъ, аквамариновъ, хризопразовъ, бериллов ъ, хризолитовъ, бирюзы, аметистовъ, агатовъ, лабрадоровъ, альмандиновъ и т. д.

Среди Коронныхъ Регалій на первомъ мѣстѣ стоитъ Большая Императорская Корона, высокой художественной работы французскаго ювелира Позье, 1762 г., украшенная чуднымъ большимъ рубиномъ въ 402 карата. Въ Большой Коронѣ находятся бриллiанты общей сложностью въ 2.900 каратъ.

Малая Императорская Корона относится къ 1801 г. Когда въ 1896 году имѣло мѣсто коронованіе послѣдняго императора Николая II въ Москвѣ — въ коемъ кромѣ императрицы Александры Феодоровны принимала участіе также и вдовствующая императрица Марія Феодоровна (супруга Александра III) — то для императрицы была изготовлена новая корона въ точности по образцу старой. Старая корона во время коронаціонныхъ торжествъ была носима вдовствующей императрицей. Обѣ Малыя Короны выдающейся ювелирной работы и украшены превосходными камнями.

Императорская свадебная корона относится вѣроятно

къ 1840 году, но она не стоитъ на томъ же высокомъ художественномъ уровнѣ, какъ остальныя короны.

Держава относится къ 1784 году и украшена сапфиромъ въ 200 каратъ и синимъ бриллiантомъ въ 47 каратъ. Скипетръ украшенъ знаменитымъ бриллiантомъ «Орловымъ».

Изъ коронныхъ драгоцѣнностей многiя, въ особенности тѣ, кои относятся къ 18-му столѣтiю, представляютъ изъ себя предметы чудеснѣйшей работы и исключительной красоты.

Русскiя коронныя цѣнности содержатъ 7 отдѣльныхъ историческихъ камней, а именно, большой изумрудъ въ 136 каратъ, большой сапфиръ съ Цейлона въ 260 каратъ, большой такъ называемый Настольный бриллiантъ, большой хризолитъ въ 192 карата, большой рубинъ въ 402 карата, бриллiантъ «Орловъ» и бриллiантъ «Шахъ».

Относительно первыхъ четырехъ камней не имѣется историческихъ данныхъ. Большой рубинъ, украшающiй Большую Корону, вѣроятно, происходитъ изъ Афганистана. Онъ былъ прiобрѣтенъ въ 1676 году царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ Пекинѣ, черезъ посредство его посланника въ Китаѣ, Николая Спафарiя.

Знаменитый бриллiантъ «Орловъ», являющiйся украшенiемъ скипетра, найденъ въ началѣ 17-го вѣка въ Голкондѣ въ Индiи и вѣсилъ первоначально 300 каратъ. По желанiю его первоначальнаго владѣльца, великаго могула Iеханъ Шаха, камень этотъ былъ перешлифованъ и получилъ свою нынѣшнюю форму, вѣсомъ около 192 каратъ. Этотъ камень также какъ и находящiйся нынѣ въ англiйской коронѣ знаменитый бриллiантъ «Кои-Норъ» (Koh-i-noor) находился во владѣнiи великаго могула

Ауренгъ-Зеба въ Дэльи, во дворцѣ коего французскій путешественникъ Тавернье видалъ оба брилліанта въ 1665 году. Засимъ оба камня перешли во владѣніе персидскаго правителя Надиръ-Шаха, который завоевалъ городъ Дэльи, столицу великихъ моголовъ, въ 1737 году. Камень «Орловъ» въ то время именовался «Деріай-Норъ» (Derya-i-noor), т. е. «Моремъ Свѣта», между тѣмъ, какъ второй камень назывался «Кои-Норъ», т. е. «Горой Свѣта». Камень «Орловъ» всякими тайными путями попалъ въ Амстердамъ, гдѣ онъ былъ пріобрѣтенъ княземъ Григоріемъ Орловымъ, въ 1774 году, для Екатерины II за цѣну въ 400.000 золотыхъ рублей. Камень «Кои-Норъ» въ 1852 году былъ пріобрѣтенъ англійской короной, перешлифованъ, и нынѣ вѣситъ 166 каратъ. Брилліантъ «Орловъ», сохранившій свою историческую форму, нынѣ можетъ считаться самымъ крупнымъ и самымъ знаменитымъ брилліантомъ въ мірѣ.

Брилліантъ «Шахъ» вѣсомъ въ 88,7 каратъ, длинноватый, желтоватый, только по нѣсколькимъ ребрамъ шлифованный брилліантъ, найденъ еще до 1591 года. На камнѣ имѣются три гравированныхъ персидскихъ надписи и выгравированъ желобокъ. — Первая надпись, относящаяся къ 1591 году, свидѣтельствуетъ, что камень этотъ принадлежалъ Бурхамъ-Низамъ II Шаху, правителю провинціи Ахмеднагаръ. Въ 1595 году камень перешелъ во владѣніе великихъ моголовъ, завоевавшихъ провинцію Ахмеднагаръ. — Вторая надпись отъ 1641 года свидѣтельствуетъ, что камень принадлежитъ великому моголу Іеханъ-Шаху, сыну Іехангиръ-Шаха. Въ 1660 году камень перешелъ во владѣніе великаго могула Ауренгъ-Зеба, сына Іеханъ-Шаха, послѣ его войны со своимъ от-

цомъ и послѣ завоеванія трона. Въ 1665 году французскій путешественникъ Таверинье видѣлъ этотъ камень при дворѣ Ауренгъ-Зеба,- подвѣшаннымъ «на шнурѣ, украшенномъ драгоцѣнными камнями, къ балдахину трона». Въ 1737 году камень перешелъ во владѣніе персидскаго правителя Надиръ-Шаха. Третья надпись отъ 1824 года свидѣтельствуетъ, что камень принадлежитъ персидскому правителю Фачъ-Али-Шаху, изъ Каджарской династіи. Въ 1827 году этотъ камень былъ торжественно преподнесенъ персидской делегаціей, подъ предводительствомъ персидскаго принца Хозревъ-Мирза, императору Николаю I, въ знакъ траура, по случаю убійства россійскаго посланника въ Тегеранѣ, знаменитаго русскаго писателя Грибоѣдова. Съ этого времени «Шахъ» принадлежитъ къ русскимъ коронным цѣнностямъ.

Комитетъ, образовавшійся подъ предсѣдательствомъ проф. А. Э. Ферсмана, издалъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ тщательной работы сочиненіе подъ заглавіемъ: «Россійскій бриллiантовый фондъ» («Russias Treasure of Diamonds and Precious Stones»), которое было опубликовано народнымъ комиссаріатомъ финансовъ въ Москвѣ, въ четырехъ томахъ, въ 1925-6 г. и которое заключаетъ въ себѣ точное научное описаніе всѣхъ коронныхъ цѣнностей, снабженное многочисленными прекрасно исполненными иллюстраціями.

Коронныя драгоцѣнности подверглись въ 1922 году оцѣнкѣ со стороны Комитета, состоявшаго изъ опытныхъ ювелировъ. Стоимость оцѣнки отдѣльныхъ драгоцѣнныхъ камней была установлена не только на основаніи рыночной стоимости камней, но также сообразуясь съ ихъ исторической цѣнностью, такъ что согласно этой

оцѣнкѣ коронныя цѣнности представляли собой огромную сумму въ нѣсколько сотъ милліоновъ рублей. Въ дѣйствительности же продажная стоимость отдѣльныхъ предметовъ была значительно ниже. Вопросъ о продажѣ коронныхъ драгоцѣнностей всплывалъ неоднократно, но осуществленіе продажи встрѣчало неопреодолимыя препятствія, ибо для объектовъ, какъ историческихъ коронныхъ цѣнностей, покупателей не находилось, между тѣмъ, какъ драгоцѣнные камни, украшавшіе эти объекты, въ случаѣ ихъ отдѣльной продажи, могли бы принести лишь весьма незначительную часть ихъ оцѣночной стоимости.

Немедленно послѣ моего вступленія въ службу и послѣ принятія на себя руководства Гохраномъ, я подвергъ подробному осмотру коронныя драгоцѣнности и убѣдился въ томъ, что эти объекты сохранялись тщательно и въ образцовомъ порядкѣ.

Въ іюнѣ 1923 года всѣ предметы были вынуты изъ ящиковъ и футляровъ и помѣщены на большую подставку для того, чтобы быть сфотографироваными во всей ихъ массѣ. Блескъ и сіяніе на солнцѣ разноцвѣтныхъ драгоцѣнныхъ камней представляло собой картину исключительной красоты. Случайно въ Москвѣ находились представители французской ювелирной фирмы, которые имѣли въ виду покупку драгоцѣнныхъ камней. Такъ какъ такъ называемаго «готоваго товара», т. е. драгоцѣнныхъ камней вполнѣ подготовленныхъ къ продажѣ, не имѣлось, а слѣдовательно французамъ нечего было показывать, то рѣшено было показать имъ, по крайней мѣрѣ, коронныя драгоцѣнности. Оба француза осмотрѣли коронныя драгоцѣнности и единогласно заявили, что они не имѣютъ ни малѣйшаго интереса въ пріобрѣтеніи подобныхъ пред-

метовъ. Обычно покупатель на рынкѣ считается только съ рыночной цѣной камня. Исходитъ ли камень изъ императорской короны или съ кольца обыкновенной гражданки — для покупателя совершенно безразлично. Даже, наоборотъ, камни старой гранки (напримѣръ, камни 18-го столѣтія) приходится продавать съ большимъ трудомъ и весьма часто ихъ удается продать лишь послѣ того, какъ они подвергнутся перешлифовкѣ согласно требованіямъ современной моды.

Осенью 1924 года англійская финансовая группа обратилась въ торговое представительство въ Лондонѣ и заявила, что она согласна купить товара на сумму нѣсколькихъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Такъ какъ въ распоряженіи Гохрана готоваго къ продажѣ товара не было, то была сдѣлана попытка выяснить, не купитъ ли эта группа коронныя драгоцѣнности. Но группа отвѣтила, что она къ короннымъ драгоцѣнностямъ никакого интереса не имѣетъ, и желаетъ пріобрѣтать исключительно обычный рыночный товаръ.

Вслѣдствіе этого, надо думать, что коронныя драгоцѣнности вѣроятно и по сей день въ большинствѣ своемъ являются нетронутыми. Нынѣ коронныя драгоцѣнности хранятся въ Государственномъ Банкѣ въ Москвѣ, въ особыхъ стальныхъ шкафахъ, за толстымъ стекломъ, и изрѣдка показываются, въ видѣ особаго одолженія, пріѣзжающимъ знатнымъ иностранцамъ.

ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ И ЖЕМЧУГА.

Кромѣ коронныхъ драгоцѣнностей, о продажѣ которыхъ не могло быть рѣчи, въ Гохранѣ находились так-

же драгоцѣнные камни и жемчуга, которые были конфискованы вслѣдствіе революціонныхъ событій у населенія и въ банкахъ и которые теперь тщательно подготовлялись для продажи т. е. сортировались, взвѣшивались, регистровались и оцѣнивались.

Помѣщенія, въ которыхъ происходила сортировка драгоцѣнныхъ камней (бриллiантовъ, изумрудовъ, рубиновъ, сапфировъ и т.д.) и жемчуга, были строго отдѣлены отъ другихъ рабочихъ помѣщеній Гохрана. Всѣ рабочіе, работавшіе въ этихъ помѣщеніяхъ, должны были при окончаніи работы, до ухода со службы, раздѣваться совершенно до-нага, причемъ они подвергались самому тщательному досмотру. Несмотря на это, все же иногда происходили незначительныя кражи. Такъ, напримѣръ, однажды при моемъ осмотрѣ Гохрана, мнѣ предъявили два крупныхъ плоскихъ изумруда, на которыхъ были выгравированы изображенія святыхъ. Эти камни были найдены подъ коврикомъ, лежавшимъ у выходной двери. Было ясно, что воръ присвоилъ себѣ изумруды для того, чтобы въ удобный моментъ незамѣтно подложить ихъ подъ коврикъ, въ надеждѣ, что ему какъ нибудь удастся вынести ихъ изъ зданія. Но вслѣдствіе чрезвычайно строгаго и въ данныхъ условіяхъ абсолютно необходимаго контроля, это его намѣреніе было предупреждено.

Въ Гохранѣ камни подвергались прежде всего грубой сортировкѣ со стороны ювелировъ, служившихъ при Гохранѣ. Бриллiанты, сапфиры, изумруды, рубины, жемчуга, слѣдовательно, прежде всего распредѣлялись на соотвѣтственныя группы, а затѣмъ отдѣльныя группы уже подвергались тщательной экспертизѣ. Драгоцѣнные камни и жемчуга сообразно своей величинѣ, цвѣту, отсутст-

вію пороковъ и прочимъ рыночнымъ свойствамъ тщательно сортировались и складывались въ особые запечатанные желѣзные ящики. Особенно затруднительнымъ представлялась сортировка жемчуга, коего имѣлось громадное количество какъ разъ самыхъ худшихъ сортовъ. Можно съ увѣренностью утверждать, что врядъ ли гдѣ бы то ни было существовало такое скопленіе драгоцѣнныхъ камней и жемчуговъ, наилучшихъ и наихудшихъ сортовъ, какъ въ Москвѣ, въ началѣ 1923 года, передъ тѣмъ какъ начались крупныя продажи.

Сортировка совершалась въ маленькихъ помѣщеніяхъ, въ которыхъ, кромѣ ювелировъ, сортировавшихъ камни, также присутствовали по два такъ называемыхъ «глазныхъ работника». Дѣло этихъ двухъ служащихъ заключалось исключительно въ томъ, чтобы зорко слѣдить глазами за тѣмъ, чтобы ни одинъ камешекъ не пропалъ.

ЦЕРКОВНЫЯ КНИГИ.

При осмотрѣ Гохрана я въ одномъ изъ залъ замѣтилъ рабочаго, сбивавшаго серебряные оклады со старинныхъ церковныхъ книгъ. Я осмотрѣлъ одну изъ книгъ, это была старинная церковная книга конца 17-го столѣтія, и я спросилъ рабочаго, на какомъ основаніи онъ сбиваетъ серебряный окладъ съ этой книги. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что дѣлаетъ это по опредѣленному порученію начальника Гохрана и что онъ этой работой занимается уже мѣсяцами. Конечно, эти оклады весьма тонки, но такъ какъ церковныя книги имѣютъ большой форматъ, а ему пришлось сбивать уже много такихъ окладовъ, то въ результатѣ этимъ добыто уже изрядное количество серебра.

Русское церковное искусство въ общемъ не стояло на очень высокомъ уровнѣ. Изготовлявшіяся обычно изъ серебра иконныя ризы и обиходные церковные сосуды не представляли собою высоко художественныхъ издѣлій. Все же, именно оклады церковныхъ книгъ были изготовляемы съ особенной любовью наилучшими ремесленниками того времени. Весьма часто въ эти оклады были вдѣланы цвѣтные медальоны изъ эмали съ изображеніями святыхъ и др. церковныхъ сюжетовъ. Сбиваніе такихъ окладовъ съ церковныхъ книгъ во всякомъ случаѣ было вандализмомъ, который не долженъ былъ имѣть мѣста ни при какихъ условіяхъ. Стоимость серебра, полученнаго отъ переплавки такого серебрянаго оклада, была ничтожна и не стояла ни въ какомъ соотвѣтствіи съ той цѣнностью, денежною или антикварною, которую представляла изъ себя церковная книга въ старинномъ неповрежденномъ серебряномъ окладѣ.

ИКОНЫ.

Въ нѣкоторыхъ другихъ помѣщеніяхъ Гохрана я нашелъ рядъ женщинъ, снимавшихъ жемчугъ, зерно за зерномъ, со старинныхъ жемчужныхъ иконныхъ ризъ. Причемъ эти ризы состояли не изъ драгоцѣннаго отборнаго жемчуга, а изъ простого дешеваго рѣчного жемчуга, такъ называемаго «бурмитскаго зерна». Женщины снимали отдѣльныя жемчужины, очищали, сортировали и нанизывали ихъ, сообразно величинѣ, на отдѣльныя нитки. Эти нитки предполагалось потомъ продавать. Такимъ образомъ были уничтожены сотни иконъ, изъ нихъ

очень много 18-го вѣка и большое количество иконъ 17-го вѣка. Правда, жемчужныя иконныя ризы, въ большинствѣ своемъ, не имѣли высокой художественной цѣнности, но во всякомъ случаѣ это были предметы трогательнаго благочестія, изготовленные всегда чрезвычайно тщательно, а иногда и высоко художественно. Уничтоженіе этихъ иконъ являлось недопустимымъ со всѣхъ точекъ зрѣнія, такъ какъ путемъ продажи дешеваго рѣчного жемчуга, за вычетомъ стоимости этой работы, получались смѣхотворно низкія съ бюджетной точки зрѣнія суммы, между тѣмъ какъ религіозныя, антикварныя и подчасъ высоко художественныя цѣнности безнадежно и окончательно уничтожались.

БОРЬБА СЪ НАЧАЛЬНИКОМЪ ГОХРАНА.

Возмущенный этой безсмысленной работой и съ твердымъ рѣшеніемъ сдѣлать все, чтобы положить конецъ этому вандализму, я имѣлъ краткій разговоръ съ начальникомъ Гохрана, тов. Никифоровымъ, рабочимъ лѣтъ 45-ти, заслуженнымъ членомъ партіи, съ большимъ политическимъ прошлымъ. Онъ посмотрѣлъ на меня съ нескрываемой ненавистью и отвѣтилъ на мой вопросъ, почему происходятъ подобныя вещи, просто:

— Это происходитъ потому, чтобы уничтожать церковное имущество. Вотъ почему. Вотъ моя цѣль.

Я понялъ уже послѣ этихъ нѣсколькихъ словъ, что разговаривать съ этимъ человѣкомъ совершенно безнадежно и поэтому издалъ письменное распоряженіе на имя начальника Гохрана, въ коемъ предложилъ ему немедленно-же пріостановить «работу по срыванію сереб-

ряныхъ окладовъ со старинныхъ церковныхъ книгъ» и взамѣнъ этого приступить къ исполненію гораздо болѣе срочныхъ указанныхъ мною работъ.

На слѣдующій день послѣ полученія этого распоряженія Никифоровъ явился къ моему коллегѣ Шлейферу и возмущенно жаловался ему по поводу моихъ дѣйствій. Шлейферъ меня вызвалъ и Никифоровъ сказалъ мнѣ прямо въ лицо:

— Я даже и не подумаю исполнять вашихъ распоряженій. Ваше распоряженіе явно контръ-революціонное. Я самъ бывшій министръ-президентъ Дальне-Восточной Республики и не позволю, чтобы человѣкъ, стоящій внѣ партіи, мнѣ что-либо предписывалъ.

Шлейферъ указалъ ему въ моемъ присутствіи на то, что Сокольниковъ вызвалъ меня изъ за границы въ Москву въ виду того, что я благодаря моимъ финансовымъ и прочимъ знаніямъ несомнѣнно способенъ раціонально провести классификацію и реализацію находящихся въ Гохранѣ цѣнностей.

Я попытался затѣмъ убѣдить Никифорова, въ самой вѣжливой формѣ, въ правильности моего распоряженія. Я сказалъ ему, между прочимъ, что церковная книга, вырванная изъ оклада, почти ничего не стоитъ, во всякомъ случаѣ стоитъ неизмѣримо меньше, чѣмъ если бы она была въ окладѣ. Я указалъ ему и на то, что въ Москѣ на Никитской улицѣ имѣется лавка, въ которой совершенно оффиціально и съ разрѣшенія совѣтскаго правительства продаются церковные сосуды новаго изготовленія для православной церковной службы. Если совѣтское правительство, слѣдовательно, ведя борьбу противъ религіи, не считаетъ необходимымъ запрещать вѣрующимъ по-

купку новой церковной утвари, то вѣдь вполнѣ естественно, что церковная утварь 17, 18 и 19 столѣтія, поскольку она еще не повреждена, должна быть тщательно сохранена хотя бы для того, чтобы возможно было впослѣдствіи употребить таковую въ качествѣ предмета продажи православнымъ религіознымъ общинамъ. Во всякомъ случаѣ, какъ бы то ни было, уничтоженіе этихъ предметовъ, даже и съ чисто бюджетной точки зрѣнія, является прямымъ преступленіемъ. Никифоровъ злобно посмотрѣлъ на меня и сказалъ мнѣ:

— Такъ, такъ! Вы значитъ заявляете, что ежели церковныя книги вырвать изъ переплетовъ, то онѣ ничего больше не стоятъ. Прекрасно. Очень хорошо. Отнынѣ я буду вырывать всѣ церковныя книги изъ переплетовъ. Серебряные переплеты немедленно переплавлю, а церковныя книги буду шинковать.

Я отвѣтилъ ему, что я не религіозный человѣкъ и не принадлежу къ какой либо религіозной общинѣ, поэтому совершенно ошибочно предполагать, чтобы я, дѣлая мое распоряженіе, руководился стремленіемъ поддерживать какую-либо опредѣленную, въ данномъ случаѣ православную, религію. Дѣло идетъ совершенно о другомъ. У русскаго народа, какъ и у всѣхъ другихъ народовъ, искусство впервые появилось въ религіозной области. Все, что мы знаемъ о русскомъ искусствѣ самыхъ раннихъ временъ, прямо или косвенно имѣло отношеніе къ религіозному культу: кафедральные соборы и монастыри, иконы и рукописныя книги, книги печатныя и серебряные оклады, ризы и облаченія, епископскій посохъ и митра, кресты и потиры, серебряные сосуды и шитье. Мною слѣдовательно при изданіи этого распоряженія ру-

ководило лишь желаніе или, вѣрнѣе говоря, сознаніе обязанности, сохранить въ области русскаго искусства все то, что возможно.

Я, къ сожалѣнію, не могъ переубѣдить Никифорова и дѣло представлялось безнадежнымъ. Шлейферъ объяснилъ ему, что онъ обязанъ или подчиниться моему распоряженію или принять на себя всѣ послѣдствія, ибо цѣлесообразность моего распоряженія мною подробно обоснована. Никифоровъ удалился со словами:

— Что-жъ, тамъ видно будетъ, что нужно дѣлать. Это распоряженіе во всякомъ случаѣ контръ-революціонное.

Когда Никифоровъ вышелъ, Шлейферъ мнѣ сказаль:

— А я бы вамъ лучше предложилъ взять пока обратно ваше распоряженіе. Вы все таки не забудьте, что Никифоровъ является очень старымъ и заслуженнымъ членомъ партіи и что онъ не только былъ министромъ-президентомъ Дальне-Восточной Республики, но и предсѣдателемъ Ревтрибунала и что къ его голосу въ партіи особенно прислушиваются. Конечно, съ вашей точки зрѣнія, распоряженіе ваше пожалуй совершенно правильно, но я не думаю, чтобы для васъ имѣло смыслъ подвергнуться изъ за этого такой опасности.

Такъ какъ въ скоромъ времени, именно въ началѣ іюля 1923 года, я все равно долженъ былъ по служебнымъ дѣламъ выѣхать за границу, то я заявилъ Шлейферу, что я моего распоряженія, какъ таковаго, обратно взять не могу, ибо съ чисто дѣловой точки зрѣнія я абсолютно правъ, но что, конечно, я долженъ предоставить ему,

намѣренъ ли онъ провести мое распоряженіе на дѣлѣ или нѣтъ.

ЦЕРКОВНОЕ СЕРЕБРО.

Какъ извѣстно, совѣтское правительство въ 1922 году конфисковало все имущество русской церкви, заключающееся въ серебряныхъ сосудахъ, драгоцѣнныхъ церковныхъ книгахъ, иконныхъ ризахъ, и священническихъ облаченіяхъ. Было бы безполезно въ настоящее время спорить о томъ, представлялось ли это мѣропріятіе необходимымъ или нѣтъ; во всякомъ случаѣ, когда я прибылъ въ Москву, я стоялъ уже передъ совершившимся фактомъ. Конфискованное церковное серебро, стекавшееся со всѣхъ концовъ Россіи въ Москву, въ Гохранъ, поступало въ такихъ громадныхъ количествахъ, что пришлось освободить особое большое зданіе на Боровой улицѣ для вмѣщенія и храненія прибывающаго церковнаго серебра. По сообщенному мнѣ тогда приблизительному подсчету изъ всѣхъ угловъ и закоулковъ необъятной Имперіи прибыло въ Москву около 30.000 пудовъ церковнаго серебра. Несомнѣненъ фактъ, что большая часть этого серебра, въ особенности церковная утварь, относившаяся ко времени послѣ 1830 года, не имѣла никакой художественной цѣнности. Управленіе музеями (Главмузей) сдѣлало все, что было въ его силахъ, чтобы выдѣлить изъ этого огромнаго количества церковнаго серебра наиболѣе цѣнные съ музейной, художественной или чисто исторической точки зрѣнія предметы. Директоръ Эрмитажа проф. С. Н. Тройницкій устроилъ изъ конфискованнаго церковнаго серебра замѣчательную и весьма цѣнную съ художественной точки зрѣнія выставку въ залахъ Эрмита-

жа. И въ Оружейной Палатѣ въ Москвѣ — музеѣ чрезвычайно богатомъ серебромъ — былъ устроенъ новый отдѣлъ спеціально для церковнаго серебра. Это собраніе содержитъ особенно цѣнные и характерные для русскаго искусства предметы, въ особенности изъ Соловецкаго монастыря и другихъ старинныхъ монастырей.

Далѣе слѣдуетъ признать съ удовлетвореніемъ, что художественныя, историческія или музейныя цѣнности врядъ ли погибли съ конфискованіемъ церковнаго серебра. Напротивъ, серебряные церковные сосуды, которые столѣтіями лежали въ ризницахъ или въ сокровищницахъ отдѣльныхъ церквей, такимъ путемъ увидѣли свѣтъ и стали доступны для науки и искусства. Правда, конфискованные церковные сосуды и ризы иногда прибывали въ Гохранъ въ совершенно невѣроятномъ состояніи. Я самъ видѣлъ, какъ открывались ящики, въ которыхъ серебряныя ризы, по объему своему не входившія въ ящикъ, были вложены просто согнутыми въ два или даже въ четыре раза. Отдѣльныя вещи лежали одна на другой безо всякой прокладки: не было ни бумаги, ни соломы, ни другого упаковочнаго матеріала. Часто въ серебряные церковные потиры были вдѣланы наивные, но не лишенные интереса съ художественной точки зрѣнія эмалевые медальоны. Эти медальоны въ большинствѣ случаевъ были превращены въ осколки или сильно помяты и стоимость потира вслѣдствіе этого понижалась до минимума. Въ эти-же ящики одновременно были вложены и цѣнныя церковныя книги въ серебряныхъ окладахъ, также снабженныя эмалевыми медальонами, которые часто при распаковкѣ ящиковъ оказывались превращенными въ осколки. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ мнѣ со-

общали музейные служащіе, какъ разъ раздавленные и согнутые предметы или ризы представляли собой наибольшій интересъ и въ такихъ случаяхъ музею приходилось эти разбитые и согнутые предметы и ризы опять выгибать, исправлять и вновь приводить въ первоначальное состояніе.

ПЕРЕДАЧА МУЗЕЙНАГО СЕРЕБРА ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТѢ ВЪ МОСКВѢ.

Послѣ кратковременной работы въ Гохранѣ, я установилъ, что нѣкоторое время тому назадъ представителями главнаго музейнаго управленія уже былъ отобранъ рядъ серебряныхъ предметовъ для музеевъ, передача каковыхъ, однако, все затягивалась подъ всякаго рода предлогами.

Это музейное серебро находилось въ Гохранѣ. Я снесся съ Наталіей Ивановной Троцкой (женой военнаго комиссара Льва Троцкаго), которая въ то время стояла во главѣ всѣхъ музеевъ, и она обратилась въ валютное управленіе съ письменнымъ требованіемъ о выдачѣ означеннаго серебра Оружейной Палатѣ. Чтобы дать представленіе о томъ громадномъ художественномъ и музейномъ богатствѣ, которое собралось въ Гохранѣ, я замѣчу, что серебро отобранное музеями вѣсило болѣе 400 пудовъ. Я далъ затѣмъ Гохрану письменное предписаніе о немедленномъ перевозѣ музейнаго серебра въ Оружейную Палату.

Оружейная Палата, учрежденная въ 17-мъ вѣкѣ московскими царями, помѣщается въ Кремлѣ и нынѣ представляетъ собой несомнѣнно самый богатый музей въ мі-

рѣ въ отношеніи стариннаго серебра. Въ ней помѣщаются также чудныя и весьма своеобразныя собранія старинныхъ тканей и парчи.

Транспортъ серебра былъ произведенъ подъ военной охраной и Оружейная Палата должна была принять серебро отъ представителей Гохрана. Приблизительно дня три спустя послѣ прибытія серебра въ Оружейную Палату я былъ срочно вызванъ въ Кремль, гдѣ директоръ Оружейной Палаты сообщилъ мнѣ, что представители Гохрана отказываются выдать Палатѣ нѣкоторые предметы. Оказалось, что начальникъ Гохрана т. Никифоровъ приказалъ тѣмъ двоимъ служащимъ, которые должны были произвести передачу серебра Оружейной Палатѣ, выдать ей только по одному экземпляру одинаковыхъ вещей. Никифоровъ былъ того мнѣнія, что этого для музеевъ вполнѣ достаточно. Такъ что, если, напримѣръ, Оружейной Палатѣ должна была быть передана пара характерныхъ или художественно-выдающихся серебряныхъ канделябровъ, то его подчиненные имѣли порученіе передать музею только одинъ канделябръ, между тѣмъ какъ другой долженъ былъ быть вновь водворенъ въ Гохранъ.

Такъ какъ я собирался вскорѣ выѣхать за границу и прекрасно зналъ отношеніе Никифорова къ музеямъ, то я не счелъ возможнымъ просто приказать служащимъ Гохрана, не исполнять приказа ихъ непосредственнаго начальника. Такъ какъ передача столь громаднаго количества серебра, связанная съ составленіемъ особыхъ актовъ по отдѣльнымъ предметамъ, должна была продлиться нѣсколько недѣль, то я предложилъ служащимъ Гохрана, чтобы они помѣстили всѣ предметы, передача коихъ Ору-

жейной Палатѣ покажется имъ спорною, другими словами всѣ такъ называемые «одинаковые» предметы, въ особые ящики, которые я назвалъ «спорными» ящиками. Я объяснилъ имъ, что послѣ моего возвращенія изъ за границы я лично вновь осмотрю всѣ спорные предметы и тогда сообща рѣшимъ вопросъ на мѣстѣ.

Когда въ октябрѣ 1923 года я вернулся въ Москву и вошелъ въ Оружейную Палату, то нашелъ тамъ три огромныхъ ящика со спорными серебряными предметами. Я призвалъ моихъ помощниковъ изъ Гохрана и прочелъ имъ короткую инструктивную лекцію о значеніи художественнаго ансамбля: рѣчь шла въ особенности о передачѣ Оружейной Палатѣ шести громадныхъ серебряныхъ люстръ 18-го вѣка изъ церкви въ Филяхъ подъ Москвой. Я имъ указалъ, что считаю передачу Оружейной Палатѣ всѣхъ спорныхъ вещей, какъ съ музейной такъ и съ художественной точки зрѣнія, абсолютно необходимой. Я имъ одновременно разъяснилъ, что совершенно независимо отъ приведенныхъ музейныхъ и художественныхъ мотивовъ, возвратъ спорныхъ предметовъ Гохрану не имѣетъ ни малѣйшаго смысла, такъ какъ продажа стариннаго русскаго церковнаго серебра 18-го вѣка возможна лишь по цѣнѣ чуть-чуть превышающей стоимость самого металла въ сплавленномъ видѣ. Ибо на иностранномъ рынкѣ почти вовсе не существуетъ никакого спроса на русское серебро, между тѣмъ какъ внутренняго рынка для серебра не существуетъ, а для церковнаго серебра и подавно. Нѣсколько спорныхъ вещей, которыя для Оружейной Палаты не представляли особаго интереса и на передачѣ которыхъ директоръ Оружейной Палаты и не настаивалъ, я распорядился возвра-

тить Гохрану. Я затѣмъ спросилъ присутствующихъ, протестуетъ ли кто-либо противъ передачи всѣхъ остальныхъ спорныхъ предметовъ Оружейной Палатѣ, но никто не заявилъ протеста. Въ виду этого я формально передалъ спорные предметы Оружейной Палатѣ. Этимъ путемъ былъ избѣгнутъ ненужный конфликтъ.

ЭПИЗОДЪ.

Среди массы ежедневныхъ событій я хочу отмѣтить здѣсь лишь слѣдующій характерный эпизодъ.

Однажды въ мой кабинетъ явился курьеръ и доложилъ мнѣ: «Протоіерей Марсовъ васъ желаетъ видѣть». Я велѣлъ просить. Вошелъ высокій худощавый человѣкъ среднихъ лѣтъ, одѣтый не какъ священникъ, а какъ частное лицо въ длинное желтое непромокаемое пальто.

— Это вы будете начальникомъ валютнаго управленія?

— Да, пожалуйста присядьте.

— Я пришелъ къ вамъ съ письмомъ митрополита Антонина. Я уже былъ у начальника Гохрана, тов. Громадскаго, но онъ послалъ меня къ вамъ. Мы нуждаемся въ епископскомъ облаченіи. Вы не думайте, мы не хотимъ имѣть его даромъ, мы вамъ за это заплатимъ. Конечно, мы не можемъ купить драгоцѣннаго облаченія изъ золотой парчи. Мы хотимъ имѣть простое дешевое облаченіе. Вѣдь у васъ въ Гохранѣ имѣется много священническихъ и епископскихъ облаченій и я бы хотѣлъ одно изъ нихъ себѣ выбрать.

Дѣйствительно, при секвестрѣ церковнаго имущества вмѣстѣ съ церковнымъ серебромъ были конфискованы изъ ризницъ также и многія церковныя облаченія.

Лично я не видѣлъ причины, почему желаніе митрополита не могло быть исполнено, тѣмъ болѣе, что въ Москвѣ, на Никитской улицѣ, въ особой лавкѣ, совершенно открыто продавались новые церковные сосуды и новыя церковныя облаченія. Все же я телефонировалъ заместителю начальника Гохрана Громадскому и спросилъ его, почему онъ направилъ ко мнѣ священника.

— Видите ли, по моему мнѣнію, это политическое дѣло, вѣдь мы до сихъ поръ никому не выдавали ни единаго церковнаго облаченія и ни единаго церковнаго сосуда. Если вы мнѣ прикажете, то я облаченіе выдамъ, но безъ вашего ордера я этого не сдѣлаю. Я бы на вашемъ мѣстѣ также не бралъ на себя отвѣтственности.

— Хорошо, я вижу, что выдача облаченія является принципіальнымъ вопросомъ и поэтому я представлю это дѣло на разрѣшеніе высшей инстанціи.

Я отвѣтилъ священнику, что я лично не вижу препятствій къ исполненію желанія митрополита. Но дѣло это является принципіальнымъ вопросомъ, такъ какъ къ Гохрану съ подобной просьбой еще не обращались и такъ какъ до сихъ поръ ни церковныхъ сосудовъ, ни облаченій никому еще не выдавалось. Я поэтому представлю это дѣло соотвѣтственной высшей инстанціи и постараюсь добиться положительнаго принципіальнаго рѣшенія по этому вопросу.

Священникъ казался удовлетвореннымъ тономъ моего отвѣта и сказалъ, что онъ его передастъ митрополиту. Онъ благодарилъ меня за любезный пріемъ и заявилъ, что вполнѣ понимаетъ, что при данныхъ условіяхъ исполненіе его желанія должно быть отложено до принципіальнаго рѣшенія высшей инстанціи.

Я переговорилъ по этому вопросу съ моими коллегами, но не встрѣтилъ благопріятной почвы.

Мнѣ настоятельно совѣтовали не вести принципіальной кампаніи въ пользу такого деликатнаго и безнадежнаго дѣла. Продажа или выдача конфискованнаго церковнаго имущества несомнѣнно имѣетъ политическій характеръ, и высшая инстанція несомнѣнно по самымъ различнымъ причинамъ откажетъ въ принципіальномъ своемъ согласіи.

Я долженъ былъ примириться съ обстоятельствами. Желаніе митрополита осталось неисполненнымъ.

Глава восьмая.

ПОѢЗДКА ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ. — МОНЕТНЫЙ ДВОРЪ. — РЕГИСТРАЦІЯ ДОКУМЕНТОВЪ ИЗЪЯТЫХЪ ВЪ СЕЙФАХЪ. — ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРѢПОСТЬ. — МУЗЕИ.

2-го іюня 1923 года я, по служебному порученію, выѣхалъ въ Петербургъ. Поѣздъ изъ Москвы въ Петербургъ былъ превосходный и имѣлъ въ своемъ составѣ международный спальный вагонъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ я отправился въ Европейскую гостиницу, которая производила совершенно европейское впечатлѣніе. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ она была закрыта, она опять была наспѣхъ отдѣлана; столъ и прислуга были безупречны.

МОНЕТНЫЙ ДВОРЪ.

Въ Петербургѣ я прежде всего поставилъ себѣ задачей осмотрѣть Монетный Дворъ, находящійся внутри Петропавловской крѣпости. Впечатлѣніе, которое производилъ Монетный Дворъ, было благопріятно. Зданіе и все оборудованіе Монетнаго Двора, конечно, были въ со-

стояніи, требующемъ общаго ремонта, но средства, имѣвшіяся для этой цѣли у Монетнаго Двора, были чрезвычайно малы, такъ что приходилось ограничиваться лишь самыми необходимыми исправленіями.

Монетный Дворъ возобновилъ свою дѣятельность лишь въ концѣ 1921 года при весьма неблагопріятныхъ условіяхъ, послѣ того какъ онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ совершенно закрытъ. Монетный Дворъ находился подъ управленіемъ инженера Г., бывшаго долголѣтняго отвѣтственнаго служащаго Монетнаго Двора.

Коренной составъ рабочихъ состоялъ главнымъ образомъ изъ бывшихъ рабочихъ Монетнаго Двора. Многіе рабочіе оставили Петербургъ въ голодные годы 1918-21, но послѣ открытія Монетнаго Двора охотно возвратились къ обычному своему труду. Работа на Монетномъ Дворѣ велась какъ рабочими, такъ и служащими ревностно и добросовѣстно, и я вынесъ впечатлѣніе, что налицо имѣется энергичная рука, которая управляетъ предпріятіемъ съ рѣшительностью и со знаніемъ дѣла.

Монетный Дворъ въ то время главнымъ образомъ занимался тѣмъ, что переплавлялъ поступающее изъ Москвы и накоплявшееся въ Петербургѣ серебро и превращалъ таковое въ слитки чистаго серебра. Кромѣ церковнаго серебра переправлялось также и прочее конфискованное серебро (предметы обычнаго употребленія, столовое серебро, серебряная утварь, столовые сервизы, ковши, блюда, вазы и т. д.). Серебро, предназначенное къ переплавкѣ, было нагромождено въ нѣсколькихъ камерахъ вблизи плавильнаго помѣщенія. Въ самой большой камерѣ серебро было нагромождено до потолка. Я взялъ нѣсколько предметовъ на пробу и убѣдился въ томъ, что

ни одинъ изъ этихъ предметовъ не имѣлъ художественной или музейной цѣнности. Правда, тамъ имѣлись коекакіе предметы и второй половины 18-го вѣка, въ особенности среди церковнаго серебра, но при данныхъ обстоятельствахъ было невозможно спасти предметъ отъ переплавки лишь по той причинѣ, что онъ относится къ 18-му вѣку. Все же мнѣ хотѣлось избѣжать всякой возможности того, чтобы при переплавкѣ погибъ какой бы то ни было предметъ, цѣнный съ художественной, исторической или музейной точекъ зрѣнія. Поэтому я, по соглашенію съ музейнымъ управленіемъ въ Петербургѣ, распорядился о томъ, чтобы представители главмузея были уполномочены осматривать серебро, предназначенное къ переплавкѣ, въ соотвѣтственныхъ камерахъ Монетнаго Двора, при чемъ имъ предоставлялось право изъятія изъ переплавки любыхъ предметовъ по ихъ выбору, въ общей сложности, однако, не свыше 3 процентовъ общаго вѣса предполагаемаго къ переплавкѣ серебра. Отобранныя вещи должны были быть, по изъятіи ихъ изъ общей массы серебра, передаваемы Монетному Двору для дальнѣйшаго подробнаго осмотра.

Съ мыслью, что при этой переплавкѣ могли погибнуть нѣкоторые не очень цѣнные церковные предметы, относящіеся къ 18-му вѣку, приходится примириться. Что при этомъ одновременно погибло громадное количество серебряныхъ предметовъ второй половины 19-го вѣка, это фактъ, о которомъ, однако, можно говорить безъ особаго сожалѣнія. Являлось неизбѣжнымъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ переплавлялись и серебряныя отливки середины 19-го вѣка (охотничьи сцены, изображенія всадниковъ и животныхъ), имѣвшія большой вѣсъ (порою до

10 пуд.) и изготовленныя ремесленнымъ образомъ, безъ должнаго художественнаго вкуса. Всѣ обычные подарки на память или по случаю свадьбы, всѣ сувениры и разные предметы, излюбленные въ офицерскихъ собраніяхъ, фигуры всадниковъ; кубки, чаши и т. д., всѣ подарки поднесенные русскими общинами императорамъ Александру II, Алескандру III и Николаю II къ восшествію на престолъ, всѣ эти предметы второй половины 19-го вѣка свидѣтельствовали чаще всего о невѣроятномъ отсутствіи вкуса. То, что такія вещи переплавлялись, съ художественной точки зрѣнія врядъ-ли представляетъ собою потерю.

Несомнѣнно сдѣлано было все, чтобы предотвратить переплавку художественно цѣнныхъ и интересныхъ съ музейной точки зрѣнія предметовъ, и можно утверждать съ увѣренностью, что таковые не погибли.

Кромѣ церковнаго и частнаго серебра, Монетный Дворъ переплавлялъ также и старинныя русскія и иностранныя монеты, посылаемыя ему изъ Гохрана. И въ этомъ смыслѣ озаботились о томъ, чтобы не подверглись переплавкѣ рѣдкія или драгоцѣнныя монеты. Въ Гохранѣ работали два нумизмата, имѣвшіе задачей осматривать отдѣльные ящики съ серебряными монетами и выискивать драгоцѣнныя монеты.

Монетный Дворъ чеканилъ тогда, лѣтомъ 1923 года, серебряныя монеты въ 1 рубль и 50 копѣекъ, которыя ни съ технической, ни съ художественной точки зрѣнія не стояли на высотѣ. На лицевой сторонѣ монеты имѣлась совѣтская звѣзда и означеніе стоимости монеты, на оборотной сторонѣ девизъ «Пролетаріи всѣхъ

странъ, соединяйтесь» и гербъ Р. С. Ф. С. Р. (серпъ и молотъ).

Для того, чтобы провести въ жизнь новую золотую валюту — червонецъ — раціонально и съ успѣхомъ, нужно было подготовиться къ тому, чтобы ввести въ обращеніе громадное количество серебряной монеты. Малое количество серебряной монеты, согласно даннымъ опыта, привело бы лишь къ тому, что монеты навсегда исчезли бы изъ обращенія. Монетный Дворъ въ Петербургѣ работалъ хотя и съ чрезвычайной напряженностью, но не былъ въ состояніи поставить необходимаго количества серебряной монеты. Пришлось напрячь всю энергію для того, чтобы повысить производство, пришлось даже сдать изготовленіе части потребной монеты иностранному монетному двору.

Съ другой стороны я стремился, съ введеніемъ новой валюты, прекратить чеканку незначительной серебряной монеты, изготовлявшейся до сихъ поръ, и создать въ скорѣйшемъ времени новую монету, стоящую какъ въ техническомъ, такъ и въ художественномъ отношеніяхъ на болѣе высокомъ уровнѣ.

Мои переговоры съ правленіемъ и съ техниками Монетнаго Двора имѣли поэтому въ виду обслѣдовать всѣ средства и возможности для повышенія производства, а также выяснить съ технической стороны вопросъ о чеканкѣ новой монеты. Для выработки художественнаго проекта новыхъ монетъ я считалъ наилучшимъ рѣшеніемъ объявленіе конкурса.

Работа въ Монетномъ Дворѣ требовала, конечно, строгаго контроля занятыхъ на немъ рабочихъ. И здѣсь рабочіе подвергались ежедневно, при оставленіи Монет-

наго Двора, самому тщательному тѣлесному осмотру. Я хочу упомянуть тутъ о фактѣ, который кажется совершенно невѣроятнымъ. Бросилось въ глаза, что одинъ молодой рабочій на Монетномъ Дворѣ сталъ чувствовать себя со дня на день хуже, потерялъ здоровый цвѣтъ лица и сталъ съ каждымъ днемъ сѣрѣть въ лицѣ. Это совпало съ ежедневнымъ исчезновеніемъ серебряной монеты. Подозрѣніе пало на этого рабочаго. Онъ былъ арестованъ и обысканъ, причемъ было установлено, что въ моментъ ареста у него было скрыто въ прямой кишкѣ 52 серебряныхъ полтинника. Онъ началъ съ нѣсколькихъ монетъ, постепенно тренировался и въ концѣ концовъ добился того, что ему удавалось похищать ежедневно около 50 монетъ, т. е. около 25 рублей.

РЕГИСТРАЦІЯ ДОКУМЕНТОВЪ, ИЗЪЯТЫХЪ ИЗЪ СЕЙФОВЪ.

Кромѣ Монетнаго Двора, я осмотрѣлъ въ Петербургѣ Пробирную Палату, мѣстное Управленіе Сберегательныхъ Кассъ, Государственную Типографію для изготовленія государственныхъ бумагъ и денежныхъ знаковъ (т. н. Гознакъ), а также особый отдѣлъ для регистраціи и изслѣдованія документовъ, изъятыхъ изъ сейфовъ.

Приведу здѣсь лишь нѣсколько данныхъ объ этомъ особомъ отдѣлѣ. Сейфы банковъ въ Москвѣ и Петербургѣ были закрыты 14 декабря 1917 года, при чемъ, согласно соотвѣтственному декрету, всѣ предметы изъ платины и золота, весь драгоцѣнный металлъ въ слиткахъ, всѣ драгоцѣнные камни или жемчугъ, вся иностранная валюта

и т. д., найденная въ сейфахъ, конфисковались въ пользу государства.

Владѣльцы сейфовъ должны были явиться въ опредѣленные, опубликованные въ газетахъ, дни въ соотвѣтственные банки со своими ключами и открывать сейфы для осмотра содержимаго таковыхъ. Найденные въ сейфахъ цѣнные объекты немедленно вынимались и конфисковывались, между тѣмъ какъ остальныя вещи (акціи, документы, письма и т. д.) оставались въ данныхъ сейфахъ. Русскіе денежные знаки (царскія деньги, «думскія» и «керенки») также вынимались изъ сейфовъ, но не выдавались владѣльцамъ сейфовъ на руки, а лишь записывались въ кредитъ его счета въ банкѣ.

Только частныя бумаги, письма и такіе документы, которые не имѣли никакой имущественной цѣнности, должны были быть выдаваемы владѣльцамъ. Большинство владѣльцевъ сейфовъ, находившіеся къ означенному времени въ Москвѣ или Петербургѣ, дѣйствительно явились въ банки, сейфы были вскрыты въ ихъ присутствіи, цѣнные предметы удалены, но частныя бумаги не были выданы владѣльцамъ немедленно послѣ вскрытія сейфовъ, такъ какъ при чрезмѣрности работы подробный осмотръ таковыхъ былъ въ то время невозможенъ. Много владѣльцевъ сейфовъ спаслось бѣгствомъ; многіе пали во время войны, многіе были арестованы, короче говоря, имѣлось большое количество сейфовъ, оставшихся не вскрытыми вслѣдствіе непоявленія ихъ владѣльцевъ. Послѣ нѣкотораго срока и эти сейфы были насильственно вскрыты.

Частныя бумаги и документы, найденныя въ петербургскихъ сейфахъ, подвергались осмотру и обслѣдованію Особаго Отдѣла съ начала 1923 года. При конфиска-

ціи сейфовъ было упущено вынимать частные документы одновременно съ цѣнными предметами и соотвѣтственно ихъ регистровать.

Бумаги эти только по истеченіи долгаго времени были вынуты изъ сейфовъ въ отсутствіе владѣльцевъ и безъ всякаго разбора упакованы всѣ вмѣстѣ въ большіе ящики. При этомъ насильственно вскрывались не только тѣ сейфы, владѣльцы которыхъ не явились на первоначальный вызовъ, но и тѣ сейфы, кои разъ уже были вскрыты и изъ коихъ цѣнные предметы уже были вынуты. Такъ какъ среди вынутыхъ бумагъ находились не только аннулированныя русскія акціи, потерявшія всякую цѣнность, но и иностранныя акціи и государственные займы, полностью сохранившіе цѣнность, то въ началѣ 1923 года рѣшено было приступить къ подробному осмотру и обслѣдованію таковыхъ.

Всѣ бумаги должны были быть раздѣлены на три группы: во-первыхъ, документы имущественнаго характера, напримѣръ, купчія на дома или другія недвижимости, закладныя, акціи, государственные займы и т. д.; во-вторыхъ, документы академическаго характера, научные, литературные или музыкальные манускрипты, автографы и т. д. и въ третьихъ — бумаги чисто личнаго характера, письма, акты, замѣтки, фотографіи, дипломы, удостовѣренія, свидѣтельства, метрическія свидѣтельства, брачныя свидѣтельства, свидѣтельства о смерти и т. д. Эти документы чисто личнаго характера должны были быть выдаваемы владѣльцамъ, поскольку еще таковые находились въ совѣтской Россіи, совершенно свободно, между тѣмъ какъ имущественные документы должны были остаться въ пользу государства.

Что касается манускриптовъ, то должно было имѣть мѣсто особое обслѣдованіе. Если рукописи представляли собой музейную или другую значительную цѣнность, то они оставлялись въ пользу государства, въ противномъ же случаѣ они могли быть выданы владѣльцамъ.

9-го іюня 1923 года я ознакомился съ работою этого Особаго Отдѣла въ Петербургѣ. Она производилась нѣсколькими служащими, стоявшими передъ довольно затруднительной задачей. Съ одной стороны, служащіе должны были регистрировать документы по ихъ владѣльцамъ, а съ другой стороны, они должны были одновременно вносить ихъ въ одну изъ трехъ вышеназванныхъ группъ.

Помимо того, что изъ многихъ документовъ абсолютно нельзя было усмотрѣть, кому они принадлежатъ или откуда они происходятъ (эти документы, конечно, поневолѣ опять должны были возвратиться въ тѣ же самые большіе ящики), очень многіе документы были составлены не только на русскомъ, но и на иностранныхъ языкахъ. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ служащихъ, очень добросовѣстный человѣкъ, желавшій выполнить свой долгъ наилучшимъ образомъ, показалъ мнѣ итальянскій документъ и итальянскую переписку, изъ которой было видно, что владѣлецъ этого сейфа вызвалъ итальянскаго офицера, по мотивамъ ревности, на дуэль. Онъ спросилъ меня, въ какую группу онъ долженъ внести этотъ документъ. Я отвѣтилъ ему:

— Конечно, въ третью группу, въ группу частныхъ бумагъ. Почему вы меня объ этомъ спрашиваете?

— Да видите ли, мы понимаемъ, пожалуй еще, по-англійски, по французски, по нѣмецки и по польски, но

что касается итальянскаго языка, греческаго, армянскаго, еврейскаго и массы другихъ языковъ, на коихъ иногда оказываются составленными бумаги, согласитесь, что мы не можемъ ихъ регистровать нашими средствами. Мы такіе документы просто должны откладывать пока въ сторону.

Все же Особый Отдѣлъ сдѣлалъ довольно много: бумаги владѣльцевъ сейфовъ нѣкоторыхъ петербургскихъ банковъ были уже классифицированы по своимъ владѣльцамъ, между тѣмъ какъ большинство документовъ, правда, еще лежало неразобранными въ ящикахъ и корзинахъ. Это во всякомъ случаѣ было сизифовымъ трудомъ на многіе годы.

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРѢПОСТЬ.

Монетный Дворъ, какъ уже упомянуто, находился въ Петропавловской крѣпости, и я воспользовался случаемъ осмотрѣть крѣпость. Отдѣльные бастіоны этой крѣпости въ теченіе уже двухъ вѣковъ — съ самаго начала постройки крѣпости въ началѣ 18-го вѣка — служили въ качествѣ темницъ, какъ страшное, закрытое для воздуха и солнца, мѣсто заключенія политическихъ плѣнниковъ. Я осматривалъ Трубецкой бастіонъ, въ которомъ было заключено въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій множество борцовъ за свободу и который нынѣ стоялъ пустымъ, послѣ того какъ совѣтское правительство въ первые годы своего существованія также заключало туда своихъ политическихъ противниковъ.

Согласно старой традиціи, ровно въ 12 часовъ дня, пушечный выстрѣлъ съ Петропавловской крѣпости из-

вѣщалъ населеніе Петербурга о наступленіи полудня. Я поднялся на крѣпостную стѣну къ тому мѣсту, гдѣ стояла эта пушка, и оттуда насладился въ первый разъ тою чудной картиной, которая открывалась на широкую Неву съ крѣпостныхъ валовъ, расположенной на островѣ, Петропавловской крѣпости. Это было 5 іюня 1923 года, въ ясный и прохладный лѣтній день. Панорама, открывавшаяся моимъ глазамъ, представляла собой одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ городскихъ видовъ, существующихъ въ мірѣ. Какъ разъ напротивъ длиннѣйшая набережная съ рядомъ дворцовъ, направо вдали античное зданіе биржи съ тонкими линіями Дворцоваго моста, слѣва Троицкій мостъ, а передъ глазами широкая синяя лента Невы. Я помню хорошо, что на громадномъ доступномъ глазамъ водномъ пространствѣ имѣлась только одна единственная лодка. Кромѣ нея на водѣ не было ничего. Это внушительно свидѣтельствовало о тогдашнемъ положеніи Петербурга.

Самъ Петербургъ, основанный въ 1703 году, одинъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ въ Европѣ, производилъ впечатлѣніе спящаго гиганта. Въ противовѣсъ чрезвычайно оживленной и кишащей людьми Москвѣ, Петербургъ былъ мертвымъ городомъ. Я имѣлъ въ моемъ распоряженіи автомобиль и изъѣздилъ городъ по всѣмъ направленіямъ. Я поѣхалъ въ Крестовскій паркъ и на Стрѣлку, далеко выдающуюся въ Финскій заливъ. Всюду тихое раздумье и сонъ. Чудные парки прекрасно сохранены, но нѣсколько одичали, и въ этомъ одичаніи можетъ быть было еще больше привлекательности, чѣмъ прежде.

Я выѣхалъ также въ Дѣтское Село (прежде Царское

Село) въ русскій Версаль — и осмотрѣлъ прекрасный Екатерининскій дворецъ и паркъ. Дворецъ былъ въ прекрасномъ состояніи и находился подъ тщательной охраной, все было нетронуто и дышало еще изысканнымъ вкусомъ 18-го вѣка. Оттуда я пѣшкомъ черезъ паркъ пошелъ въ Павловскъ. Паркъ также былъ нетронутъ, но городъ былъ въ худшемъ состояніи, чѣмъ прежде.

МУЗЕИ.

Во время моего пребыванія въ Петербургѣ я воспользовался случаемъ осмотрѣть Эрмитажъ подъ руководствомъ его директора С. Н. Тройницкаго. Работа, совершенная въ Эрмитажѣ въ теченіе пяти краткихъ лѣтъ послѣ революціи, была поистинѣ изумительна. Несмотря на скудныя средства, находившіяся въ распоряженіи Эрмитажа, дирекція Эрмитажа не только провела въ нѣкоторыхъ частяхъ самаго Эрмитажа новую перегруппировку выставленныхъ предметовъ искусства съ новыхъ точекъ зрѣнія, но кромѣ того превратила прилежащій къ Эрмитажу Зимній Дворецъ нѣкоторымъ образомъ въ музей. Торжественныя залы и историческія помѣщенія Зимняго Дворца продолжали существовать, какъ таковыя, но въ то же время многія другія комнаты, граничащія съ Эрмитажемъ и соединенныя съ нимъ путемъ закрытой галлереи, нашли примѣненіе въ качествѣ новыхъ залъ для выставки картинъ. Эти новые залы, въ коихъ кромѣ картинъ была помѣщена и изысканная мебель соотвѣтственнаго времени, представляли собой привлекательную картину.

Я подвергъ особенно внимательному осмотру недоступное еще тогда для публики выдающееся собраніе драгоцѣнныхъ золотыхъ табакерокъ 18-го вѣка, украшенныхъ часто бриллїантами.

Я осматривалъ также и «Русскій Музей» (бывшій музей Александра III) и тамъ также долженъ былъ констатировать надлежащее пониманіе и чрезвычайную добросовѣстность работы.

Глава девятая.

ПОСѢЩЕНІЕ МОЕЙ ПРЕЖНЕЙ КВАРТИРЫ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. — ЖИЛИЩНЫЯ ЗАТРУДНЕНІЯ ВЪ МОСКВѢ. — ГОСТИННИЦА САВОЙ. — СЫСКЪ И НАДЗОРЪ. — ЦЕНЗУРА ПИСЕМЪ.

ПОСѢЩЕНІЕ МОЕЙ ПРЕЖНЕЙ КВАРТИРЫ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Когда я уѣхалъ изъ Петербурга 2 марта 1919 года, я оставилъ мою квартиру на попеченіи моей умершей впослѣдствіи сестры и ея мужа. Квартира моя была скромна и мала, но я коллекціонировалъ предметы искусства въ теченіе многихъ лѣтъ и въ моей квартирѣ имѣлось старинное серебро, фарфоръ, старинная мѣдь, старинныя ткани, слоновая кость, ковры и картины. Предметы эти въ большинствѣ были объектами русскаго искусства, за исключеніемъ серебра, среди котораго у меня имѣлось нѣсколько избранныхъ предметовъ германскаго серебра 16 и 17 вѣка. Я тщательно упаковалъ наиболѣе цѣнныя мои книги и предметы искусства въ два большихъ ящика, каковые и оставилъ въ квартирѣ. Такъ какъ я уѣхалъ изъ

Россіи по служебному порученію, то квартира моя получила охранное свидѣтельство и не подлежала какой бы то ни было конфискаціи.

Лѣтомъ 1919 года моя сестра и ея мужъ однако были вынуждены уѣхать изъ моей квартиры и оставить Петербургъ, такъ какъ нужда въ жизненныхъ припасахъ стала совершенно невыносимой. Такъ какъ я былъ въ отсутствіи, то квартира моя осталась безо всякаго попеченія .Дворникъ дома сообщилъ объ этомъ мѣстному совѣту, а совѣтъ сталъ на ту точку зрѣнія, что я являюсь буржуемъ, удравшимъ за границу, хотя ему оффиціально было извѣстно, что я отправился за границу по служебному порученію. Братъ мой, проживавшій еще въ Петербургѣ, прилагалъ всѣ старанія, чтобы предотвратить конфискацію квартиры, но ничего добиться не могъ. Всѣ безъ исключенія предметы искусства, ковры, картины и названные оба ящика были вынесены изъ квартиры и предоставлены въ распоряженіи совѣта, между тѣмъ какъ мебель осталась въ квартирѣ. Сама квартира была предоставлена въ пользованіе тремъ различнымъ жильцамъ.

Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ лѣтомъ 1923 года, я прекрасно зналъ, что моя квартира конфискована и что я тамъ болѣе ничего не найду. Все же я не могъ подавить въ себѣ желанія вновь увидѣть квартиру, въ которой прожилъ много лѣтъ, и поэтому отправился на автомобилѣ на Васильевскій островъ, гдѣ находилась моя прежняя квартира. Весь Васильевскій островъ, въ особенности же его болѣе отдаленныя улицы, производили еще болѣе печальное впечатлѣніе, чѣмъ центръ города. Я подъѣхалъ къ дому на автомобилѣ, что само по себѣ уже было событіемъ въ этой тихой улицѣ.

Передъ домомъ стоялъ дворникъ, который былъ главнымъ подстрекателемъ конфискаціи моей квартиры. Я подошелъ къ нему съ прямымъ вопросомъ:

— Вы узнаете меня?

Дворникъ, который былъ глубоко убѣжденъ, что я либо удралъ, либо просто исчезъ съ лица земли, думалъ, что передъ нимъ стоитъ привидѣніе. Онъ поблѣднѣлъ и сказалъ:

— Да, конечно, вѣдь вы же гражданинъ Л.

За мною мой шофферъ, крѣпкаго сложенія матросъ, сказалъ:

— Я шофферъ съ Монетнаго Двора, а это нашъ начальникъ.

Дворникъ съежился и сказалъ:

— Въ вашей квартирѣ живетъ теперь матросъ. Я вовсе не виноватъ, что вашу квартиру отняли. Я вовсе не говорилъ, что вы удрали или скрылись.

Я отвѣтилъ ему сухо:

— Это теперь не важно. Съ кѣмъ мнѣ нужно говорить?

Онъ указалъ мнѣ квартиру, въ коей помѣщался домовой комитетъ и исчезъ безслѣдно. Въ домовомъ комитетѣ я встрѣтилъ двухъ мужчинъ, которые иронически меня выслушали и только чрезвычайно неохотно согласились проводить меня въ мою бывшую квартиру.

Мы вчетверомъ поднялись по черной лѣстницѣ въ квартиру и постучали. Насъ приняла женщина и я заявилъ ей, что являюсь бывшимъ владѣльцемъ этой квартиры и желаю говорить съ ея мужемъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ появился крѣпкій высокій человѣкъ и между нами произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Чего вы хотите?

— Я бывшій владѣлецъ этой квартиры.

— А я нынѣшній владѣлецъ этой квартиры. Я прежде былъ матросомъ, а теперь изучаю право. Пожалуйте-ка въ мою комнату, я вамъ покажу, кто тутъ владѣлецъ.

Затѣмъ онъ поискалъ въ столѣ, нашелъ бумагу и ткнулъ мнѣ ее въ лицо.

— Вы поздновато пришли. Немного слишкомъ поздно, на цѣлый годъ опоздали. Я уже въ маѣ 1922 года зарегистрованъ, какъ законный владѣлецъ этой квартиры и всей находящейся въ ней мебели. Вотъ вамъ. Что же вы, собственно, хотите? Кто вы такой?

Я вынулъ изъ кармана мое удостовѣреніе и показалъ ему, какую должность я занимаю. Матросъ сталъ мягче.

— Прекрасно. Ну пожалуйста. Вы видите, какъ дѣло обстоитъ. Если хотите, я вамъ охотно разрѣшу осмотрѣть квартиру.

Я смотрѣлъ вокругъ себя въ кабинетѣ, мебель была еще прежняя, но въ страшномъ состояніи. Я бы ее не взялъ, если бы мнѣ ее подарили. Другой жилецъ жилъ въ сосѣдней комнатѣ, которая была почти совершенно пустой: въ комнатѣ стояла только желѣзная кровать и столъ. Мебель, прежде находившуюся въ этой комнатѣ, увезъ съ собой прежній жилецъ. Вдругъ взглядъ мой упалъ на высокую полку съ книгами. Я видѣлъ, что она сплошь заполнена моей юридической библіотекой и спросилъ его:

— Скажите пожалуйста, а книги. Онѣ тоже вамъ принадлежатъ?

— Нѣтъ, видите ли, книги еще не регистрованы. Но я какъ разъ составляю опись и дамъ ее зарегистровать на дняхъ. Долженъ признаться, ваша библіотека дѣйстви-

тельно очень хороша и содержательна. Она мнѣ теперь чрезвычайно полезна при моемъ изученіи права.

Я замѣтилъ въ углу полки монографію извѣстнаго русскаго художника Врубеля и сказалъ ему:

— Видите ли, вотъ лежитъ книга Врубеля. Вѣдь эта книга васъ врядъ ли интересуетъ. Дайте мнѣ ее пожалуйста на память.

На это онъ отвѣтилъ рѣзко:

— По моей доброй волѣ, вы ничего отъ меня не получите. Даже ни единой страницы этой книги. Ежели судъ рѣшитъ въ вашу пользу, пожалуйте, тогда вы получаете всю квартиру, тогда я съѣзжаю, но иначе — нѣтъ. Но я совѣтую вамъ подумать — при этомъ онъ мнѣ подмигнулъ — я членъ Петроградскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Вамъ пожалуй трудно будетъ выиграть въ судѣ противъ меня дѣло.

Я отвѣтилъ ему сухо:

— У меня нѣтъ ни малѣйшаго намѣренія судиться съ вами. Оставайтесь спокойно тамъ, гдѣ вы находитесь.

Я уже хотѣлъ уйти. Вдругъ я увидѣлъ, что на стѣнѣ въ углу виситъ маленькая картина. Я вспомнилъ, что это былъ итальянскій пейзажъ Щедрина 1819 года, представлявшій небольшую цѣнность. Я сказалъ ему:

— Тутъ виситъ маленькая картина. Можетъ быть вы согласитесь мнѣ ее продать?

— Да нѣтъ, да помилуйте, что жъ вы думаете? Вѣдь вся квартира и все то, что въ ней есть, принадлежитъ мнѣ только пожизненно, вѣдь это я имѣю только въ пользованіе. Это вовсе не моя собственность. Я теперь хорошо понимаю, въ чемъ разница. Вы только подумайте: я вамъ продамъ картину, а потомъ придетъ совѣтъ и ска-

жетъ: А ты куда, товарищъ, дѣлъ картину? Нѣтъ, нѣтъ, я вамъ ее продать не могу.

Я холодно поклонился и повернулся, чтобы уйти.

Вдругъ этотъ человѣкъ заградилъ мнѣ дорогу:

— Скажите пожалуйста. Вы собственно для чего сюда пришли? Чего жъ вы отъ меня хотѣли? Вы что-жъ хотѣли пощупать пролетарскую душу, что ли?

— Изученіе вашей души меня не интересуетъ, для меня вы въ данный моментъ не пролетарій, а гражданинъ такой то. Я просто хотѣлъ осмотрѣть квартиру. Я просилъ васъ о книгѣ Врубеля и я вправѣ былъ это сдѣлать. А ваше дѣло было мнѣ въ книгѣ отказать. Больше намъ нечего другъ съ другомъ разговаривать. Дайте мнѣ уйти.

Онъ еще разъ всмотрѣлся въ моего коренастаго проводника, открылъ дверь и далъ мнѣ уйти. Когда я спускался съ лѣстницы, мой шофферъ возмущенно кричалъ:

— Вѣдь это же сволочь. Вѣдь это же все ваше, вѣдь это же не евонное. Вѣдь ежели это было бы мое, то я бы ему всю рожу разворотилъ. Какъ же онъ могъ вамъ отказать въ паршивой книжкѣ, когда весь шкафъ вамъ принадлежитъ?

Я ему сказалъ:

— Успокойтесь. Эта книга не такъ важна, въ концѣ концовъ безразлично — имѣю я ее или нѣтъ.

Все же вся эта сцена и ужасная картина запущенія, найденная мной въ квартирѣ, подѣйствовали на меня. Я долженъ былъ взять себя въ руки для того, чтобы внѣшне сохранить спокойствіе.

ЖИЛИЩНЫЯ ЗАТРУДНЕНІЯ ВЪ МОСКВѢ.

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Москву я просилъ народнаго комиссара финансовъ Сокольникова, предоставить въ мое распоряженіе маленькую меблированную квартиру въ двѣ комнаты. Сокольниковъ отдалъ соотвѣтствующее распоряженіе начальнику административнаго управленія тов. Герштейну. Было чрезвычайно трудно найти свободныя комнаты и въ концѣ концовъ нашли слѣдующій выходъ. Народному комиссаріату финансовъ принадлежалъ домъ въ Мертвомъ переулкѣ, который былъ населенъ исключительно сотрудниками этого комиссаріата. Во дворѣ этого дома стоялъ маленькій флигель, вродѣ дачнаго дома, въ четыре комнаты. Этотъ маленькій домъ былъ частично населенъ, но находился въ такомъ запущенномъ и отчаянномъ состояніи, что о въѣздѣ въ него вообще не могло быть и рѣчи. Рѣшено было произвести капитальный ремонтъ домика и меблировать его, а затѣмъ изъ четырехъ комнатъ предоставить въ мое распоряженіе двѣ. Работа плохо подвигалась и я поэтому все время долженъ былъ жить въ гостинницѣ. Мои гостинничные счета еженедѣльно оплачивались комиссаріатомъ финансовъ. 2-го іюня комиссаріатъ увѣдомилъ меня письменно, что квартира моя теперь вполнѣ готова для въѣзда и что комиссаріатъ, начиная съ этого дня, прекратитъ уплату дальнѣйшихъ гостинничныхъ счетовъ. Такъ какъ я какъ разъ въ этотъ день, 2-го іюня, уѣзжалъ въ служебную поѣздку въ Петербургъ, то я принялъ къ свѣдѣнію это сообщеніе и поручилъ моему секретарю М. позаботиться о томъ, чтобы квартира до моего возвраще-

нія изъ Петербурга была омеблирована и приведена въ полный порядокъ.

13-го іюня я пріѣхалъ изъ Петербурга въ Москву. На вокзалѣ меня ждалъ мой секретарь М. съ автомобилемъ. Я спросилъ его: — Куда мы теперь поѣдемъ? — Въ новую квартиру, въ Мертвый переулокъ. — А вы уже были въ квартирѣ? — Нѣтъ — отвѣтилъ М. Но тамъ, конечно, все въ порядкѣ. Вѣдь квартира, какъ вамъ извѣстно, уже двѣ недѣли какъ готова.

Я хотя чрезвычайно сомнѣвался въ этомъ, но не выразилъ вслухъ своихъ сомнѣній. Мы съ секретаремъ отправились непосредственно въ квартиру.

Когда я пріѣхалъ туда и хотѣлъ пойти черезъ дворъ во флигель, ко мнѣ навстрѣчу вышелъ дворникъ и, смущенно почесывая затылокъ, сказалъ:

— Да, видите ли, сюда нѣсколько дней назадъ въѣхалъ товарищъ изъ «бужетнаго» отдѣла и взялъ ваши двѣ комнаты. Я ему говорилъ много разъ, что комнаты эти назначены для васъ, начальника валютнаго управленія, а онъ мнѣ въ отвѣтъ: эхъ чего тамъ, я человѣкъ партейный, я просто возьму эти комнаты. Сказалъ и повѣсилъ свой замокъ на дверь.

Я спросилъ дворника: — А какъ же съ остальными двумя комнатами?

— Да, видите ли, сказалъ онъ смущенно. Эти двѣ комнаты, пожалуй для васъ не подойдутъ.

Чтобы разъ навсегда покончить съ этимъ дѣломъ, я осмотрѣлъ эти двѣ комнаты. Одна комната была прежней дворницкой, узкое помѣщеніе, получавшее свѣтъ изъ окна, расположеннаго почти у самаго потолка. Полъ комнаты еще совершенно не былъ готовъ, и плотникъ какъ разъ

занятъ былъ тѣмъ, что прибивалъ половыя доски. Другая комната представляла собой маленькое помѣщеніе въ уровень съ землей, съ окномъ на дворъ. Эта комнатка была закрыта и въ ней помѣщалась кое-какая мебель бывшаго жильца.

— А гдѣ же моя мебель? спросилъ я дворника.

Добродушно улыбаясь, онъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— А небели и нѣту-ти.

При этихъ условіяхъ, конечно, мой въѣздъ въ квартиру при всемъ желаніи былъ невозможенъ.

Я возмущенно обратился къ моему секретарю:

— Вѣдь я вамъ опредѣленно поручилъ передъ моимъ отъѣздомъ, чтобы вы позаботились о томъ, чтобы квартира была въ порядкѣ. Если бы вы имѣли малѣйшее понятіе о дисциплинѣ и о чувствѣ долга, вы бы заранѣе осмотрѣли квартиру и увидѣли бы, въ какомъ состояніи она находится. Вы бы тогда не посмѣли ѣхать со мной сюда и отнимать мое время.

Мой секретарь бормоталъ какія-то извиненія, а я приказалъ шофферу отправиться непосредственно въ гостинницу Савой. Прибывъ туда, я предъявилъ мои мандаты и просилъ о комнатѣ для меня и моей жены. Швейцаръ отвѣтилъ, что у него хотя имѣется маленькая комната, но что онъ не можетъ мнѣ ее дать безъ прямого разрѣшенія «Бюробина», т. е. «бюро по обслуживанію иностранцевъ». Это бюро находилось въ народномъ комиссаріатѣ иностранныхъ дѣлъ, въ «Наркоминдѣлѣ». Я поѣхалъ на томъ же автомобилѣ со всѣми моими вещами непосредственно въ Наркоминдѣлъ, отправился въ Бюробинъ и объяснилъ тамъ положеніе дѣла, заявивъ, что квар-

тира предоставленная въ мое распоряженіе народнымъ комиссаріатомъ финансовъ, о полной готовности которой мнѣ еще 2-го іюня сообщено, фактически еще нынѣ, 13 іюня, находится въ такомъ состояніи, что плотникъ прибиваетъ половыя доски. Въ виду этого я потребовалъ свободной комнаты въ гостинницѣ Савой. Бюробинъ далъ мнѣ соотвѣтствующій ордеръ и я дѣйствительно получилъ комнату. Комната въ гостинницѣ Савой была хотя и мала и узка, но во всякомъ случаѣ это было нѣчто лучшее, чѣмъ полуготовый ремонтирующійся домъ. Послѣ этого опыта я уже не настаивалъ больше на полученіи квартиры въ двѣ комнаты. И дѣйствительно, она никогда болѣе не была ни предложена, ни предоставлена въ мое распоряженіе.

ГОСТИННИЦА САВОЙ. — СЫСКЪ И НАДЗОРЪ. — ЦЕНЗУРА ПИСЕМЪ.

Уже много писалось о системѣ сыска въ совѣтской Россіи, много преувеличеннаго и выдуманнаго. Конечно, надзоръ за политическимъ настроеніемъ населенія несомнѣнно чрезвычайно интенсивенъ, гораздо болѣе интенсивенъ, чѣмъ въ государствахъ, гдѣ форма управленія существуетъ уже давно. Въ особенности интенсивенъ этотъ политическій надзоръ за красной арміей, за составомъ государственныхъ служащихъ, за спеціалистами («спецами») и за пріѣзжающими въ Россію иностранцами.

Во время моего послѣдняго пребыванія въ Москвѣ я проживалъ болѣе трехъ мѣсяцевъ въ гостинницѣ «Савой», одной изъ немногихъ гостинницъ, предназначенныхъ для пріема иностранцевъ. Всѣ гостинницы, пред-

назначенные для иностранцевъ, находятся въ вѣдѣніи Бюробина, который представляетъ собой особый отдѣлъ при народномъ комиссаріатѣ иностранныхъ дѣлъ. Составъ служащихъ гостинницы Савой, такъ же какъ и всѣхъ другихъ гостинницъ Бюробина, одновременно находится также на службѣ у ГПУ и, кромѣ своихъ прочихъ служебныхъ функцій, долженъ осуществлять и политическій и полицейскій надзоръ за жильцами гостинницы.

Для жильца, проживающаго въ гостинницѣ Савой, гостинница представляется просто стеклянной клѣткой. Часъ, когда жилецъ гостинницы ушелъ изъ дому, когда онъ вернулся, когда онъ принялъ посѣтителей, какъ долго посѣтители у него находились и кто именно были эти посѣтители, все это точно отмѣчается. Надзоръ производится подчасъ въ такой неловкой формѣ, что онъ прямо бросается въ глаза. Бываетъ, напримѣръ, что возвращаешься поздно ночью домой, усталый поднимаешься на лѣстницу, такъ какъ лифтъ уже не дѣйствуетъ, сонный направляешься черезъ полутемный корридоръ въ свою комнату, и вдругъ натыкаешься на «парикмахера» въ бѣломъ кителѣ, плохо скрывающагося за колоннами. Конечно, невольно вздрагиваешь, потому что никто не ожидаетъ въ это время встрѣтить парикмахера въ бѣломъ кителѣ. Что же оказывается? Этотъ милый человѣкъ только хотѣлъ знать, направляется ли поздно возвращающійся домой жилецъ въ свою собственную комнату или въ чужую, а если въ чужую, то въ какую именно.

Однажды я стоялъ послѣ обѣда въ вестибюлѣ гостинницы и разговаривалъ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ со знакомымъ мнѣ господиномъ. Какъ только онъ со мной простился и за нимъ заперлась выходная дверь,

швейцаръ подошелъ ко мнѣ и осклабившись спросилъ:

— Скажите пожалуйста, кто собственно тотъ гражданинъ, съ которымъ вы только что разговаривали? Какой симпатичный человѣкъ! Я его часто здѣсь вижу, только не знаю, кто онъ такой.

Я, конечно, въ первый моментъ имѣлъ желаніе соотвѣтственно отвѣтить на эту наглость. Но я вспомнилъ, что нахожусь въ гостинницѣ Савой въ Москвѣ и что отказъ въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ причинилъ бы какъ мнѣ, такъ и моему знакомому безцѣльную непріятность. Ибо, въ случаѣ моего отказа, немедленно былъ бы приведенъ въ дѣйствіе весь сложный аппаратъ сыска, чтобы установить личность «симпатичнаго» гражданина. Въ виду этого я далъ швейцару поневолѣ нужную ему справку.

То, что всѣ телефонные разговоры подслушиваются, это несомнѣнный фактъ. Весьма часто слышишь совершенно ясно, какъ включается въ телефонъ подслушивающій. Поэтому совершенно естественно, что жилецъ, телефонирующій въ городъ изъ комнаты гостинницы Савой, начинаетъ свой телефонный разговоръ словами: — Алло, я говорю изъ гостинницы Савой! Собесѣдникъ тогда знаетъ въ чемъ дѣло, онъ знаетъ, что разговоръ подслушивается и ведетъ себя соотвѣтственно.

Однажды, когда я еще жилъ въ гостинницѣ «Парижъ», я замѣтилъ, что мой большой сундукъ открывается и закрывается съ большимъ трудомъ. Мнѣ пришлось промучиться съ ключами почти четверть часа, пока не удалось открыть сундукъ. Замокъ былъ раньше совершенно исправенъ и поэтому было ясно, что была сдѣлана кѣмъ-то попытка открыть сундукъ другими ключами. Я разсказалъ объ этомъ знакомому, занимающему доволь-

но важный постъ въ народномъ комиссаріатѣ внутреннихъ дѣлъ (Наркомвнудѣлъ). Онъ отвѣтилъ мнѣ улыбаясь:

— Бросьте, чего вамъ волноваться по этому поводу? Ну, конечно, пытались открывать вашъ сундукъ. Но вѣдь главное то дѣло въ томъ, что у васъ ничего не украдено. Вы что же, установили, что чего нибудь не хватаетъ?

— Нѣтъ.

— Видите ли. Вы и не должны удивляться, если вашъ письменный столъ и ваши шкафы тоже когда либо начнутъ плохо закрываться. Вѣдь при нашихъ условіяхъ совершенно естественно, что переписка и вещи иностранцевъ обыскиваются незамѣтнымъ путемъ. Но вы спокойно можете оставлять лежать деньги въ письменномъ вашемъ столѣ. Безусловно ничего не пропадетъ. Впрочемъ, я вамъ совѣтую, вы пожалуйста не уничтожайте всѣхъ писемъ, которыя вы получаете, а то знаете, какъ будтобы странно, когда ничего не находишь въ письменномъ столѣ. Ну оставьте тамъ что-ли, какъ будто бы нечаянно, какое нибудь безвредное письмо отъ вашего отца, отъ вашей матери или отъ вашей жены.

Опытный человѣкъ съ этимъ, конечно, считается, избѣгаетъ по возможности вести записныя книжки и дневники, главнымъ же образомъ воздерживается отъ записи адресовъ и телефонныхъ номеровъ.

Память мало по малу прекрасно привыкаетъ къ наиточнѣйшему удержанію адресовъ и телефонныхъ номеровъ. Послѣднее производится по той весьма понятной причинѣ, чтобы не вовлекать третьихъ лицъ, когда слу-

чайно придешь въ нежелательное близкое соприкосновеніе съ ГПУ.

Во время моего проживанія въ Москвѣ мнѣ было конфиденціально сообщено, что во многихъ комнатахъ гостинницы «Савой» имѣются особые микрофоны, т. е. аппараты для подслушиванія разговоровъ, скрытые въ вентиляторахъ или за шкафами, которые даютъ возможность слышать каждый ведущійся въ данной комнатѣ разговоръ. Я не могъ установить присутствія въ моей комнатѣ подобнаго аппарата, но считаю это сообщеніе весьма вѣроятнымъ.

При этихъ условіяхъ, конечно, не приходится удивляться, что жильцы «Савой» лишь рѣдко принимаютъ посѣтителей у себя въ гостинницѣ, а предпочитаютъ встрѣчаться у частныхъ лицъ или въ нейтральномъ мѣстѣ, если необходимо видѣть кого-либо, не будучи замѣченнымъ. Весьма распространеннымъ является способъ встрѣчи въ театрѣ, гдѣ берутъ мѣста находящіяся рядомъ.

То, что переписка выдающихся безпартійныхъ лицъ перлюстрируется, т. е. открывается и читается соотвѣтствующими органами, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Для меня было ясно, что адресованная мнѣ корреспонденція, а по возможности также и исходящая отъ меня, прочитывалась. Мои письма были весьма коротки и не содержали никакихъ личныхъ впечатлѣній о совѣтской Россіи, о Москвѣ, о томъ, что меня окружало и т. д. Но, какъ оказалось впослѣдствіи, и переписка моей жены усердно прочитывалась. Когда я черезъ нѣкоторое время въ Берлинѣ имѣлъ возможность говорить съ полномочнымъ представителемъ С. С. С. Р. Крестинскимъ и при этомъ указалъ ему на то, что мое желаніе имѣть слу-

жебное мѣстопребываніе въ Берлинѣ объясняется отчасти и тѣмъ, что жена моя нѣмка и не понимаетъ по-русски, то Крестинскій мнѣ отвѣтилъ:

— Незнаніе русскаго языка не является рѣшающимъ. Если бы ваша жена имѣла желаніе принимать участіе въ нашей нѣмецкой культурной работѣ (т. е. въ соціальной работѣ среди нѣмецкихъ коммунистовъ въ Москвѣ), то ей не приходилось бы писать своей матери въ Шарлоттенбургъ письма полныя отчаянія и тоски.

Это было яснымъ доказательствомъ, что и письма моей жены, не содержащія ни малѣйшей критики о Москвѣ, открывались и читались и что содержаніе таковыхъ уже попало въ то «дѣло», которое велось обо мнѣ.

Глава десятая.

ВАЛЮТНОЕ УПРАВЛЕНІЕ. — КОМИССІЯ ПО РЕАЛИЗАЦІИ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЦѢННОСТЕЙ. — СЛУЖЕБНАЯ ПОѢЗДКА ЗА ГРАНИЦУ: БЕРЛИНЪ — АМСТЕРДАМЪ — ПАРИЖЪ — ЛОНДОНЪ.

ВАЛЮТНОЕ УПРАВЛЕНІЕ.

Какъ уже указано, мое положеніе по службѣ въ валютномъ управленіи съ самаго начала оказалось весьма затруднительнымъ. То обстоятельство, что я добровольно, по причинамъ казавшимся мнѣ тогда цѣлесообразными, отказался отъ званія начальника валютнаго управленія, оказалось тактической ошибкой. Она отняла у меня единственную дѣйствительную опору, которая имѣлась бы за мною вслѣдствіе самого званія и создаваемаго благодря ему формальному престижу власти.

Мой коллега, тов. Шлейферъ, который до моего прибытія въ Москву фактически исполнялъ обязанности начальника валютнаго управленія, уже съ первыхъ дней подходилъ ко мнѣ съ плохо скрываемымъ недоброжелательствомъ. Уже во время первыхъ переговоровъ, когда

мы распредѣляли между собой отдѣльныя функціи, онъ мнѣ сказалъ совершенно откровенно:

Это весьма правильно, что вы отклонили должность начальника валютнаго управленія. Съ моей точки зрѣнія, было ошибкою со стороны Сокольникова, что онъ вамъ сразу предложилъ эту должность. Вполнѣ возможно, что у васъ имѣются соотвѣтственныя знанія и подготовка, но вы сначала должны освоиться съ нашими условіями, а прежде всего вы должны заслужить наше политическое довѣріе. Я являюсь начальникомъ валютнаго управленія и я добровольно не уступилъ бы этой должности вамъ. Вы можете быть вполнѣ увѣрены, что если бы вы не были настолько умны, чтобы самому отказаться отъ должности начальника валютнаго управленія, то вы бы у насъ тутъ не продержались и семи дней.

Шлейферъ — человѣкъ интеллигентный, но безпардонный карьеристъ — былъ до ноябрьской революціи партійнымъ соціалъ-демократомъ и только впослѣдствіи вступилъ въ коммунистическую партію. Онъ несомнѣнно былъ убѣжденнымъ членомъ партіи, но былъ слѣпымъ фанатикомъ и дѣлалъ, сознательно или безсознательно, все то, что могъ, чтобы заставить коммунистовъ забыть его соціалъ-демократическое прошлое. Онъ поэтому всегда былъ «plus royaliste, que le roi». Поэтому онъ гораздо чаще швырялъ вокругъ себя громкими партійными лозунгами, чѣмъ это дѣлали старые большевики, которые не нуждались въ такомъ подчеркиваніи своей партійной правовѣрности.

Мнѣ припоминается слѣдующій характерный эпизодъ:

Мы имѣли совѣщаніе, на которомъ обсуждали во-

просъ о финансированіи и снабженіи жизненными припасами золотопромышленнаго треста въ Сибири. Командированный въ Москву представитель треста докладывалъ, что дѣло снабженія округа жизненными припасами обстоитъ очень плохо и что онъ боится, что уже заготовленные жизненные припасы не дойдутъ до мѣста назначенія до конца навигаціи. Наркомфинъ не предоставилъ своевременно средствъ для пріобрѣтенія этихъ жизненныхъ припасовъ. Кромѣ того инженеръ такой-то, управляющій работами на рудникахъ, также не стоитъ на высотѣ. Тогда Шлейферъ прервалъ вдругъ докладчика словами:

— Что же, и этотъ негодяй еще не разстрѣлянъ? Что же, и дѣло до сихъ поръ не передано прокурору?

Я спросилъ его холодно:

— Почему же вы немедленно хватаетесь за разстрѣлъ? Вѣдь главный вопросъ, который стоитъ передъ нами — это тотъ, какъ бы фактически помочь теперь населенію. Вѣдь прежде всего мы должны немедленно рѣшить, какія конкретныя мѣры для этого нужно принять. Притомъ, вѣдь вы вовсе еще и не знаете, кто въ дѣйствительности виновенъ, дѣйствительно ли на-лицо злая воля инженера или просто сила обстоятельствъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего поступленія на службу Шлейферъ мнѣ сообщилъ, что валютное управленіе уже въ теченіе почти трехъ мѣсяцевъ ведетъ переговоры съ голландской группой о продажѣ большого количества драгоцѣнныхъ камней. Онъ показалъ мнѣ соотвѣтственный проектъ договора и просилъ о моемъ заключеніи. Я заявилъ ему, что долженъ лично вести переговоры съ голландцами для того, чтобы составить себѣ

точную картину дѣла. Шлейферъ сначала никакъ не хотѣлъ этого понять. Но я категорически отклонилъ дачу заключенія на основаніи простого проекта договора, заявивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что я согласенъ взять въ свои руки проведеніе самого договора.

Я велъ переговоры съ голландцами около двухъ недѣль, добился для валютнаго управленія наилучшихъ условій и 28 апрѣля 1923 года валютное управленіе заключило договоръ съ голландцами, согласно которому голландской группѣ были предоставлены для продажи драгоцѣнные камни и жемчуга, оцѣночной стоимостью около одиннадцати милліоновъ голландскихъ гульденовъ. Продажа должна была совершаться на комиссіонномъ основаніи по лимитнымъ цѣнамъ, установленнымъ валютнымъ управленіемъ, причемъ однако голландцы должны были взять на себя обязательство пріобрѣсти самимъ по лимитнымъ цѣнамъ, установленнымъ валютнымъ управленіемъ, опредѣленную весьма значительную часть всей партіи, въ случаѣ, если бы она оказалась непроданной третьимъ лицамъ до извѣстнаго срока.

КОМИССІЯ ПО РЕАЛИЗАЦІИ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЦѢННОСТЕЙ

Немедленно послѣ заключенія договора была учреждена «Комиссія по реализаціи государственныхъ цѣнностей», которая между прочимъ должна была взять на себя контроль надъ проведеніемъ этой сдѣлки въ Голландіи. Эта комиссія одновременно имѣла задачей обслѣдовать во Франціи, Голландіи и Англіи имѣющійся рынокъ на драгоцѣнные камни, жемчугъ, золотыя табакерки, ан-

тикварное серебро и т. д. Комиссія состояла изъ меня, какъ предсѣдателя, и изъ двухъ членовъ. Кромѣ того къ комиссіи были прикомандированы въ качествѣ спеціалистовъ два русскихъ ювелира Ч. и К., служившіе въ Гохранѣ. Тов. Д., молодой человѣкъ около 23 лѣтъ, былъ предложенъ Шлейферомъ въ качествѣ члена комиссіи. Что же касается второго члена комиссіи, то я рѣшилъ избрать его лично. Я встрѣтилъ въ Москвѣ хорошо знакомаго мнѣ бывш. присяжн. повѣр. Ф., котораго я зналъ въ Петербургѣ уже съ 1911 года. Я зналъ, что онъ прежде былъ соціалъ-демократомъ и полагалъ, что онъ за это время перешелъ въ коммунистическую партію. Я отыскалъ его, мои предположенія оказались правильными — онъ былъ коммунистомъ — и поэтому къ его назначенію въ качествѣ члена комиссіи препятствій не встрѣчалось. Предстоящая ему работа была интересна и давала ему возможность поѣхать за границу на 3-4 мѣсяца на хорошихъ условіяхъ. Ф. съ радостью согласился. Правительственное учрежденіе, въ которомъ Ф. служилъ, также не дѣлало затрудненій и Ф. былъ откомандированъ и назначенъ членомъ комиссіи.

14 іюня тов. Ф. и ювелиръ Ч. отправились на аэропланѣ въ Берлинъ, куда между тѣмъ былъ отосланъ запроданный товаръ. Передача товара должна была совершаться въ совѣтскомъ торговомъ представительствѣ въ Стокгольмѣ. Товаръ былъ принятъ въ Стокгольмѣ двумя представителями голландской группы, причемъ каждый пакетъ былъ открываемъ въ отдѣльности и подвергался самому тщательному осмотру. Товаръ былъ отправленъ изъ Москвы въ пакетахъ, снабженныхъ печатью валютнаго управленія и голландской фирмы. При передачѣ то-

вара, которая имѣла мѣсто въ маленькомъ помѣщеніи въ торговомъ представительствѣ въ Стокгольмѣ присутствовали: торговый представитель СССР въ Швеціи Гарденинъ, его жена, занимавшій высокій постъ въ торгпредствѣ Ландеръ и два представителя голландской фирмы. Передача длилась нѣсколько дней.

Однажды вечеромъ при упаковкѣ уже вскрытыхъ и осмотрѣнныхъ пакетовъ обнаружилось, что не хватаетъ двухъ большихъ желтоватыхъ бриллiантовъ, относящихся по своей старомодной шлифовкѣ къ 18-му вѣку. Весь полъ комнаты, каждый упавшій на полъ клочекъ бумажки были подвергнуты тщательнѣйшему осмотру. Но оба камня исчезли безслѣдно.

Тѣмъ временемъ я былъ въ Москвѣ и только въ концѣ іюля пріѣхалъ въ Голландію. Во время нашей встрѣчи владѣлецъ голландской фирмы сообщилъ мнѣ, что два камня утеряны и что онъ поэтому долженъ вычесть ихъ стоимость, составляющую около 6.000 гульденовъ, изъ общей стоимости всей переданной ему партіи товара. Я не могъ и не хотѣлъ изъ-за этой сравнительной малой суммы поднимать споръ, который неминуемо долженъ былъ привести къ самымъ щекотливымъ и непріятнымъ толкамъ. Правда, прикомандированный къ моей комиссіи ювелиръ Ч., къ великому счастью для себя, прибылъ въ Стокгольмъ только черезъ день послѣ исчезновенія этихъ камней, такъ что на него никакихъ подозрѣній пасть не могло. Голландецъ съ своей стороны заявилъ мнѣ прямо, что совершенно исключено, чтобы его двое уполномоченныхъ присвоили себѣ эти два камня и что поэтому онъ не принимаетъ на себя никакой отвѣтственности. Я также категорически отвѣтилъ, что самая мысль, что камни

эти могли быть присвоены кѣмъ-либо съ совѣтской стороны, совершенно отпадаетъ и вообще не можетъ быть обсуждаема. Я сказалъ ему, что камни очевидно были обронены на полъ и выброшены вмѣстѣ съ содержимымъ корзины для бумагъ. Помимо этого его двое уполномоченныхъ уже имѣютъ достаточно многолѣтній опытъ въ пріемкѣ камней и поэтому я вынужденъ возложить отвѣтственность за исчезнувшіе два камня на голландскую фирму.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я потребовалъ отъ владѣльца голландской фирмы, чтобы онъ призналъ оба камня какъ бы ему переданными и кредитовалъ бы счетъ валютнаго управленія суммой въ 6.000 гульденовъ, представляющею стоимость этихъ двухъ камней. Голландецъ пошелъ навстрѣчу моему требованію и письменно подтвердилъ свое согласіе, поставивъ однако условіемъ, что если камни все же когда либо найдутся, то они, какъ принадлежащіе ему, должны быть ему переданы.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Осенью 1923 года оба камня страннымъ образомъ нашлись, а именно на томъ же мѣстѣ, гдѣ они исчезли. Камни эти дѣйствительно засимъ были переданы голландской фирмѣ.

СЛУЖЕБНАЯ ПОѢЗДКА ЗА ГРАНИЦУ.

14-го іюля 1923 года я съ членомъ комиссіи т. Д. и съ ювелиромъ К. прибыли въ Берлинъ, гдѣ мы уже встрѣтили тов. Ф., который мнѣ доложилъ о передачѣ товара въ Стокгольмѣ и отъ котораго я узналъ, что всѣ пакеты съ товаромъ за это время отправлены голландцами изъ Стокгольма въ Амстердамъ. Все было въ полномъ поряд-

кѣ, находившійся въ Стокгольмѣ ювелиръ Ч. уже тѣмъ временемъ выѣхалъ въ Амстердамъ.

Вечеромъ я имѣлъ частный разговоръ съ тов. Ф., котораго я, какъ уже указано выше, зналъ съ 1911 года и спросилъ его въ концѣ концовъ:

— Скажите, пожалуйста, вашъ коллега Д., кто онъ собственно такой? Что онъ — чекистъ, агентъ ГПУ или что такое?

Подумавъ, онъ медленно отвѣтилъ:

— Что жъ, все можетъ быть. Это, конечно, не исключено.

Я, конечно, зналъ, что за мной слѣдятъ и при «совѣтскихъ условіяхъ», въ особенности при той высокой должности, которую я занималъ, я находилъ это понятнымъ. Но мнѣ чрезвычайно тяжело было думать, что мой ближайшій сотрудникъ, съ которымъ я ежедневно и ежечасно долженъ былъ совмѣстно работать, принялъ на себя эту сыскную службу. Я съ радостью узналъ бы, что онъ — не сыщикъ. Но медлительный отвѣтъ тов. Ф. заставилъ меня призадуматься.

На слѣдующее утро я посѣтилъ тов. Д. въ его берлинской гостинницѣ и неожиданно вошелъ въ его комнату въ 9 часовъ утра. Я увидѣлъ на его столѣ закрытое письмо съ надписью: «Начальнику Валютнаго управленія товарищу Шлейферу» и сказалъ ему рѣзко:

— Скажите, тов. Д., вы что же, за моей спиной пишете доклады начальнику валютнаго управленія? Вѣдь вы знаете, что я предсѣдатель, а вы членъ комиссіи. Вы не вправѣ безъ моего вѣдома и безъ моего согласія посылать доклады о нашей дѣятельности кому бы то ни бы-

ло. Всѣ доклады должны быть составлены за общей подписью всѣхъ членовъ комиссіи.

Д. быстро нашелся и отвѣтилъ:

— Письмо, которое вы видите здѣсь на столѣ, есть частное письмо моему другу И. І. Шлейферу.

Я: — Почему же вы тогда его адресуете на имя начальника валютнаго управленія?

Д: — Дабы письмо вѣрнѣе прибыло. Я посылаю его черезъ полпредство, дипломатической почтой.

Послѣ этого Д. всталъ, пронизывающе на меня посмотрѣлъ и вдругъ сказалъ:

— Впрочемъ, вы вчера вечеромъ спросили тов. Ф., не являюсь ли я агентомъ ГПУ, неправда ли?

— Это вѣрно — протянулъ я медленно, ибо я не могъ придти въ себя отъ мысли, что Ф. въ такой степени могъ нарушить мое довѣріе.

Д: — Я вамъ хотѣлъ только сказать, что я не состою на службѣ Ч.К. или ГПУ. Я только членъ коммунистической партіи. Я вовсе не посланъ для того, чтобы надзирать и слѣдить за вами. Я пріѣхалъ сюда для того, чтобы вамъ помочь и отъ васъ кое-чему научиться. Конечно, если бы вы въ вашей дѣятельности предприняли что-нибудь, что противорѣчило бы интересамъ совѣтскаго правительства или коммунистической партіи, то я, конечно, счелъ бы своимъ коммунистическимъ долгомъ донести на васъ. Но я повторяю, я только членъ комиссіи, больше ничего.

Я: — Можете ли вы показать мнѣ письмо, которое вы адресовали на имя начальника валютнаго управленія Шлейфера и которое вы теперь называете частнымъ письмомъ?

Д: — Нѣтъ, къ этому я не обязанъ. Я вамъ могу только повторить еще разъ, что это частное письмо. Вѣдь въ концѣ концовъ, имѣю же я право писать частныя письма, по моему усмотрѣнію.

Между тѣмъ вошелъ въ комнату тов. Ф. и привѣтствовалъ насъ любезной улыбкой. Я посмотрѣлъ на Ф. и спросилъ его:

— Скажите, тов. Ф., знали ли вы, что мой вчерашній разговоръ съ вами былъ только конфиденціальнымъ обмѣномъ мыслей и во всякомъ случаѣ не былъ предназначенъ къ тому, чтобы вы передали его содержаніе товарищу Д.?

Ф: — Нѣтъ, вы мнѣ не заявили опредѣленно, что я объ этомъ долженъ молчать.

Я: — Я не сомнѣваюсь, конечно, въ томъ, что для васъ было вполнѣ ясно, что тотъ вопросъ, который я вамъ поставилъ, былъ совершенно конфиденціаленъ. Я уже потому не сомнѣваюсь въ томъ, что вы прежде состояли присяжнымъ повѣреннымъ и что въ виду этого я могъ разсчитывать на особую дискретность съ вашей стороны. Какъ бы то ни было, если вы уже нашли необходимымъ сообщить тов. Д. о моемъ вопросѣ, то почему же вы ему одновременно не передали вашъ отвѣтъ?

Блѣдный и взволнованный Д. спросилъ:

— А что же онъ обо мнѣ сказалъ?

Я: — Ф. отвѣтилъ мнѣ на мой вопросъ: «что жъ, все можетъ быть. Это, конечно, не исключено». А теперь я васъ оставляю вдвоемъ. Вы можете объясниться другъ съ другомъ.

Этимъ закончился нашъ разговоръ. Послѣ обѣда я встрѣтилъ Ф. одного и сказалъ ему:

— Имѣйте въ виду. Я васъ знаю уже 12 лѣтъ, устроилъ вамъ служебную командировку за границу и во всякомъ случаѣ никогда не сдѣлалъ вамъ ничего худого. Я никакъ не могу понять, почему вы передали Д. мой конфиденціальный разговоръ съ вами. Очевидно только потому, чтобы выслужиться передъ этимъ молодчикомъ. Другой причины я не вижу. Во всякомъ случаѣ, вы злоупотребили моимъ довѣріемъ. Чтобы избѣгнуть дальнѣйшихъ недоразумѣній, прошу васъ отнынѣ сноситься со мной только по дѣловымъ вопросамъ. Забудьте, что мы когда-то были хорошими знакомыми.

Дальнѣйшія мои отношенія съ обоими членами комиссіи протекали въ корректныхъ и холодныхъ формахъ. Я уже никогда болѣе не ставилъ никому изъ нихъ конфиденціальныхъ вопросовъ и въ моихъ отношеніяхъ съ ними не выходилъ болѣе за предѣлы чисто дѣловыхъ вопросовъ. Я избѣгалъ поскольку возможно всякаго частнаго сближенія съ ними.

Комиссія провела нѣсколько мѣсяцевъ въ Голландіи, между тѣмъ какъ я съ ювелиромъ К. отправился во Францію. Послѣ моего возвращенія въ Голландію владѣлецъ голландской фирмы пригласилъ весь составъ комиссіи на обѣдъ. Осуществленіе договора производилось успѣшно, въ дѣловыхъ отношеніяхъ съ голландской фирмой не имѣлось никакихъ треній, и я поэтому принялъ его приглашеніе отъ имени комиссіи. Мы выѣхали въ Вассенаръ, мѣстечко около Амстердама, и тамъ состоялся обѣдъ.

Послѣ обѣда Д. разсказывалъ о совѣтской Россіи, рисовалъ совѣтскія условія въ самыхъ розовыхъ краскахъ, объявилъ Голландію самой реакціонной, самой смѣхотворной провинціей въ мірѣ и сообщилъ нѣсколько эпизодовъ

изъ своей жизни, изъ которыхъ я хочу передать здѣсь лишь одинъ:

— Однажды — это было въ 1920 г. въ Смоленскѣ — во время военнаго коммунизма, когда торговля вообще, а въ особенности торговля жизненными припасами, была строжайше запрещена, въ одинъ прекрасный день арестовали стараго еврея, торговавшаго хлѣбомъ. Въ качествѣ спекулянта, его предали суду и надлежало приговорить его къ разстрѣлу. Я былъ однимъ изъ судей. Случайно и дочь этого еврея оказалась членомъ суда и, представьте себѣ, она отказалась подписывать смертный приговоръ своему отцу. Я, какъ могъ, уговаривалъ ее, но безуспѣшно. Тогда я силой заставилъ ее подписать судебный приговоръ. Конечно, старика разстрѣляли.

Владѣлецъ голландской фирмы спросилъ его совершенно растерянный:

— Помилуйте, что же вы и собственнаго отца разстрѣляли бы за это?

Д. спокойно отвѣтилъ: — Конечно.

Голландецъ: — Скажите пожалуйста, могутъ ли люди торговать сегодня въ Россіи жизненными припасами или хлѣбомъ?

Д: — Да.

Голл.: — Наказываются ли они нынѣ за это?

Д: — Нѣтъ.

Голл.: — Значитъ, вы разстрѣляли человѣка за простую торговлю хлѣбомъ, которая нынѣ въ Россіи является разрѣшенной. Что же, и этимъ вы еще хвалитесь? Ну, знаете, тогда я предпочитаю жить въ этой провинціи, чѣмъ въ вашемъ раю.

Разговоръ послѣ этого разсказа, конечно, больше не

клеился. Молча и въ раздумьи мы вернулись въ Амстердамъ. Я скоро послѣ этого поѣхалъ въ Лондонъ, между тѣмъ какъ всѣмъ другимъ членамъ комиссіи было отказано въ англійской въѣздной визѣ. Въ Лондонѣ я явился къ замѣстителю председателя торговой делегаціи, тов. Ф. Я. Рабиновичу. Я предъявилъ ему мои мандаты и заявилъ, что у меня имѣются различныя заданія, между прочимъ порученіе составить подробную опись хранящихся въ торговой делегаціи въ Лондонѣ драгоцѣнныхъ камней и жемчуга, дабы таковые могли быть послѣ составленія описи возвращены въ Москву, съ цѣлью продажи въ общей массѣ.

Я заявилъ ему, что пріѣхалъ одинъ, такъ какъ оба члена моей комиссіи, а равно ювелиры, не получили англійской визы.

— Но вѣдь одинъ членъ вашей комиссіи уже здѣсь — отвѣтилъ Рабиновичъ.

Я былъ этому чрезвычайно удивленъ и сказалъ ему:

— Поскольку я знаю, моя комиссія имѣетъ только двухъ членовъ, каковые оба остались въ Голландіи. Третьяго члена комиссіи я не знаю, а я то ужъ навѣрное долженъ былъ бы это знать, ибо я предсѣдатель комиссіи.

Торговый представитель нажалъ кнопку и просилъ принести ему соотвѣтствующій мандатъ.

Мандатъ былъ подписанъ Шлейферомъ и гласилъ, что «тов. Браунъ является членомъ комиссіи по реализаціи государственныхъ цѣнностей. Свои инструкціи тов. Браунъ имѣетъ получить отъ члена комиссіи тов. Д.».

Тов. Браунъ уже прибылъ въ Лондонъ и представился мнѣ на другое утро. Я въ немъ узналъ человѣка, съ коимъ уже познакомился въ Гохранѣ въ Москвѣ подъ другимъ

именемъ. Изъ текста этого «совершенно секретнаго» мандата, который несомнѣнно не подлежалъ доведенію до моего свѣдѣнія, было ясно, что тов. Браунъ долженъ былъ получить свои инструкціи не отъ меня — предсѣдателя комиссіи, а отъ тов. Д., являющагося лишь членомъ комиссіи. Теперь, наконецъ, роль, которую игралъ въ моей комиссіи тов. Д., стала совершенно ясна. Секретный мандатъ имѣлъ лишь цѣлью, чтобы тов. Браунъ оказывалъ мнѣ въ Лондонѣ ту же «помощь», какую мнѣ оказывалъ тов. Д. въ Голландіи.

Я просилъ торгпреда послѣ этого назначить особую комиссію, которая согласно моимъ инструкціямъ должна была составить опись находящихся въ торгпредствѣ въ Лондонѣ драгоцѣнныхъ камней и жемчуга.

Эти драгоцѣнности находились въ стальной камерѣ, въ зданіи «Аркоса» въ Лондонѣ, и я рѣшилъ войти въ эту камеру лишь въ присутствіи всей комиссіи. Я одновременно настаивалъ на томъ, чтобы «членъ комиссіи» тов. Браунъ обязательно участвовалъ въ этой работѣ. Въ виду этого была назначена комиссія изъ трехъ членовъ, состоящая изъ тов. Брауна, жены торговаго представителя и сотрудника «Аркоса», бывшаго ювелира X.

Когда мы совмѣстно съ секретаремъ торговаго представительства Гермеромъ, въ количествѣ пяти человѣкъ, вошли въ стальную камеру, то намъ представилась слѣдующая картина. На полкахъ лежали открытыя картонныя коробки, въ которыхъ находились брилліанты, сапфиры, изумруды, завернутые въ вату. Нѣкоторые предметы лежали на полкахъ совершенно открытыми и неупакованными. Я прекрасно понималъ, какія тяжкія послѣдствія могли наступить для участвующихъ, если бы какой либо

камень пропалъ здѣсь при столь невѣроятно халатномъ способѣ храненія этихъ цѣнностей. Я поэтому настаивалъ на строжайшемъ и тщательнѣйшемъ контролѣ всѣхъ имѣвшихся предметовъ.

Послѣ того какъ упомянутая трехчленная комиссія послѣ двухнедѣльной работы составила надлежащую опись и послѣ того какъ я сравнилъ ее съ вѣдомостью, привезенной мною изъ Москвы, я могъ установить съ удовлетвореніемъ, что все въ точности совпадало и что всѣ камни имѣлись въ наличности.

Глава одиннадцатая.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ МОСКВУ. — ГОХРАНЪ. — КЛАССИФИКАЦІЯ СТАРИННАГО СЕРЕБРА. — «СЕРЕБРО ЧЕРНОГОЛОВЫХЪ».

ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ МОСКВУ.

10-го октября 1923 года я получилъ въ Амстердамѣ телеграмму, въ коей мнѣ сообщалось, что народный комиссаръ финансовъ Сокольниковъ проситъ меня вернуться въ Москву въ скорѣйшемъ времени. Я немедленно отправился въ Берлинъ, освѣдомилъ о моей дѣятельности полномочнаго представителя СССР Крестинскаго и торговаго представителя Стомонякова и выѣхалъ 14 октября въ Москву. На этотъ разъ я ѣхалъ одинъ, такъ какъ я въ Москвѣ квартиры не имѣлъ и изъ всего характера моей дѣятельности видѣлъ, что эта дѣятельность будетъ меня удерживать главнымъ образомъ за границей.

Согласно полученнымъ изъ Москвы распоряженіямъ, я пригласилъ въ Лондонѣ на выѣздъ въ Москву на 2-3 мѣсяца двухъ англійскихъ ювелировъ въ качествѣ экспертовъ по драгоцѣннымъ камнямъ и жемчугу. Этимъ экс-

пертамъ было дано порученіе провѣрить цѣны, назначенныя русскими экспертами Гохрана на подлежащій продажѣ товаръ и приблизить ихъ къ тѣмъ цѣнамъ, которыя въ то время существовали на всеміриомъ рынкѣ.

Я одновременно велъ переговоры съ проживающимъ въ Берлинѣ извѣстнымъ историкомъ искусства, д-ромъ Эрнстомъ Конъ-Винеръ,[1] и получилъ его согласіе на то, что онъ отправится въ Москву на болѣе продолжительный срокъ, чтобы принять участіе въ классификаціи находящагося въ Гохранѣ стариннаго серебра. Немедленно послѣ моего пріѣзда въ Москву я получилъ оффиціальное разрѣшеніе на приглашеніе д-ра Конъ-Винера и предложилъ ему немедленно пріѣхать въ Москву, куда онъ и прибылъ 18 ноября.

ГОХРАНЪ. — КЛАССИФИКАЦІЯ СТАРИННАГО СЕРЕБРА.

Въ Гохранѣ началась теперь чрезвычайно напряженная работа. Я избралъ въ Гохранѣ громадный совершенно свѣтлый залъ, который предназначилъ въ качествѣ рабочаго помѣщенія по раскладкѣ классифицируемыхъ предметовъ. Въ этомъ помѣщеніи былъ поставленъ рядъ столовъ и полокъ, а отдѣльныя полки были раздѣлены по странамъ. Ежедневно 10-20 ящиковъ съ серебряными предметами приносились изъ кладовыхъ Гохрана въ это помѣщеніе, тамъ вскрывались и найденные предметы немедленно распредѣлялись по отдѣльнымъ полкамъ. Чаще всего среди безчисленныхъ кофейниковъ, чайниковъ,

---

[1]) Бывшимъ долголѣтнимъ ассистентомъ извѣстнаго спеціалиста по исторіи золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерства, профессора Марка Розенберга въ Карлсруэ.

блюдъ и другой серебряной утвари вдругъ всплывалъ какой-нибудь кубокъ 18-го вѣка, какая-нибудь кружка 17 вѣка, которая клалась на соотвѣтственную полку. Обычная серебряная посуда появлялась въ такихъ количествахъ, что угрожала наводнить собой весь залъ. Пришлось обычную посуду, относящуюся ко времени послѣ 1801 года, просто поставить на полъ подъ полки, причемъ и на полу эта посуда распредѣлялась по роду посуды, какъ кофейники, чайники, корзинки для хлѣба, чашки для фруктовъ и т. д.

Конечно, среди стариннаго серебра появилось прежде всего громадное количество русскаго серебра средняго и низшаго качества: безчисленные украшенные орнаментомъ рококо стаканы, сахарницы, шкатулки, чайники, чарочки и т. д., относящіеся ко второй половинѣ 18-го вѣка, многочисленные стаканы и кубки первой половины 18-го вѣка и очень мало русскаго серебра 17 вѣка.

Затѣмъ обнаружилось очень много нѣмецкаго серебра. Русское дворянство и богатое купечество 17 и 18 вѣка покупали съ особымъ предпочтеніемъ германскіе золоченные серебряные сосуды (кружки, стаканы, кубки, чаши, блюда и т. д.), которые большей частью были хорошаго, а иногда и выдающагося качества. Такія блюда и кубки часто завѣщались православнымъ церквамъ въ качествѣ особенно цѣннаго подарка. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ работы обнаружилось уже столько нѣмецкихъ серебряныхъ предметовъ, что на полкахъ, предназначенныхъ для германского серебра, красовались уже крупныя надписи съ обозначеніемъ отдѣльныхъ городовъ: Нюренбергъ, Аугсбургъ, Лейпцигъ, Данцигъ, Бреслау, Кенигсбергъ и т. д. Было обнаружено также много предметовъ

высокоцѣннаго шведскаго и балтійскаго серебра (Ревель, Рига, Митава).

Но главнымъ образомъ было найдено цѣннѣйшее французское серебро 18-го вѣка и ранняго Ампира, а также высококачественное англійское серебро 18 вѣка.

Русскій дворъ въ теченіе 18-го вѣка, въ особенности же во время Екатерины II (1762-1796), заказывалъ во Франціи и Англіи крупные роскошные, состоящіе изъ сотенъ предметовъ, столовые сервизы съ чудесными столовыми украшеніями («Surtout de table»), а также чайные сервизы, дессертные сервизы, дорожные сервизы и т. д. исключительно тонкой работы.

Эти столовые сервизы были поименованы по крупнѣйшимъ городамъ Россіи: «Московскій сервизъ», «Харьковскій сервизъ», «Екатеринославскій сервизъ», «Нижегородскій сервизъ», «Казанскій сервизъ», «Ярославскій сервизъ», «Тульскій сервизъ», «Пермскій сервизъ», «Митавскій сервизъ», «Рижскій сервизъ». Особенно выдающимся былъ большой «Орловскій сервизъ», который Екатерина II подарила своему фавориту князю Григорію Орлову и который одинъ состоялъ изъ 842 предметовъ французскаго и нѣсколькихъ сотъ предметовъ русскаго издѣлія.

Эти сервизы были изготовлены самыми выдающимися французскими [1]), англійскими [2]), и германскими [3]) ма-

---

[1]) Claude Ballin, F. T. Germain, R. J. Auguste, J. N. Roettiers, Louis Lehendrick и другими мастерами 18-го вѣка, а также M. G. Biennais, I. B. Odiot, F. D. Naudin во время Наполеона I.

[2]) David Tanqueray, William Fleming, John Smith, Samuel Courtauld, John Carter и другіе.

[3]) Christian Drentwett, C. S. Betkober, A. Waremberger и другіе.

стерами, а также проживающими въ Петербургѣ, чаще всего иностранными [1]) мастерами 18-го вѣка. [2])

Кромѣ европейскаго серебра объявилось также и громадное количество малоцѣннаго восточнаго серебра, т. е.: грузинскаго, персидскаго, турецкаго, индійскаго и китайскаго.

Работа по классификаціи производилась подъ моимъ руководствомъ и подъ надзоромъ директора Эрмитажа С. Н. Тройницкаго, а также директора Оружейной Палаты, Д. Д. Иванова, двумя экспертами, а именно д-ромъ Конъ-Винеромъ по германскому и иностранному серебру и Вишневскимъ — по русскому серебру. Нѣсколько разъ въ недѣлю я посѣщалъ этотъ залъ Гохрана и временно, до окончательнаго общаго рѣшенія, откладывалъ тѣ предметы, которые, по моему мнѣнію, представляли интересъ для государственныхъ музеевъ. Это музейное серебро закрывалось въ особый находившійся въ залѣ желѣзный шкафъ. Кромѣ отбора высокоцѣннѣйшихъ объектовъ для крупныхъ музеевъ — для Оружейной Палаты и для Эрмитажа — мы при выборѣ предметовъ руководились также и тѣмъ, чтобы снабжать русскіе провинціальные музеи, имѣвшіе быть учрежденными, соотвѣтственными предметами. Поэтому откладывались и такіе предметы, которые сами по себѣ не представляли интереса для крупнаго музея. Но эти предметы, конечно, были хорошаго качества и были снабжены яснымъ, разборчивымъ клеймомъ, напримѣръ, гор. Астрахани, и слѣдовательно пред-

---

[1]) J. Liebmann, J. F. Koepping, J. N. Lundt, Nicolai Dohm и другіе.

[2]) См. книгу барона A. de Foelkersam «Inventaire de l'Argenterie, conservée dans les garde-meubles des palais impériaux», С.-Петербургъ 1907 г.

ставляли для Астраханскаго музея крупный интересъ. Такимъ путемъ было отложено много предметовъ для Астрахани, Тулы, Вологды, Кіева, Великаго Устюга и т. д.

Классификація, произведенная въ Гохранѣ, привела ко многимъ сюрпризамъ. Однажды была найдена большая греческая серебряная тарелка 3-го вѣка послѣ Рождества Христова, украшенная прекрасными рельефами. Оказалось, что эта тарелка была пріобрѣтена графомъ Строгановымъ въ Италіи въ 1863 году и подарена имъ «Музею для поощренія художествъ» въ Петербургѣ. Изъ этого музея тарелка эта затѣмъ исчезла и была замѣнена не представляющей никакой цѣнности гальванопластической копіей. Настоящая тарелка казалась исчезнувшей навсегда и вотъ потребовалась революція и связанныя съ ней событія, чтобы она опять обнаружилась. Эта античная серебряная тарелка, такъ же какъ и всѣ прочіе выдающіеся музейные предметы, была найдена въ ящикѣ съ простой серебряной посудой. Вообще не оказывалось ящика, который содержалъ бы исключительно цѣнные предметы. Цѣннѣйшіе предметы всегда находились скрытыми среди всякаго не представляющаго цѣнности хлама.

СЕРЕБРО ЧЕРНОГОЛОВЫХЪ.

Однажды я былъ вызванъ по телефону въ Гохранъ и д-ръ Конъ-Винеръ показалъ мнѣ тамъ чудесный серебряный сосудъ, который былъ обнаруженъ въ этотъ день въ какомъ то ящикѣ.

Я внимательно осмотрѣлъ этотъ предметъ и сказалъ ему:

— Что вы думаете объ этомъ предметѣ?

Я думаю, что этотъ предметъ относится къ «сокровищу Черноголовыхъ».

«Компанія Черноголовыхъ» въ Ригѣ, представляющая собой союзъ холостыхъ купцовъ, существующій съ 1232 года, во время своего расцвѣта успѣла собрать коллекцію серебра очень высокой художественной цѣнности. До начала войны она помѣщалась въ стальной камерѣ «дома Черноголовыхъ» въ Ригѣ, построеннаго около 1334 года, и была доступна публикѣ. Во время войны, въ іюлѣ 1915 года, когда производилась, по приказу русскаго главнаго командованія, насильственная эвакуація всѣхъ фабрикъ и машинъ изъ Риги во внутрь Россіи, и Компанія Черноголовыхъ получила распоряженіе увезти изъ Риги свою коллекцію серебра (предметы искусства, декоративные сосуды, столовое серебро и т.д.). Означенная коллекція серебра была привезена въ Петербургъ, въ Частный Коммерческій Банкъ, и послѣ октябрьской революціи и конфискаціи банковыхъ сейфовъ считалась погибшею. Когда Латвія въ 1920 г. заключила миръ съ совѣтской Россіей, то серебряная сокровищница Черноголовыхъ оказалась безслѣдно исчезнувшей. Въ Рижскій мирный договоръ 11 августа 1920 года былъ включенъ пунктъ (а именно § 11 договора), согласно которому совѣтское правительство обязывалось, въ случаѣ, если бы въ его владѣніи оказались библіотеки, архивы, предметы искусства и т. д., которые были вывезены изъ Латвіи во время Великой войны 1914-1917 года, возвращать таковые правительству Латвіи послѣ ихъ обнаруженія.

Мы немедленно достали соотвѣтственную литературу и установили, что найденный предметъ дѣйствительно относится къ серебру Черноголовыхъ. Въ виду этого при

осмотрѣ дальнѣйшихъ ящиковъ было обращено сугубое вниманіе на то, не обнаружатся ли новые предметы. Я распорядился закрывать серебро Черноголовыхъ, постепенно появлявшееся на свѣтъ, также въ особый шкафъ. Когда собралось уже нѣсколько такихъ предметовъ, то я лично доложилъ народному комиссару финансовъ Сокольникову, что сокровищница Черноголовыхъ частично найдена и что имѣются основанія думать, что пожалуй въ Гохранѣ окажется и вся коллекція серебра. Я обратилъ вниманіе комиссара на международно-правовое значеніе нашей находки и на соотвѣтственный пунктъ въ Рижскомъ договорѣ.

Сокольниковъ меня спросилъ:

— Убѣждены ли вы, что мы дѣйствительно все найдемъ?

Я: — Нѣтъ. Этого я утверждать не могу. Эти вещи вѣдь не найдены въ одномъ ящикѣ, а онѣ мало по малу выплываютъ изъ отдѣльныхъ ящиковъ. Проходитъ нѣсколько дней или нѣсколько недѣль, и опять находится какой-либо объектъ. Такъ, напримѣръ, сначала найденъ былъ громадный кубокъ и лишь нѣсколько недѣль позже крышка къ нему. Въ виду этого вполнѣ возможно, что нѣкоторые изъ объектовъ серебра Черноголовыхъ окажутся погибшими навсегда. Вотъ, напримѣръ, до сихъ поръ мы не нашли ни одной изъ знаменитыхъ фигуръ Черноголовыхъ.

Сокольниковъ: — Ну, если у насъ изъ за этихъ вещей еще могутъ быть непріятности, тогда самое лучшее — просто переплавьте всѣ эти вещи.

Я: — Это совершенно исключено. Это было бы прямымъ вандализмомъ. Вы не должны забывать, что се-

ребро Черноголовыхъ содержитъ дѣйствительно исключительно выдающіеся предметы, извѣстные въ литературѣ и неоднократно описанные.

Сокольниковъ: — Ну хорошо. Тогда я вамъ даю картъ бланшъ. Дѣлайте съ нимъ то, что вы находите правильнымъ.

Я: — Прекрасно. Тогда я соберу отдѣльные предметы серебра Черноголовыхъ въ особый шкафъ и позволю себѣ предложить вамъ мысль, чтобы, послѣ того какъ классификація въ Гохранѣ будетъ закончена, совѣтское правительство сдѣлало бы красивый жестъ и возвратило бы эти предметы Латвіи. Я вполнѣ убѣжденъ, что политическая польза этого жеста будетъ гораздо крупнѣе, чѣмъ та незначительная матеріальная стоимость, которую имѣетъ все серебро Черноголовыхъ съ точки зрѣнія русскаго бюджета.

Сокольниковъ: — Ну, это уже другой вопросъ. Вы пока велите собирать и откладывать это серебро. А мы уже посмотримъ, что намъ съ этимъ серебромъ сдѣлать.

Серебро Черноголовыхъ было вручено 28 ноября 1925 года, согласно подписанному въ Ригѣ мирному договору, народнымъ комиссаріатомъ иностранныхъ дѣлъ латвійскому посланнику въ Москвѣ К. В. Озолю, и помѣщается теперь вновь на старомъ своемъ мѣстѣ, въ стальной камерѣ дома Черноголовыхъ въ Ригѣ.

Всего возвращено было совѣтской Россіей 21 серебряный предметъ. Между ними прекрасная крупная фигура Святого Георгія (изготовленная въ Любекѣ въ 1507 году), фигура всадника шведскаго короля Густава Адольфа (Аугсбургъ, 1684), фигура Святого Маврикія на морскомъ конѣ (Аугсбургъ, середина 17-го вѣка), большое

блюдо «Паденіе фаэтона» (Аугсбургъ, 1661 года), три большихъ декоративныхъ сосуда, а именно «Рижское привѣтствіе» («Rigaer Willkomm»), (Рига, 1616), «Любекское привѣтствіе» («Lübische Willkomm») (Любекъ 1661 г.), поднесенное Компаніи Черноголовыхъ любекскими судовладѣльцами, «Кубокъ дружбы» («Amicitia-Pokal») (Рига, 1654 г.), семь кружекъ, одинъ кувшинъ и шесть блюдъ.

Возвращенные предметы въ большинствѣ своемъ представляютъ собой совершенно исключительныя издѣлія серебрянаго мастерства 16 и 17 вѣка. Компанія Черноголовыхъ получила обратно всѣ художественно-цѣнные предметы своей сокровищницы. Потеряно лишь столовое серебро, снабженное монограммой Черноголовыхъ, правда весьма многочисленное и представляющее большую стоимость.

При классификаціи Гохрана появились на свѣтъ и драгоцѣнные церковные сосуды, хотя конфискованное церковное серебро сохранялось не въ Гохранѣ, а, какъ указано уже выше, въ особо предназначенномъ для сего зданіи. Обнаруженные церковные сосуды и церковная утварь, поскольку они оказались въ неповрежденномъ состояніи, тоже были отложены мной въ особый шкафъ.

Однажды, при осмотрѣ обнаруженнаго въ теченіе послѣднихъ дней серебра, я нашелъ два серебряныхъ сосуда, которые являлись моей личной собственностью, а именно: высокій золоченный русскій стаканъ 1735 года и большая серебряная кружка Данцигскаго издѣлія, относящаяся ко времени около 1680 года. Я имѣлъ въ свое время довольно значительную коллекцію стариннаго серебра, среди коей находилось также нѣсколько предме-

товъ, имѣвшихъ музейный интересъ. Моя коллекція была конфискована во время моего отсутствія изъ Петербурга и, также какъ и все прочее серебро, нашло свой путь въ Гохранъ. Отъ означенныхъ двухъ предметовъ у меня имѣются фотографическіе снимки, такъ что исключено всякое сомнѣніе въ ихъ тождественности. Я правда въ первый моментъ былъ пораженъ этой находкой, но долженъ сознаться, что не ощущалъ никакого чувства горечи. Въ огромномъ морѣ конфискованнаго серебра я потерялъ всякое чувство личной собственности. Я, конечно, волненія моего не показалъ, но обратилъ вниманіе д-ра Конъ-Винера на эту находку.

Чѣмъ больше разобранное серебро нагромождалось на полкахъ, чѣмъ болѣе собиралось на столахъ особенно выдающихся драгоцѣнныхъ предметовъ, чѣмъ болѣе наполнялись музейнымъ серебромъ находящіеся въ рабочемъ залѣ шкафы, тѣмъ болѣе захватывающимъ было впечатлѣніе отъ того громаднаго богатства серебряныхъ издѣлій, которое было накоплено Россіей за послѣдніе вѣка. Каждый день приносилъ съ собой новую находку, новое волненіе, новые сюрпризы. Даже находившіеся въ рабочемъ залѣ трое низшихъ служащихъ — коммунисты, которые занимались раскладкой вещей, ожидали съ нетерпѣніемъ каждое утро результаты «раскопокъ» сегодняшняго дня. Когда я входилъ въ рабочій залъ, то часто уже они первые встрѣчали меня съ возгласомъ: «Къ сожалѣнію, ничего не найдено» или «Сегодня мы нашли совсѣмъ замѣчательныя вещи». Неоднократно я устраивалъ въ рабочемъ залѣ совѣщаніе всѣхъ участвующихъ въ работѣ лицъ, и при этомъ въ присутствіи директора Эрмитажа Тройницкаго и директора Оружейной Палаты

Иванова окончательно выдѣлялись предназначенные для музеевъ предметы.

Интересно отмѣтить, что мы при разборкѣ нашли очень мало фальшивыхъ вещей. Я распорядился о томъ, чтобы въ залъ было поставлено два ящика — одинъ для несомнѣнно фальшивыхъ вещей, а другой для сомнительныхъ объектовъ. Несомнѣнно фальшивыхъ вещей мы нашли сравнительно очень мало, причемъ эти вещи были главнымъ образомъ германскаго издѣлія или частично русской работы. Въ Германіи уже издавна и еще понынѣ изготовляются копіи серебряныхъ сосудовъ времени Возрожденія, а также 17 и 18 вѣковъ. Цѣна настоящихъ предметовъ, въ особенности относящихся къ 16 и 17 вѣку, настолько высока, что они совершенно недоступны для средняго покупателя. Поддѣланные предметы такимъ путемъ попадали и въ Россію. Изъ русскаго серебра поддѣлывались лишь чрезвычайно дорогіе предметы 17-го вѣка, въ особенности такъ называемыя «братины» и ковши.

Сомнительныхъ объектовъ тоже было сравнительно немного. Мы считали сомнительными объектами такіе, подлинность коихъ вызывала хотя бы малѣйшее сомнѣніе и кои поэтому могли въ концѣ концовъ оказаться искусными поддѣлками. Я помню, что мы долго спорили о большомъ декоративномъ сосудѣ начала 17 вѣка, представлявшемъ слона и воина въ доспѣхахъ. Мнѣнія наши расходились. Сосудъ былъ такъ хорошъ, что мы всѣ охотно объявили бы его настоящимъ. Но мы все таки не могли на это рѣшиться и въ концѣ концовъ отнесли его къ сомнительнымъ объектамъ.

Д-ръ Конъ-Винеръ взялъ на себя классификацію

иностраннаго серебра. Къ каждому серебряному предмету, послѣ осмотра таковаго, прикрѣпленъ былъ ярлычекъ, съ краткимъ описаніемъ предмета и обозначеніемъ мѣста происхожденія и времени.

Если только возможно было это установить, то на основаніи капитальнаго труда Марка Розенберга: «Клейма золотыхъ дѣлъ мастеровъ» («Der Goldschmiede Merkzeichen») былъ обозначаемъ на каждомъ предметѣ городъ, имя мастера и годъ даннаго издѣлія. При этомъ были достигнуты и научные результаты, такъ какъ были найдены клейма городовъ и мастеровъ, которые до тѣхъ поръ не были обозначены въ книгѣ Розенберга.

Работа по классификаціи стариннаго серебра продолжалась много мѣсяцевъ. Много сотенъ предметовъ попало въ музеи, а цѣлыя тысячи предметовъ, которые не представляли больше интереса для современной Россіи, были предназначены для продажи за границу. Большіе русскіе музеи, а именно и Оружейная Палата въ Москвѣ, и Эрмитажъ въ Петербургѣ, настолько богаты первоклассными серебромъ, что для нихъ представляютъ интересъ лишь совершенно исключительные объекты самаго высокаго качества, а также своеобразные или историческіе предметы. Послѣ того, какъ былъ отложенъ цѣлый рядъ предметовъ для русскихъ провинціальныхъ музеевъ, все же остальная масса не-русскаго европейскаго серебра еще стояла на такомъ высокомъ уровнѣ, что при продажѣ предметовъ на европейскомъ рынкѣ цѣлый рядъ таковыхъ несомнѣнно представлялъ интересъ для европейскихъ музеевъ.

Благодаря произведенной въ Гохранѣ классификаціи стариннаго серебра не только множество предметовъ попало въ русскіе музеи, но всего было сохранено отъ переплавки около 11.000 предметовъ. Обычное русское столовое серебро, и въ большинствѣ своемъ малоцѣнное восточное серебро было продаваемо частнымъ лицамъ цѣлыми партіями, а остатокъ, не представлявшій цѣнности и не нашедшій покупателей, былъ переплавленъ. Я могу утверждать съ увѣренностью, что изъ серебра, накопленнаго въ Гохранѣ, несомнѣнно не былъ переплавленъ ни одинъ хоть сколько нибудь цѣнный предметъ.

Если припомнить, какъ мало цѣннѣйшаго англійскаго серебра 16 и 17 вѣка сохранилось по сегодняшній день вслѣдствіе гражданскихъ войнъ и военныхъ событій, если припомнить, что во время французской революціи и наполеоновскихъ войнъ переплавлено было громадное количество прекраснѣйшаго французскаго серебра 18 вѣка, а равно, что и выдающіяся издѣлія германскаго серебра погибли отъ плавки во время освободительныхъ войнъ, то съ культурно-исторической точки зрѣнія нужно считать счастьемъ, что во время русской революціи изъ прекраснаго стариннаго серебра не погибло ничего или почти ничего.

Напротивъ, безпардонная конфискація серебра и предметовъ искусства, которая была произведена совѣтскимъ правительствомъ у церкви, у дворянства, у помѣщиковъ и у богатой буржуазіи, какъ одно изъ средствъ къ уничтоженію власти господствующихъ классовъ, имѣла — несмотря на свою жестокость и на грубость, съ которой она производилась — по крайней

мѣрѣ то послѣдствіе, что серебро и предметы искусства, которые до этого почти или вовсе не были доступны искусству, наукѣ или общественности, отнынѣ обогатили русскіе музеи въ размѣрѣ, о которомъ никто и не мечталъ. Конечно, для тѣхъ, кто отъ этого пострадалъ, это обстоятельство является весьма малымъ утѣшеніемъ.

Глава двѣнадцатая.

РЕОРГАНИЗАЦІЯ ВАЛЮТНАГО УПРАВЛЕНІЯ. — ПРЕДСТОЯЩАЯ КОМАНДИРОВКА ЗА ГРАНИЦУ. — ОТКАЗЪ ВЪ РАЗРѢШЕНІИ НА ВЫѢЗДЪ. — ПЕРЕГОВОРЫ СЪ ГПУ. — БОРЬБА ЗА ВЫѢЗДЪ. — РАЗРѢШЕНІЕ НА ВЫѢЗДЪ. — СМЕРТЬ ЛЕНИНА. — ОТЪѢЗДЪ ВЪ БЕРЛИНЪ. — НАЗНАЧЕНІЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕМЪ ВАЛЮТНАГО УПРАВЛЕНІЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Послѣ моего прибытія въ Москву, 18 октября 1923 года, я нашелъ въ валютномъ управленіи совершенно измѣнившуюся картину.

Шлейферъ оставилъ валютное управленіе и былъ назначенъ начальникомъ другого управленія народнаго комиссаріата финансовъ. Начальникъ Гохрана Никифоровъ тоже былъ перемѣщенъ.

Политическимъ руководителемъ валютнаго управленія былъ назначенъ Н. Г. Тумановъ, [1]) замѣстителемъ начальника Р. Я. Карклинъ — оба члены коммунистической партіи. Проф. Юровскій былъ назначенъ начальникомъ валютнаго управленія.

---

[1]) Нынѣ торгпредъ въ Парижѣ.

Въ валютномъ управленіи во время моего отсутствія была произведена реорганизація. Нѣкоторые отдѣлы были вновь учреждены, а нѣкоторые были слиты другъ съ другомъ и измѣнены. Между прочимъ, былъ учрежденъ особый отдѣлъ подъ названіемъ Отдѣлъ Валютнаго Фонда, который охватывалъ очень серьезныя функціи и управленіе коимъ было поручено члену партіи тов. Фед.

Немедленно послѣ моего появленія на службѣ пришелъ ко мнѣ Фед., чтобы доложить мнѣ о текущихъ дѣлахъ. Я изъ его устнаго доклада ничего не понялъ и сразу увидѣлъ, что имѣю передъ собой человѣка, который съ дѣловой точки зрѣнія понятія не имѣлъ о порученныхъ ему сложныхъ функціяхъ. Я потребовалъ отъ него письменный матеріалъ и въ нѣсколько минутъ увидѣлъ, въ чемъ дѣло. Я заявилъ ему послѣ этого, что я считаю необходимымъ, чтобы онъ — до того времени пока пріобрѣтетъ нужный опытъ по дѣламъ своего отдѣла — докладывалъ бы мнѣ въ присутствіи двоихъ своихъ подчиненныхъ, съ которыми я уже прежде работалъ нѣсколько мѣсяцевъ и которые были въ курсѣ дѣла. Фед. отклонилъ мое предложеніе и сослался на то, что отъ этого пострадаетъ его престижъ. Чтобы пойти ему навстрѣчу, я заявилъ ему, что согласенъ на то, чтобы онъ лично дѣлалъ мнѣ докладъ, между тѣмъ какъ означенные двое подчиненныхъ будутъ присутствовать при докладѣ молча. Этимъ путемъ я имѣлъ-бы возможность, если возникнутъ какіе либо вопросы, поставить таковые немедленно его двоимъ помощникамъ, безъ малѣйшей потери времени. Но этотъ упрямецъ и съ этимъ не соглашался и пожаловался на меня политическому руководителю валютнаго управленія, Н. Г. Туманову.

Тумановъ меня призвалъ и я ему объяснилъ полную невозможность совмѣстной дѣловой работы съ Фед., покуда Фед. не вошелъ въ курсъ совершенно новой для него области. Тумановъ это, конечно, понималъ и старался убѣдить Фед. въ правильности моего предложенія. Но Фед. остался при своемъ отказѣ и оставилъ меня съ Тумановымъ наединѣ. Тумановъ мнѣ тогда сказалъ:

— Знаете ли, Фед. старый и испытанный партійный товарищъ и уважаемый человѣкъ въ партіи. Смысла нѣтъ, чтобы вы съ нимъ начали конфликтъ по этому вопросу. Вѣдь вы же видите, что онъ не поддается убѣжденіямъ. Да вы несомнѣнно и такъ, какъ онъ этого хочетъ, справитесь съ вашей работой.

Конечно, мнѣ ничего другого не оставалось, какъ принимать ежедневные «доклады» Фед. и затѣмъ уже объясняться съ его двумя помощниками.

Въ концѣ ноября 1923 года прибыли въ Москву представители крупной французской фирмы, которые должны были вести переговоры съ валютнымъ управленіемъ по поводу покупки значительной партіи платины. Переговоры были довольно сложными и продолжались нѣсколько дней. Засимъ окончательный проектъ договора былъ одобренъ народнымъ комиссаромъ финансовъ Сокольниковымъ, и самый договоръ подписанъ.

Мнѣ было поручено народнымъ комиссаромъ финансовъ провести всю эту сдѣлку во Франціи и съ этой цѣлью мнѣ былъ выданъ соотвѣтственный мандатъ. Я обратился 6-го декабря съ приложеніемъ этого мандата въ соотвѣтствующій отдѣлъ комиссаріата внутреннихъ дѣлъ, который даетъ разрѣшеніе на выѣздъ, вручилъ тамъ мой иностранный паспортъ и просилъ о выдачѣ выѣздной ви-

зы. Черезъ пять дней я имѣлъ получить паспортъ съ визой. 11 декабря я послалъ моего секретаря въ соотвѣтственный отдѣлъ, чтобы взять мой паспортъ. Вмѣсто паспорта я получилъ отвѣтъ, что мнѣ отказано въ разрѣшеніи на выѣздъ. Я какъ разъ велъ переговоры съ французами о техническихъ подробностяхъ имѣющаго быть исполненнымъ договора, когда мой секретарь принесъ мнѣ эту вѣсть. Я былъ чрезвычайно пораженъ этому совершенно неожиданному отвѣту и немедленно привелъ въ движеніе всѣ рычаги, чтобы установить причину отказа, но ничего въ этомъ отношеніи добиться не могъ. Мой коллега Карклинъ телефонировалъ неоднократно изъ нашего общаго кабинета и въ моемъ присутствіи въ ГПУ и всегда успокаивающе мнѣ заявлялъ, что дѣло въ порядкѣ, что мой выѣздъ задерживается лишь техническими формальностями и т. д. Сначала я вѣрилъ этимъ заявленіямъ и ожидалъ каждый день визу.

Однажды Карклинъ опять телефонировалъ въ моемъ присутствіи въ ГПУ и просилъ завѣдующаго соотвѣтственнымъ отдѣломъ, Покровскаго, ускорить выдачу визы, такъ какъ мой отъѣздъ необходимъ для скорѣйшаго проведенія подписаннаго валютнымъ управленіемъ договора. Я, конечно, могъ слушать лишь вопросы Карклина, а не полученные отвѣты. Я вышелъ на минуту въ переднюю, чтобы тамъ по срочному дѣлу поговорить по телефону. Какъ только я поднесъ къ уху телефонную трубку, я услышалъ разговоръ и понялъ черезъ нѣсколько секундъ, къ моему величайшему удивленію, что я включенъ въ разговоръ между Карклинымъ и ГПУ. Я рѣшилъ, наконецъ, выяснить, въ чемъ дѣло и сталъ слушать. Я услышалъ, какъ Покровскій сказалъ:

— Да мы и не подумаемъ выпустить его за границу. Пускай подышетъ нашей атмосферой.

На вопросъ Карклина, имѣется ли противъ меня что-нибудь серьезное, Покровскій отвѣтилъ:

— Да, если бы противъ него имѣлось что нибудь серьезное, такъ повѣрьте, онъ навѣрное не сидѣлъ бы больше ни въ своемъ кабинетѣ, ни въ своемъ креслѣ. По этому поводу можете быть совершенно спокойны. Прямой вины за нимъ нѣтъ. Но пускай онъ сидитъ здѣсь. Вѣдь вы же можете найти другого, который проведетъ это дѣло

Теперь я по крайней мѣрѣ зналъ, въ чемъ дѣло.

Между тѣмъ наступилъ конецъ декабря. Моя жена въ Берлинѣ серьезно заболѣла и мое настроеніе стало въ виду этого чрезвычайно подавленнымъ. Я увидѣлъ свою полную безпомощность въ борьбѣ за выѣздъ и убѣдился въ томъ, что предоставленъ на добрую волю ГПУ. Такъ какъ я не зналъ причинъ отклоненія выѣздной визы, то дѣлалъ самыя различныя предположенія. Я въ концѣ концовъ рѣшилъ, что настоящей причиной отказа въ выѣздѣ является то обстоятельство, что я не былъ совѣтскимъ гражданиномъ, а иностранцемъ [1]) и что это качество несовмѣстимо съ занимаемой мною высокой должностью на государственной службѣ въ совѣтской республикѣ.

Конечно, было необыкновеннымъ случаемъ, чтобы иностранецъ занималъ на государственной службѣ должность, которая охватывала бы такое громадное и разнообразное поле дѣятельности и была бы связана съ таки-

---

[1]) Я уроженецъ Курляндской губерніи и въ іюнѣ 1920 г. принялъ, по мѣсту рожденія, латвійское гражданство.

ми отвѣтственными функціями. Я поэтому могъ допустить, что ГПУ, въ качествѣ политической полиціи, возражало по принципіальнымъ соображеніямъ противъ моего отъѣзда за границу въ качествѣ носителя важныхъ полномочій и государственныхъ порученій. Я прекрасно зналъ, что я ни въ чемъ не виновенъ, и поэтому ухватился за мысль, что мое состояніе въ иностранномъ гражданствѣ неугодно ГПУ. Одно обстоятельство, правда, меня заставило призадуматься. А именно то, что ни одна совѣтская инстанція — ни прямое мое начальство, ни какое либо другое учрежденіе — отъ меня не потребовала отказаться отъ моего иностраннаго гражданства и пріобрѣсти гражданство совѣтское. Поэтому я былъ вынужденъ допустить возможность того, что за отказомъ въ выѣздной визѣ скрываются еще другіе мотивы. Въ этомъ положеніи я обратился къ народному комиссару финансовъ Сокольникову, который мнѣ заявилъ, что въ данный моментъ какъ разъ происходитъ большая «партійная дискуссія» и что поэтому онъ заваленъ работой. Конечно, какъ членъ «Политбюро» [1]), онъ могъ бы взять на себя личное ручательство за меня, но партійными товарищами ему было указано на то, что такая чрезвычайная мѣра нынѣ, въ моментъ партійной дискуссіи, была бы неумѣстной. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ мнѣ успокоиться, пройдетъ можетъ быть еще нѣсколько недѣлъ, и я навѣрное получу разрѣшеніе на выѣздъ.

Я телефонировалъ въ Кремль полномочному представителю СССР Крестинскому, пріѣхавшему изъ Берли-

---

[1]) «Политбюро» — «Политическое Бюро», наивысшая и рѣшающая инстанція по партійнымъ и политическимъ дѣламъ.

на на партійную конференцію, и объяснилъ ему положеніе дѣла. Онъ отвѣтилъ мнѣ сухо, что онъ въ это дѣло вмѣшаться не можетъ, что моимъ начальникомъ является народный комиссаръ финансовъ Сокольниковъ, а Сокольниковъ уже несомнѣнно позаботится о томъ, чтобы тотъ человѣкъ, который пользуется его довѣріемъ и по его порученію имѣетъ исполнить за границей важное заданіе, дѣйствительно смогъ уѣхать за границу.

Я не могъ болѣе переносить то ощущеніе, что являюсь игрушкой въ рукахъ незримой, вездѣсущей и всесильной тайной полиціи. Во мнѣ возмущалось противъ этого элементарное сознание свободы, присущее всякому нормальному человѣку.

Я въ виду этого отправился къ Туманову, доложилъ ему о моихъ сомнѣніяхъ по поводу моего положенія въ качествѣ иностранца и предложилъ ему, что я добровольно откажусь отъ должности замѣстителя начальника валютнаго управления для того, чтобы убрать съ пути самое главное по моему мнѣнію препятствіе. Тумановъ былъ весьма предупредителенъ и участливъ и не имѣлъ никакихъ возраженій противъ моего предложенія.

Въ виду этого я обратился 28 декабря 1923 года къ Н. Г. Туманову, въ качествѣ члена коллегии народного комиссариата финансовъ, со слѣдующимъ прошеніемъ:

«Вслѣдствіе принципіальныхъ соображеній, препятствующихъ моей командировкѣ за границу, въ качествѣ замѣстителя начальника валютнаго управленія, и въ виду срочности и важности возложенныхъ на меня народнымъ комиссаромъ финансовъ порученій, я въ интересахъ дѣла прошу освободить меня съ 1-го января 1924 года отъ обязанностей замѣстителя начальника валютнаго

управленія съ назначеніемъ меня на должность консультанта при валютномъ управленіи.

Въ качествѣ консультанта я изъявляю готовность исполнить всѣ заграничныя порученія валютнаго управленія и принять на себя обязанности представителя валютнаго управленія за границей».

Народный комиссаріатъ финансовъ имѣлъ на своей службѣ иностранца, чехо-словака, въ качествѣ спеціалиста по драгоцѣннымъ камнямъ. Народный комиссаріатъ внѣшней торговли вызвалъ англичанина въ качествѣ эксперта-совѣтника въ Москву, въ иностранныхъ торговыхъ представительствахъ СССР работалъ цѣлый рядъ спеціалистовъ и служащихъ съ иностраннымъ подданствомъ, ничто слѣдовательно не препятствовало назначенію иностранца въ качествѣ консультанта при валютномъ управленіи.

Я полагалъ, что вслѣдствіе этого добровольнаго отказа — который, конечно, немедленно былъ сообщенъ въ ГПУ — я фактически устранилъ основное препятствіе къ моему выѣзду. Но я ошибся. Выѣздная виза мнѣ и послѣ этого не была дана. Я понялъ, что, слѣдовательно, противъ меня имѣется доносъ и рѣшилъ взять быка за рога.

Я просилъ Туманова сообщить мнѣ откровенно, какія противъ меня имѣются обвиненія. Я желаю энергично взяться за мою защиту, такъ какъ не чувствую за собой никакой вины. Тумановъ медленно отвѣтилъ, что противъ меня не имѣется формальныхъ обвиненій, вызывающихъ необходимость оффиціальнаго обо мнѣ слѣдствія. Центральная Контрольная Комиссія (ЦКК) — которая имѣетъ задачей надзоръ за служебной дѣятельностью государственныхъ служащихъ — дѣйствительно можетъ об-

суждать извѣстные данныя и факты, относящіеся къ моей личности, и вынести по этому поводу свое рѣшеніе. Болѣе точныхъ свѣдѣній онъ, къ сожалѣнію, мнѣ сообщить не можетъ, ЦКК въ скоромъ времени займется этимъ вопросомъ и въ связи съ этимъ будетъ разрѣшенъ вопросъ о моей поѣздкѣ за границу.

Я на это предложилъ Туманову, что я готовъ добровольно отвѣтить на всѣ вопросы, которые онъ захотѣлъ бы поставить мнѣ относительно моего прошлаго и моей прошлой и нынѣшней дѣятельности, причемъ я готовъ дать прямые, исчерпывающіе и правдивые отвѣты. Послѣ этого Тумановъ поставилъ мнѣ слѣдующіе вопросы:

Во-первыхъ, являюсь ли я собственникомъ дома или другой недвижимости въ Берлинѣ или гдѣ бы то ни было за границей.

Во-вторыхъ, являюсь ли я собственникомъ или совладѣльцемъ какого-либо находящагося въ Германіи банкирскаго дома или другого находящагося за границей кредитнаго, промышленнаго или торговаго предпріятія.

Въ-третьихъ, владѣю ли я акціями или паями подобныхъ предпріятій въ какой бы то ни было странѣ.

Въ-четвертыхъ, занимаю ли я, кромѣ моей должности въ валютномъ управленіи, какую либо должность въ качествѣ члена правленія, члена наблюдательнаго совѣта или ревизіонной комиссіи германскаго или другого иностраннаго кредитнаго, промышленнаго или торговаго предпріятія.

Я на всѣ эти вопросы отвѣтилъ правдиво категорическимъ «нѣтъ».

Тумановъ посовѣтовалъ мнѣ также зайти къ началь-

нику административнаго отдѣла народнаго комиссаріата финансовъ (т. е. начальнику личнаго состава) тов. Горбунову, объясниться съ нимъ и отвѣтить на его вопросы. 14-го января 1924 года, я посѣтилъ Горбунова, который съ самаго начала принялъ меня сурово и обошелся со мной немедленно какъ съ обвиняемымъ. Я не далъ себя запугать этимъ и заявилъ ему въ твердомъ тонѣ то же самое, что я сказалъ Туманову. Горбуновъ подтвердилъ мнѣ, что все дѣло нынѣ находится въ ЦКК, которая постановитъ о дальнѣйшемъ оставленіи меня на государственной службѣ, а слѣдовательно и о моей возможной поѣздкѣ за границу.

Пріемъ у Горбунова былъ обезкураживающій, дѣло несомнѣнно обострялось, настоящей опоры у меня не хватало, и личныхъ друзей, которые могли бы мнѣ помочь въ моемъ положеніи, я не имѣлъ.

Хотя въ дѣйствительности, кромѣ безпочвенныхъ доносовъ, ничего не имѣлось и имѣться не могло, но я уже изъ характера поставленныхъ мнѣ Тумановымъ вопросовъ усмотрѣлъ, въ чемъ меня по всему вѣроятію обвиняютъ. Я долженъ былъ при данныхъ обстоятельствахъ считаться съ тѣмъ, что могутъ пройти пожалуй мѣсяцы, прежде чѣмъ мнѣ удастся обѣлить себя передъ ЦКК и получить отъ нея отпущеніе грѣховъ.

Мысль о томъ, что я несмотря на самое добросовѣстное исполненіе служебнаго долга, несмотря на знаніе дѣла и живѣйшій интересъ къ порученнымъ мнѣ функціямъ, буду вынужденъ ждать можетъ быть мѣсяцами рѣшенія ЦКК, возмущала меня до крайности.

Въ томъ нервномъ и раздраженномъ настроеніи, въ которомъ я находился, я воспринималъ образъ дѣйствій

ЦКК какъ насиліе, а мою полную безпомощность по отношенію къ существующимъ обстоятельствамъ, какъ глубокое личное униженіе. Дошло до того, что 14 января вечеромъ, когда я, послѣ разговора съ Горбуновымъ, возвратился въ мою гостинницу, я впалъ въ конвульсивныя рыданія. Меня трясла безсильная злоба и я только съ большими усиліями сдержалъ свои нервы.

Мысль о томъ, чтобы я могъ обратиться за помощью къ латвійскому посланнику, я долженъ былъ отвергнуть. Мое высокое служебное положеніе запрещало мнѣ принципіально пойти по этому пути, но и кромѣ того вмѣшательство посланника не только не помогло бы мнѣ, но лишь осложнило бы и ухудшило мое положеніе.

Я поэтому рѣшилъ пойти на самыя крайнія мѣры и обратиться къ начальнику ГПУ, Р. В. Менжинскому. Я говорилъ объ этомъ на слѣдующее утро съ Тумановымъ, который охотно согласился немедленно поговорить съ Менжинскимъ. Онъ телефонировалъ Менжинскому въ моемъ присутствіи и сказалъ ему:

- Тов. Менжинскій, вѣдь вы же знаете Л. ужъ давно. Вашъ аппаратъ его совершенно раздавилъ. Онъ абсолютно не въ состояніи больше работать. Онъ до сихъ поръ не получилъ разрѣшенія на выѣздъ за границу. Я прошу васъ лично поинтересоваться этимъ дѣломъ и посмотрѣть, нельзя ли что либо сдѣлать по этому вопросу.

Телефонный отвѣтъ Менжинскаго я, конечно, не услышалъ, но Тумановъ мнѣ сказалъ, что Менжинскій ему отвѣтилъ, что онъ посмотритъ, что онъ можетъ сдѣлать. Прошло еще нѣсколько дней и 18 января послѣ обѣда Тумановъ меня призвалъ и показалъ мнѣ отношеніе, полученное народнымъ комиссаромъ финансовъ Сокольни-

ковымъ отъ ГПУ и датированное 16 января, коимъ ГПУ сообщало Сокольникову о томъ, что оно разрѣшаетъ мнѣ выѣздъ за границу на 10 дней для свиданія съ больной женой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, мнѣ при выѣздѣ не должны быть выдаваемы никакія порученія служебнаго характера.

На слѣдующее утро я лично заѣхалъ въ соотвѣтственное учрежденіе и нашелъ мой паспортъ уже снабженный выѣздной визой. Виза была датирована 16 января. Я въ тотъ же день успѣлъ получить латвійскую и литовскую транзитныя визы, привелъ въ порядокъ всѣ служебныя дѣла, имѣлъ 20 января утромъ — несмотря на то, что этотъ день былъ воскресеніемъ — еще послѣднее двухчасовое совѣщаніе въ Гохранѣ, получилъ въ понедѣльникъ утромъ, 21 няваря, германскую визу на въѣздъ и такимъ образомъ былъ совершенно готовъ къ отъѣзду изъ Москвы. Я явился въ понедѣльникъ утромъ къ Туманову, сообщилъ ему, что я готовъ къ отъѣзду и что я желаю уѣхать въ тотъ же вечеръ. Тумановъ сказалъ мнѣ, что народный комиссаръ Сокольниковъ ему только что телефонировалъ и сообщилъ ему, что онъ желаетъ меня видѣть лично до моего отъѣзда. Я просилъ по телефону о немедленномъ свиданіи, но Сокольникова лично добиться по телефону не удалось. Тумановъ заявилъ мнѣ, что Сокольниковъ чрезвычайно занятъ партійной дискуссіей и что пожалуй можетъ пройти нѣсколько дней передъ тѣмъ какъ онъ найдетъ возможность меня принять. На дальнѣйшее откладываніе моей поѣздки я теперь уже не соглашался и отвѣтилъ Туманову, что я постараюсь увидѣть Сокольникова еще сегодня вечеромъ въ его квартирѣ, послѣ возвращенія съ партійной конференціи. Ту-

мановъ не возражалъ и предоставилъ мнѣ сдѣлать то, что я сочту правильнымъ.

Въ половинѣ десятаго вечера я отправился въ квартиру народнаго комиссара финансовъ Сокольникова въ гостинницѣ «Метрополь». Сокольниковъ жилъ чрезвычайно скромно въ маленькой квартирѣ изъ 3-хъ комнатъ, которая была обмеблирована просто и безъ всякихъ претензій. Его секретарь спросилъ меня, назначено ли мнѣ свиданіе. Я отвѣтилъ, что я желаю имѣть свиданіе еще сегодня, такъ какъ я завтра уѣзжаю (слѣдующій день былъ днемъ неприсутственнымъ), и что я подожду Сокольникова здѣсь. Секретарь, который зналъ меня лично и занимаемое мной положеніе, сказалъ мнѣ, что ему неизвѣстно, приметъ ли меня Сокольниковъ еще сегодня вечеромъ, но онъ предоставляетъ мнѣ ждать, если я этого желаю. Въ 11 ч. вечера явился Сокольниковъ съ Тумановымъ. Я объяснилъ Сокольникову причину моего неожиданнаго и въ этотъ часъ необычнаго визита и просилъ его имѣть разговоръ, который онъ предполагалъ вести со мной, сегодня же, такъ какъ я завтра намѣренъ уѣхать. Сокольниковъ согласился и мы разговаривали въ теченіе цѣлаго часа. Сокольниковъ сказалъ мнѣ, что мое дѣло какъ разъ теперь разбирается ЦКК и что онъ былъ бы очень радъ, если бы я послѣ рѣшенія вынесеннаго ЦКК въ благопріятномъ исходѣ коего онъ не сомнѣвается выѣхалъ бы за границу, снабженный всѣми мандатами. Я просилъ его не настаивать на своемъ желаніи. Вѣдь дѣло съ ЦКК можетъ все-же затянуться на нѣсколько недѣль, а у меня имѣется понятное желаніе выѣхать къ моей больной женѣ. Впрочемъ, я, конечно, вполнѣ сообразуюсь съ рѣшеніемъ ЦКК. Если таковое окажется благо-

пріятнымъ, то мнѣ всѣ мандаты могутъ быть высланы въ Берлинъ и я, конечно, добросовѣстно выполню всѣ порученныя мнѣ служебныя дѣла.

Сокольниковъ согласился съ этимъ рѣшеніемъ и окончательно одобрилъ мой завтрашній отъѣздъ. Мы переговорили съ нимъ въ присутствіи Туманова обо всѣхъ вопросахъ, связанныхъ съ моими служебными порученіями, и дружески распрощались.

Слѣдующій день, 22 января 1924 года, былъ неприсутственныхъ днемъ въ память кроваваго воскресенья 9 (22) января 1905 года, когда царское правительство на площади передъ Зимнимъ Дворцомъ въ Петербургѣ распорядилось стрѣлять въ народную толпу, мирно, съ иконами впереди и во главѣ со священникомъ Гапономъ, шествовавшую къ Зимнему Дворцу, причемъ тогда около 2.000 человѣкъ осталось на площади убитыми и тяжело раненными.

Я поздно вернулся въ гостинницу, плохо спалъ и очень рано всталъ. Было еще темно. Въ гостинничномъ корридорѣ я замѣтилъ нѣсколькихъ людей. Одинъ изъ нихъ, англичанинъ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ тихо: «Ленинъ умеръ». Я сначала его даже не понялъ. До того я былъ пораженъ этимъ неожиданнымъ извѣстіемъ. Когда онъ повторилъ свои слова, я спросилъ его удивленно, знаетъ ли онъ, что дѣлаетъ, ибо распространеніе подобнаго невѣрнаго слуха можетъ имѣть для него чрезвычайно непріятныя послѣдствія. Англичанинъ отвѣтилъ, что онъ отлично знаетъ, что онъ дѣлаетъ, что онъ получилъ эту вѣсть сегодня въ 6 час. утра отъ народнаго комиссаріата иностранныхъ дѣлъ. Ленинъ, по его словамъ, умеръ уже вчера вечеромъ въ 8 часовъ.

Я вышелъ на улицу, всюду висѣли красные флаги, обвитутые чернымъ крепомъ въ память 9 января, но населеніе ничего не знало еще о смерти Ленина. Лишь въ 3 часа послѣ обѣда населенію было оффиціально объявлено о смерти Ленина.

Въ 7 час. вечера я уѣхалъ изъ Москвы. На другое утро на всѣхъ станціяхъ, черезъ которыя проходилъ поѣздъ, были отслужены гражданскія панихиды по Ленину. Въ 2 часа дня я прибылъ на латвійскую пограничную станцію Зилупэ, а 26 января прибылъ въ Берлинъ.

Изъ Москвы я не слыхалъ ничего, покуда 16 февраля не получилъ большого пакета съ мандатами. Къ мандатамъ не было приложено никакого сопроводительнаго письма, но изъ самой выдачи мандатовъ было ясно видно, что мое дѣло тѣмъ временемъ было разобрано Центральной Контрольной Комиссіей и что рѣшеніе комиссіи было вынесено въ благопріятномъ для меня смыслѣ. Всѣ мандаты были датированы 8 февраля 1924 года и подписаны народнымъ комиссаромъ финансовъ Сокольниковымъ и начальникомъ валютнаго управленія Юровскимъ.

Кромѣ ближайшей задачи — а именно наблюденія за проведеніемъ заключенной въ декабрѣ 1923 года съ французской фирмой платиновой сдѣлки — я получилъ мандатъ вести переговоры по слѣдующимъ вопросамъ въ Лондонѣ и въ Нью-Іоркѣ:

1. О заключеніи сдѣлокъ на продажу платины.

2. Объ образованіи смѣшаннаго общества по реализаціи платины.

3. О чеканкѣ серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ на Лондонскомъ Монетномъ Дворѣ.

4. Объ аффинажѣ русскаго низкопробнаго серебра въ Лондонѣ.

5. О покупкѣ чистаго серебра въ Лондонѣ.

6. О реализаціи имѣющагося въ Гохранѣ и предназначеннаго къ продажѣ стариннаго серебра.

Какъ указано въ нижеслѣдующихъ главахъ, я провелъ всѣ порученія, отправился съ этой цѣлью въ апрѣлѣ-маѣ въ Соединенные Штаты С. Америки, и послѣ моего возвращенія изъ Нью-Іорка и заключенія первой крупной платиновой сдѣлки въ Лондонѣ я былъ 9-го іюля 1924 года назначенъ представителемъ валютнаго управленія за границей съ мѣстопребываніемъ въ Лондонѣ.

Въ началѣ января 1925 года народный комиссаріатъ финансовъ, согласно декрету отъ 7 августа 1923 года, учредилъ генеральную агентуру народнаго комиссаріата финансовъ за границей, имѣвшую свое мѣстопребываніе въ Берлинѣ и къ коей я былъ прикомандированъ въ качествѣ завѣдующаго коммерческой частью. Я въ виду этого въ концѣ января 1925 года оставилъ Лондонъ и отправился въ Берлинъ ,гдѣ я вошелъ въ составъ генеральной агентуры.

Глава тринадцатая.

РЕАЛИЗАЦІЯ ПЛАТИНЫ. — ПОЛИТИКА ПРОДАЖЪ. — СОВЕРШЕННЫЯ СДѢЛКИ. — «АКЦІОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО ДЛЯ ПРОДАЖИ ДРАГОЦѢННЫХЪ МЕТАЛЛОВЪ» ВЪ БЕРЛИНѢ.

Одною изъ главныхъ задачъ, которая стояла передо мною, было введеніе въ нормальное русло продажи русской платины, которая окончательно прекратилась между 1918 и 1922 годомъ.

До всемірной войны Россія была крупнѣйшимъ производителемъ платины.

Добыча платины въ 1913 году была слѣдующей:

Россія	157.735 унцій	=	5.072 килогр.	=	90,5%
Колумбія ок.	15.000 унцій	=	483 килогр.	=	8,6%
Др. страны	1.400 унцій	=	45 килогр.	=	0,9%
Всего. . .	174.135 унцій	=	5.600 килогр.	=	100 %

Міровая рыночная цѣна съ 1911 года до 1915 года была совершенно устойчивой и составляла въ Лондонѣ 9,5 ф. ст. (т. е. 44,85 доллара) за унцію. [1])

Во время всемірной войны недостатокъ въ платинѣ сталъ чрезвычайно чувствителенъ, такъ какъ всѣ наличные запасы были реквизированы для военно-техническихъ цѣлей. Въ виду этого пришлось прибѣгнуть въ видѣ суррогата къ самымъ различнымъ сплавамъ.

Послѣ всемірной войны русская платина исчезла совершенно съ міроваго рынка, ибо хозяйственныя и политическія отношенія между Россіей и большинствомъ остальныхъ странъ были совершенно прерваны въ теченіе ближайшихъ лѣтъ, слѣдовавшихъ за октябрьской революціей. Русскими государственными учрежденіями вообще не совершалось никакихъ продажъ и только нелегально нѣкоторое, впрочемъ довольно значительное количество платины (которое въ 1923 году можно оцѣнить приблизительно въ 15.000 унцій) просачивалось черезъ русскія границы. Эта платина, нелегально проникшая изъ Россіи, закупалась въ Ригѣ, Ревелѣ и Харбинѣ тамошними представителями, крупныхъ платиновыхъ фирмъ.

Цѣны вскочили, но подвергались значительнымъ колебаніемъ. Въ январѣ 1920 года міровая цѣна платины достигла своего высшей точки, а именно 38,10 ф. ст. (= приблизительно 145 долларовъ) за унцію, а 28 іюня того же года цѣна упала до 18 ф. ст. (= приблизительно 71,50 долларовъ) за унцію. Въ серединѣ 1923 года

---

[1]) 1 тройская унція = 31,1035 граммъ. 1 пудъ = 16,36 килограммовъ = 526 тр. унцій.

цѣна составляла около 115 долларовъ за унцію и держалась на этомъ уровнѣ твердо.

Платиновыя фирмы начали интенсивнѣйшимъ образомъ использовывать платиновый ломъ и всякіе платиносодержащіе остатки, и одновременно ввели въ оборотъ рядъ самыхъ разнообразныхъ новообразованныхъ сплавовъ. Эти сплавы (появившіеся въ оборотѣ подъ именемъ «бѣлое золото», «платоръ», «альбадоръ», «осміоръ» и т. д.) состояли изъ сплава золота и никкеля, сплава золота съ цинкомъ и оловомъ, сплава золота съ палладіумомъ и платиной и т. д. и по техническимъ своимъ качествамъ — поскольку дѣло касалось практическаго примѣненія — не слишкомъ уступали качествамъ чистой платины.

Между тѣмъ, вслѣдствіе возрастающаго спроса и высокихъ цѣнъ, поднялась добыча въ другихъ странахъ, прежде всего въ Колумбіи (Южной Америкѣ), которая въ 1923 году уже добывала около 45.000 унцій. Послѣ революціи добыча въ Россіи очень упала и увеличивалась лишь постепенно. Она составляла въ 1923 году: 57 пуд. = около 30.000 унцій, а въ 1924 году: 105 пуд. = около 55.000 унцій.

Потребленіе платины, вслѣдствіе высокихъ цѣнъ, совершенно видоизмѣнилось. Въ то время, какъ до всемірной войны болѣе половины всего потребленія шло на цѣли химической, электротехнической и зубоврачебной промышленности, причемъ лишь остатокъ находилъ примѣненіе въ ювелирной промышленности, потребленіе платины въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки — самой крупной странѣ-потребителѣ — въ 1923 году представлялось въ слѣдующемъ видѣ:

Химическая промышленность	9.578	унцій	5%
Электротехническ. промышленность	23.937	унцій	13%
Зубоврачебная промышленность ..	26.557	унцій	14%
Ювелирная промышленность	123.910	унцій	65%
Другія области примѣненія	6.801	унцій	3%
Всего...	190.783	унцій	100%

Другими словами, ювелирная промышленность потребляла теперь двѣ трети общаго потребленія платины, между тѣмъ какъ на всѣ остальныя отрасли промышленности вмѣстѣ приходилась только одна треть.

По отдѣльнымъ металламъ платиновой группы потребленіе въ 1923 году распредѣлялось нижеслѣдующимъ образомъ:

Платина	152.376	унцій
Иридій	6.494	»
Палладій	30.201	»
Другіе металлы (осмій родій, рутеній) ...	1.712	»
Всего ...	190.783	унцій

Дѣло шло теперь о томъ, чтобы въ кратчайшій срокъ вновь завоевать для Россіи, которая въ теченіе пяти лѣтъ (1918-1922 г.) совершенно исчезла съ платиноваго рынка, соотвѣтствующее мѣсто на міровомъ рынкѣ. Необходимо было создать немедленно на міровомъ рынкѣ мѣсто какъ для текущей добычи русской платины, такъ и для постепенной реализаціи накопившихся русскихъ за-

пасовъ, причемъ это должно было быть проведено по возможности безъ пониженія или серьезнаго потрясенія существующей на міровомъ рынкѣ цѣны.

Эту трудную задачу, по моему глубокому убѣжденію, нельзя было рѣшить путемъ случайныхъ единичныхъ продажъ отдѣльнымъ покупателямъ, совершаемыхъ безъ всякаго плана, а лишь путемъ соглашенія и систематической совмѣстной работы съ крупными фирмами, контролирующими міровую торговлю платиною.

Для того, чтобы прежде всего появиться вновь и оффиціально въ качествѣ продавца на міровомъ рынкѣ, валютное управленіе продало въ концѣ мая 1923 года партію въ 9.640 унцій платины по твердой оптовой цѣнѣ извѣстной германской фирмѣ, торгующей металлами, которая съ своей стороны немедленно перепродала купленное количество американскимъ и европейскимъ платиновымъ фирмамъ.

Возникла тогда мысль образовать съ одной или съ нѣсколькими изъ крупныхъ платиновыхъ фирмъ совмѣстно смѣшанное общество, въ коемъ совѣтское правительство и платиновыя фирмы должны были участвовать на равныхъ основаніяхъ въ размѣрѣ одной половины акціонернаго капитала.

Этому смѣшанному обществу должна была быть передана продажа всей русской платины и такимъ путемъ, вмѣсто созданія собственной новой организаціи, можно было бы использовать уже давно существующую и располагающую долголѣтними широко развѣтвленными связями организацію по продажѣ, со всѣми ея традиціями и опытомъ.

По порученію народнаго комиссара финансовъ Со-

кольникова, а также предсѣдателя главнаго концессіоннаго комитета Пятакова, я въ сентябрѣ-октябрѣ 1923 года велъ соотвѣтственные переговоры въ Лондонѣ и Парижѣ, но тогда, несмотря на всѣ мои старанія, оказалось невозможнымъ согласовать противорѣчащіе интересы сторонъ. Условія, которыя были поставлены контрагентамъ съ русской стороны для участія въ предполагаемомъ смѣшанномъ обществѣ, оказались для платиновыхъ фирмъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ непріемлемыми.

Послѣ моего возвращенія въ Москву, 18 октября 1923 года, я сдѣлалъ подробный докладъ объ имѣвшихъ мѣсто переговорахъ. Мысль объ образованіи смѣшаннаго общества не была окончательно оставлена, переговоры были начаты въ Лондонѣ вновь, но они вскорѣ заглохли.

Между тѣмъ попытки продажи существующаго товара энергично продолжались и 14 декабря 1923 года валютное управленіе совершило съ крупной французской фирмой, и притомъ по твердой и высокой оптовой цѣнѣ, сдѣлку по продажѣ партіи въ 11.200 унцій платины.

Весной 1924 года я отправился въ Лондонъ и Нью-Іоркъ, велъ длительные переговоры съ руководящими платиновыми фирмами и въ концѣ концовъ добился заключенія первой крупной полугодовой сдѣлки, а именно 23-го іюня 1924 г. въ Лондонѣ былъ подписанъ договоръ съ руководящею англо-американскою группою на продажу партіи въ 29.800 унцій, съ поставкой до конца 1924 г.

Для того, чтобы успокоить платиновый рынокъ относительно намѣреній совѣтскихъ круговъ, я далъ руководящему американскому журналу «Инженерный и Горный Журналъ («Engineering and Mining Journal Press») въ Нью-Іоркѣ, 12 мая 1924 года, интервью, въ которомъ

было заявлено, что совѣтское правительство не имѣетъ намѣренія выбрасывать свои запасы внезапно на рынокъ, но что наоборотъ политика по продажѣ платины будетъ сообразовываться съ потребностями рынка, руководясь стремленіемъ по возможности стабилизировать міровую цѣну платины.

Въ концѣ 1924 года замѣститель народнаго комиссара финансовъ М. И. Фрумкинъ предложилъ мнѣ — въ отвѣтъ на критику, сдѣланную высшимъ совѣтомъ народнаго хозяйства по поводу политики, которую проводилъ народный комиссаріатъ финансовъ при продажѣ платины — составить подробное заключеніе по платиновому вопросу. Я въ виду этого составилъ подробный докладъ отъ 12 сентября 1924 года, который состоялъ изъ 23-хъ страницъ и исчерпывающее освѣщалъ всю совокупность вопроса.

Я резюмировалъ мое заключеніе въ томъ смыслѣ:

1. что обратное завоеваніе міроваго рынка, безъ потрясенія или серьезнаго пониженія тогдашняго уровня цѣнъ, составлявшаго около 116-118 долларовъ за унцію,[1]) возможно исключительно лишь путемъ систематическаго совмѣстнаго сотрудничества съ крупными фирмами;

2. что наивысшее количество русской платины, которое можетъ быть размѣщено на міровомъ рынкѣ по тогдашней міровой цѣнѣ, составитъ для ближайшихъ двухъ лѣтъ (1925-26 г.г.) около 65.000 до 70.000 унцій въ годъ.

3. что насильственная попытка, во что бы то ни ста-

---

[1]) Т. е. оффиціальной розничной цѣны въ Нью-Іоркѣ; оптовая цѣна всегда была ниже розничной на сумму отъ 8-ми до 10-ти долларовъ за унцію.

ло, размѣщать большое количество платины повлечетъ за собой лишь паденіе цѣнъ и чрезвычайно крупные убытки и

4. что новая русская добыча для ближайшихъ двухъ лѣтъ, 1925-26 г.г., должна быть нормирована на уровнѣ около 125 пудовъ (= около 66.000 унцій) въ годъ.

Валютное управленіе — отчасти подъ давленіемъ уральскихъ рабочихъ, которые при нормировкѣ добычи опасались частичнаго увольненія занятыхъ на этомъ дѣлѣ рабочихъ — не удовлетворилось этими перспективами, а поручило мнѣ размѣстить въ 1925 году твердо, по міровой рыночной цѣнѣ (слѣдовательно по оптовой цѣнѣ 108 долларовъ за унцію), обязательно 180 пудовъ (= 94.700 унцій).

Принимая во вниманіе, что платиновый рынокъ былъ чрезвычайно чувствителенъ и весьма мало растяжимъ и имѣя въ виду, что пріемоспособность его могла быть расширена лишь весьма постепенно, исполненіе этого порученія было совершенно невозможно.

Я зналъ, что крупныя фирмы въ своемъ собственномъ интересѣ серьезно стремились къ тому, чтобы пойти навстрѣчу сов. Россіи во всѣхъ отношеніяхъ, для того, чтобы избѣгнуть безсистемныхъ дѣйствій Россіи на платиновомъ рынкѣ и этимъ самымъ тяжелаго паденія цѣнъ. Я зналъ, что крупныя фирмы готовы принести финансовыя жертвы для того, чтобы придти къ соглашенію съ Россіей. Но я вмѣстѣ съ тѣмъ зналъ, что крупныя фирмы вынуждены — если онѣ хотятъ держать цѣны на нынѣшнемъ уровнѣ — закупать не только русскую, но всякую платину, появляющуюся на міровомъ рынкѣ, а слѣдовательно и колумбійскую добычу около 45.000 унцій.

Для меня было ясно, что соглашеніе между Россіей и крупными фирмами было единственно правильнымъ, единственно выгоднымъ рѣшеніемъ для Россіи. Годовая сдѣлка въ 70.000 унцій гарантировала народному комиссаріату финансовъ твердую бюджетную доходную статью въ 7.500.000 долларовъ, которая выплачивалась бы ежемѣсячными платежами въ 625.000 долларовъ.

Россія при этомъ не имѣла бы никакого риска, а наоборотъ, вся тяжесть продажи, регулированія и контроля мірового рынка лежала бы на плечахъ крупныхъ фирмъ.

Но тѣмъ не менѣе я долженъ былъ считаться съ извѣстнымъ теченіемъ въ Москвѣ, которое сознательно стремилось провоцировать борьбу, вызывать путемъ внезапнаго выбрасыванія на рынокъ крупныхъ запасовъ полную разруху, вызывать, не считаясь ни съ чѣмъ, крупное паденіе цѣнъ, чтобы этимъ путемъ якобы разъ навсегда уничтожить добычу платины въ Колумбіи и вновь завоевать для Россіи мѣсто диктатора на платиновомъ рынкѣ.

Я убѣжденно боролся противъ этой авантюрной политики. Я докладывалъ валютному управленію неоднократно, что нѣтъ никакого основанія думать, что колумбійская промышленность, въ которую помѣщены крупные капиталы, можетъ быть разъ навсегда уничтожена внезапнымъ паденіемъ цѣнъ, я доказывалъ, что себѣстоимость производства новой русской платины сама весьма высока, гораздо выше, чѣмъ до войны. Я указывалъ на то, что при крупномъ паденіи цѣнъ не только пострадаетъ серьезнѣйшимъ образомъ новая добыча платины, ибо совѣтской платинопромышленности придется работать безъ малѣйшей прибыли, но, что кромѣ того потеряютъ значительную часть своей стоимости и

крупные старые запасы платины, имѣющіеся у совѣтскаго правительства, каковые въ виду этого не смогутъ болѣе служить въ той же мѣрѣ, какъ до сихъ поръ, для обезпеченія бумажно-денежнаго обращенія. Я высказывалъ убѣжденіе, что дѣйствительное увеличеніе потребленія, т. е. значительное повышеніе пріемоспособности рынка, безусловно не сможетъ быть достигнуто путемъ паденія цѣнъ всего лишь на 10 или 20 долларовъ за унцію. Наоборотъ, цѣны должны будутъ упасть до совершенно запретнаго съ точки зрѣнія стоимости производства предѣла — и притомъ на долгій срокъ, — дабы техническія отрасли промышленности опять возымѣли-бы интересъ возвратиться къ прежнему высокому уровню потребленія платины.

Вначалѣ января 1925 года я доложилъ прибывшему въ Лондонъ начальнику валютнаго управленія проф. Юровскому устно и положеніе дѣла по платиновому вопросу и мою точку зрѣнія на него.

Другими словами, я сдѣлалъ все, чтобы добиться разумнаго соглашенія между совѣтскимъ правительствомъ и крупными фирмами на платиновомъ рынкѣ и этимъ устранить возможность внезапнаго и крупнаго паденія цѣнъ, которое причинило бы Россіи самый тяжкій ущербъ, какъ въ качествѣ владѣльца старыхъ запасовъ, такъ и въ качествѣ производителя новой платины.

Надлежащія вѣдомства въ Москвѣ, не понимавшія фактическаго взаимодѣйствія отдѣльныхъ факторовъ на міровомъ рынкѣ платины или не желавшія понимать таковаго, чинили мнѣ въ этомъ отношеніи самыя крупныя препятствія.

Въ концѣ ноября 1924 года я получилъ телеграм-

му изъ Москвы отъ замѣстителя начальника валютнаго управленія Карклина, что московскій представитель крупной германской фирмы, торгующей металлами, сдѣлалъ народному комиссаріату финансовъ твердое предложеніе на покупку 3.000 килограммъ платины (= около 96.500 унцій = около 183,5 пуда) съ поставкой въ 1925 году и по очень высокой цѣнѣ. Предложеніе было чрезвычайно выгоднымъ и я поэтому посовѣтовалъ валютному управленію телеграфно немедленно заключить эту сдѣлку. Дѣло это однако, казалось мнѣ весьма сомнительнымъ, потому что партія платины, о которой тутъ шла рѣчь, была слишкомъ большой для того, чтобы имѣлась бы возможность размѣстить ее твердо по высокой цѣнѣ. Я поэтому рѣшилъ обслѣдовать это дѣло въ корнѣ, немедленно отправился изъ Лондона въ Германію и посѣтилъ соотвѣтственную фирму. Фирма эта ничего не знала о якобы твердомъ предложеніи ея московскаго представителя и была чрезвычайно поражена моему сообщенію. Послѣ долгаго обмѣна телеграммами между фирмой и ея московскимъ представителемъ въ концѣ концовъ выяснилось положеніе дѣла прямо противоположное тому, что мнѣ было оффиціально сообщено Карклинымъ, а именно не германская фирма сдѣлала твердое предложеніе валютному управленію на покупку 3.000 килограммовъ платины, а наоборотъ, валютное управленіе сдѣлало германской фирмѣ твердое письменное предложеніе на продажу 3.000 килограммовъ платины, съ поставкой въ 1925 году и по цѣнѣ въ 109.50 долларовъ за унцію. Это предложеніе имѣло силу до 11 декабря 1924 года и германской фирмой, конечно, не было принято.

Въ этомъ «недоразумѣніи» можетъ быть слѣдовало

бы усмотрѣть извѣстную методичность: можетъ быть въ Москвѣ пожелали этимъ путемъ подтолкнуть меня къ тому, чтобы я добивался еще лучшихъ условій, чтобы я дѣйствовалъ еще энергичнѣе. Но я въ этомъ видѣлъ лишь наивную и чрезвычайно неудачную попытку валютнаго управленія ввести въ заблужденіе своего собственнаго представителя и повѣреннаго относительно дѣйствительныхъ шансовъ имѣющей быть проведенной сдѣлки. Поэтому, когда Карклинъ мнѣ телеграфировалъ изъ Москвы 6-го февраля 1925 года, что японская группа твердо купила для Японіи очень крупную партію платины, а именно 30 пудовъ (= 15.780 унцій) съ поставкой въ 1925 году, по высокой цѣнѣ въ 110 долларовъ за унцію, то я принялъ это сообщеніе съ полнымъ убѣжденіемъ, что невѣроятность таковото обнаружится въ ближайшемъ же времени, что, конечно, и случилось черезъ нѣсколько недѣль.

Дабы не допустить перерыва въ снабженіи мірового рынка русской платиной, мною, съ разрѣшенія валютнаго управленія, было продано 31 января 1925 года въ Лондонѣ партія въ 10.000 унцій платины руководящей англоамериканской группѣ по высокой твердой оптовой цѣнѣ.

Тѣмъ временемъ, я дѣлалъ все возможное, чтобы побудить названную группу пойти на самыя крайнія уступки по отношенію къ валютному управленію, и въ моихъ переговорахъ энергично поддерживалъ точку зрѣнія валютнаго управленія. Переговоры нѣсколько разъ прекращались и опять возобновлялись и кончились наконецъ тѣмъ, что народный комиссаръ финансовъ Сокольниковъ далъ свое согласіе на заключеніе годовой сдѣлки, съ по-

ставкой въ 1925 году, и поручилъ мнѣ подписать таковую.

2-го апрѣля 1925 года былъ заключенъ въ Лондонѣ договоръ, согласно коему англо-американская группа купила партію въ 60.000 унцій платины, съ поставкой до 31 декабря 1925 года по твердой высокой оптовой цѣнѣ. Совмѣстно съ купленнымъ 31-го января 1925 года количествомъ въ 10.000 унцій такимъ образомъ была размѣщена на міровомъ рынкѣ, безъ малѣйшаго потрясенія міровой цѣны, крупнѣйшая партія въ 70.000 унцій (= 133 пуда).

Во время этой борьбы въ Москвѣ уже возникла мысль создать собственную организацію для продажи русской платины и мнѣ было поручено выработать уставъ соотвѣтственнаго общества. Это общество должно было имѣть цѣлью совершенную самостоятельность и полную свободу дѣйствій на платиновомъ рынкѣ, полную независимость по отношенію къ фирмамъ и группамъ, контролирующимъ міровой платиновый рынокъ, а также реализацію на міровомъ рынкѣ полностью русской текущей добычи платины и русскихъ старыхъ запасовъ.

Характерно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попытались придать и этой чисто дѣловой цѣли учрежденія общества партійно-политическую окраску. Въ мартѣ 1925 года генеральный агентъ народнаго комиссаріата финансовъ за границей, А. С. Сванидзе, обратился къ народному комиссару финансовъ Сокольникову съ просьбой помѣстить въ московской печати замѣтку относительно предстоящаго учрежденія общества для продажи платины въ томъ смыслѣ, что «въ виду искусственно созданной монополіи на платиновомъ міровомъ рынкѣ, въ которой не

заинтересованы ни производители, ни широкіе потребители, и которая идетъ на пользу только нѣсколькимъ крупнымъ фирмамъ, захватившимъ въ свои руки реализацію платины, народный комиссаріатъ финансовъ предполагаетъ учредить за границей акціонерное общество по продажѣ платины, которое откроетъ доступъ къ платинѣ и для широкихъ потребительскихъ круговъ».

Что платина не является предметомъ первой необходимости, который интересуетъ широкія народныя массы, извѣстно, конечно, всѣмъ. Какіе «широкіе потребительскіе круги» имѣлъ въ виду генеральный агентъ при этомъ объявленіи, остается очевидно его секретомъ, тѣмъ болѣе, что имѣющее быть учрежденнымъ общество, конечно, уже вслѣдствіе фискальныхъ соображеній, а также высокой себѣстоимости добычи русской платины, должно было стремиться къ тому, чтобы по возможности предупреждать паденіе или серьезное пониженіе міровой цѣны на платину.

Я оставилъ мою должность 1-го мая 1925 года,[1]) а поэтому очерчу здѣсь дальнѣйшее развитіе лишь краткими штрихами.

Предполагаемое общество было учреждено въ Берлинѣ, 3-го декабря 1925 года, подъ наименованіемъ «Акціонерное Общество для продажи драгоцѣнныхъ металловъ» («Edelmetalle-Vertriebs-Aktien-Gesellschaft»).

Вышеупомянутый договоръ 2-го апрѣля 1925 года былъ исполненъ къ общему удовлетворенію обѣихъ сторонъ. Въ концѣ 1925 года борьба за заключеніе новаго договора возобновилась. Съ русской стороны пытались

---

1) См. главу 16-ую.

использовать противъ англо-американской группы конкурренцію другихъ контрагентовъ и поэтому продали въ январѣ 1926 года 15.000 унцій французской фирмѣ. Но въ концѣ концовъ опять пришли къ соглашенію и 22-го марта 1926 года «Акціонерное Общество для продажи платины» заключило договоръ съ англо-американской группою о поставкѣ 78.000 унцій платины въ теченіе одного года, до конца марта 1927 года, по цѣнѣ, которая несмотря на значительность этой крупной партіи все же превышала 100 долларовъ за унцію.

Послѣ истеченія срока этого договора, 1-го апрѣля 1927 года, Москва рѣшила не заключать дальнѣйшихъ монопольныхъ договоровъ и «Акціонерное Общество по продажѣ платины» взялось «отнынѣ самостоятельно организовывать продажу русской платины на міровомъ рынкѣ».

Результатомъ этой «организаціи» — какъ и слѣдовало ожидать — было страшное паденіе цѣнъ (напримѣръ, въ концѣ іюля 1927 года, до 62 долларовъ за унцію въ розничной продажѣ, слѣдовательно, почти наполовину) и ничѣмъ не оправдываемый крупнѣйшій убытокъ для совѣтскаго правительства, но также и для другихъ участвующихъ на платиновомъ рынкѣ: для производителей, аффинеровъ, торговцевъ и потребителей.

Въ своемъ отчетѣ отъ 25-го февраля 1928 года (за операціонный годъ съ 1-го октября 1926 г. по 1-ое октября 1927 г.) «Акціонерное Общество по продажѣ платины» слѣдующимъ образомъ охарактеризовываетъ положеніе дѣла:

«Фактъ усиленнаго появленія русской платины на міровомъ рынкѣ естественно привелъ къ пониженію платиновыхъ цѣнъ, такъ какъ для установленія этихъ цѣнъ

нынѣ уже не были рѣшающими мѣропріятія извѣстныхъ заинтересованныхъ группъ, а, напротивъ, образованіе цѣнъ опредѣлялось стоимостью производства. Благодаря модернизаціи имѣющихся для добычи платины установокъ и усиленному примѣненію самыхъ современныхъ электрическихъ машинъ и драгъ величайшей дѣеспособности, себѣстоимость добычи русской платины понизилась настолько, что Общество имѣло возможность установить продажную цѣну, которая находится на уровнѣ себѣстоимости другихъ странъ-производителей или даже ниже таковoго.

Эффектъ этого пониженія цѣны, конечно, сказался, и мы теперь можемъ констатировать, что наше общество сумѣло стать твердой ногой на міровомъ рынкѣ платины, причемъ наши старанія въ большой мѣрѣ были поддержаны тѣмъ, что намъ удалось на всѣхъ главныхъ міровыхъ пунктахъ найти первоклассныя фирмы, какъ представителей для продажи русской платины.

Достигнутый нами оборотъ значительно повысился. Дѣятельность по продажѣ за истекшіе мѣсяцы текущаго операціоннаго года также является весьма оживленной... такъ что и для текущаго года слѣдуетъ предвидѣть благопріятное развитіе, если не произойдетъ непредвидѣнныхъ случаевъ».

Согласно этому отчету, слѣдовательно, «Акціонерное Общество по продажѣ платины» оказывается чрезвычайно удовлетвореннымъ добытыми результатами.

Все же остается фактомъ, что другіе производители, прежде всего Колумбія, не исчезли съ мірового рынка, несмотря на страшное паденіе цѣнъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и крупныя платиновыя цифры, несмотря на понесенные убытки, не оказались разоренными, а продолжаютъ суще-

ствовать и контролировать міровой рынокъ такъ же, какъ и до сихъ поръ. Напротивъ, производство Колумбіи повысилось и теперь составляетъ около 60.000 унцій въ годъ, между тѣмъ какъ Южная Африка (Трансвааль) вообще лишь въ послѣдніе два года появилась на рынкѣ въ качествѣ серьезнаго производителя платины.

Далѣе является фактомъ, что оффиціальная цѣна въ Нью-Іоркѣ на розничную продажу платины въ первой четверти (январь-мартъ) 1929 года составляла отъ 64 до 65 долларовъ за унцію (противъ 112-120 долларовъ за унцію въ теченіе періода отъ 1923 до 1926 года), другими словами, міровая цѣна на платину уже близко подошла къ самому предѣлу русской себѣстоимости.

Наконецъ, самымъ несомнѣннымъ фактомъ является тотъ, что фактическій убытокъ въ милліоны долларовъ, понесенный русскимъ бюджетомъ и русскимъ народнымъ хозяйствомъ вслѣдствіе неправильной политики продажъ, — убытокъ, который за время отъ 1-го апрѣля 1927 г. до 1-го апрѣля 1929 г., можетъ быть оцѣненъ минимально въ 5.250.000 долларовъ, — не можетъ быть возмѣщенъ даже самыми распрекрасными фразами годового отчета «Акц. О-ва по продажѣ платины».

При этомъ нужно имѣть въ виду, что народный комиссаріатъ финансовъ, несмотря на эти совершенно безцѣльныя жертвы и несмотря на то, что не удалось устранить конкурренцію прочихъ странъ-производителей, все равно не достигъ настоящей поставленной имъ цѣли: учрежденія собственной независимой организаціи по продажѣ платины. Вѣдь, продажи все равно и нынѣ не производятся собственными органами по продажѣ, а

осуществляются лишь на комиссіонномъ основаніи черезъ посредство разныхъ платиновыхъ торговцевъ въ Лондонѣ, Парижѣ и Нью-Іоркѣ. Разница только въ томъ, что прежде Валютное Управленіе продавало крупную годовую партію твердо по высокой цѣнѣ и, въ виду этого, выступало на міровомъ платиновомъ рынкѣ въ качествѣ важнѣйшаго, рѣшающаго и стабилизующаго фактора. Теперь же «Акц. О-во по продажѣ платины» съ многоголовымъ аппаратомъ служащихъ размѣщаетъ товаръ на рынкѣ маленькими партіями на комиссіонномъ основаніи по низкимъ и вѣчно мѣняющимся цѣнамъ и поэтому лишено возможности гарантировать русскому бюджету твердую, заранѣе точно опредѣляемую, доходную статью.

При сегодняшнемъ положеніи дѣла «Акц. О-во по продажѣ платины», хотя и является номинально совершенно независимымъ, но фактически оно, можетъ быть, находится еще въ большей зависимости отъ контролирующихъ міровой платиновый рынокъ и борющихся противъ него крупныхъ платиновыхъ фирмъ, чѣмъ Валютное Управленіе со своими монопольными договорами въ періодъ 1924-1926 г.г.

Цѣль, которую поставило себѣ «Акц. О-во по продажѣ платины» въ упомянутомъ своемъ отчетѣ отъ 25-го февраля 1928 г., а именно «вновь завоевать для русской платины ту позицію, которую она занимала до всемірной войны, когда свыше 96% мірового потребленія этого металла покрывалось экспортомъ изъ Россіи», при нынѣшнихъ измѣнившихся обстоятельствахъ является печальной утопіей.

Сегодня, когда, кромѣ Россіи, и другія страны, въ особенности Колумбія, Южная Африка и Канада, развили

серьезную добычу платины, Россія не можетъ претендовать, какъ до войны, на удовлетвореніе 96% мірового потребленія, а лишь на то мѣсто на міровомъ рынкѣ, которое полагается ей при сегодняшнемъ положеніи дѣла. А это мѣсто не оспаривается у совѣтской Россіи. Путемъ надлежащаго соглашенія съ уже существующими на платиновомъ міровомъ рынкѣ факторами, Россіи удалось бы это мѣсто удержать гораздо спокойнѣе и увѣреннѣе, чѣмъ путемъ борьбы цѣнъ, проводимой съ громаднѣйшими убытками.

Эта борьба, начатая два года тому назадъ и направленная въ дѣйствительности на то, чтобы добиться диктаторскаго положенія на міровомъ рынкѣ и уничтожить колумбійскую и прочую конкурренцію, можетъ нынѣ считаться окончательно проигранной.

Глава четырнадцатая

МОНЕТНЫЙ ДВОРЪ ВЪ ЛОНДОНѢ. — ЧЕКАНКА РУССКОЙ СЕРЕБРЯНОЙ И МѢДНОЙ МОНЕТЫ. — ПОКУПКА ЧИСТАГО СЕРЕБРА. — АФФИНАЖЪ РУССКАГО СЕРЕБРА

Одновременно съ другими задачами, мнѣ было поручено вести переговоры съ Англійскимъ Королевскимъ Монетнымъ Дворомъ (The Royal Mint) въ Лондонѣ относительно чеканки русской серебряной монеты.

Съ введеніемъ твердаго золотого обращенія въ 1923 году, съ постепеннымъ оживленіемъ торговли, транспорта, банковаго дѣла и промышленности, послѣ проведенія «новой экономической политики», такъ называемаго «НЭП»-а, выявилась срочная потребность въ твердой, высокоцѣнной монетѣ, а также и въ размѣнной монетѣ.

Въ теченіе долгихъ лѣтъ, прошедшихъ съ начала войны, золотая и серебряная монеты совершенно исчезли изъ оборота и были замѣнены бумажными деньгами, которыя въ послѣднее время часто мѣняли свой видъ и ежедневно мѣняли свой курсъ. Кромѣ того, въ теченіе

гражданскихъ войнъ, во многихъ областяхъ громаднаго россійскаго государства, разными временными правителями было выпущено столько бумажныхъ денежныхъ знаковъ, что населеніе, въ особенности же неграмотное крестьянство, потеряло всякое довѣріе къ бумажнымъ деньгамъ.

Монетной единицей новаго обращенія остался прежній золотой рубль, и была отчеканена новая золотая монета, золотой червонецъ, равный десяти золотымъ рублямъ, которая, однако, не была пущена въ общее обращеніе, такъ какъ иначе она немедленно была бы вновь поглощена населеніемъ и, несомнѣнно, окончательно была бы утеряна для денежнаго обращенія.

Золотой червонецъ имѣетъ на своей сторонѣ изображеніе крестьянина-сѣятеля, идущаго по полю, справа видны фабричныя трубы, слѣва — восходящее солнце. Надъ этимъ въ полукругѣ красуется въ стильныхъ буквахъ надпись «Одинъ червонецъ» и годъ «1923». На оборотной сторонѣ имѣется въ такихъ же буквахъ девизъ: «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь», а также гербъ РСФСР.

Съ введеніемъ новаго денежнаго обращенія Валютное Управленіе стояло передъ задачей ввести въ оборотъ серебряную монету, которая въ ясныхъ символахъ должна была олицетворять идею совѣтской власти и вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣчать художественнымъ требованіямъ.

Съ этой цѣлью лѣтомъ 1923 г. было поручено тремъ извѣстнымъ русскимъ графикамъ и медальеру монетнаго двора представить для закрытаго конкурса художественно исполненные рисунки для серебрянаго рубля и полтинника. Художникамъ была дана опредѣленная тема, а именно: изображеніе крестьянина и рабочаго со-

вмѣстно, и изображеніе крестьянина и рабочаго въ отдѣльности. Рисунокъ, представленный художникомъ Сергѣемъ Грузенбергомъ, былъ избранъ на конкурсѣ и утвержденъ народнымъ комиссаромъ финансовъ.

Серебряная монета въ одинъ рубль имѣетъ на лицевой сторонѣ изображеніе рабочаго, указывающаго крестьянину протянутой рукой на восходящее на горизонтѣ солнце, символизируя этимъ единеніе рабочаго и крестьянина въ дѣлѣ созданія мощнаго союза совѣтскихъ республикъ.

Серебряная монета въ 50 копѣекъ (полтинникъ) имѣетъ на лицевой сторонѣ изображеніе рабочаго, выковывающаго молотомъ на наковальнѣ сельско-хозяйственныя и промышленныя орудія. У ногъ его лежатъ зубчатое колесо и плугъ. На оборотной сторонѣ обѣихъ монетъ имѣется девизъ и гербъ союза совѣтскихъ республикъ.

Монетный Дворъ въ Петербургѣ былъ полностью занятъ чеканкой серебряной рублевой монеты и серебряной размѣнной монеты въ 20, 15 и 10 копѣекъ, а также мѣдной размѣнной монеты. Монетный Дворъ въ Петербургѣ не былъ въ состояніи поставить въ кратчайшій срокъ потребное большое количество полтинниковъ. Въ виду этого необходимо было сдать чеканку полтинниковъ на сторону, и наиболѣе подходящимъ для этой цѣли представлялся Монетный Дворъ въ Лондонѣ, который уже издавна исполнялъ заказы по чеканкѣ для самыхъ различныхъ государствъ и извѣстенъ былъ превосходнымъ качествомъ своихъ работъ.

Послѣ длительныхъ переговоровъ, кои я имѣлъ съ Монетнымъ Дворомъ въ Лондонѣ, 27-го марта 1924 г.

былъ заключенъ договоръ, коимъ Монетный Дворъ принялъ на себя чеканку 40.000.000 штукъ серебряныхъ полтинниковъ, представлявшихъ собой монетную стоимость въ 20 милліоновъ рублей. Полтинникъ имѣетъ приблизительно цѣнность одного шиллинга, и нынѣ является наиболѣе популярной монетой въ совѣтской Россіи. Полтинникъ содержитъ 900 частей серебра и 100 частей мѣди и имѣетъ общій вѣсъ ровно въ 10 граммъ.

Сдача всего заказа должна была послѣдовать въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ со дня утвержденія Валютнымъ Управленіемъ имѣющей быть представленною Лондонскимъ Монетнымъ Дворомъ пробной монеты.

Потребное для чеканки очень значительное количество чистаго серебра, въ размѣрѣ 360.000 кило, было куплено на Лондонской биржѣ, по порученію валютнаго управленія, черезъ посредство крупныхъ маклерскихъ фирмъ. Покупка совершалась строго конфиденціально и весьма осторожнымъ образомъ для того, чтобы не поднять рыночной цѣны на серебро. Маклера по порученію торгпредства въ Лондонѣ заключали почти ежедневно покупныя сдѣлки на маленькія партіи серебра вплоть до того момента, когда было закуплено все потребное количество серебра.

Часть потребнаго серебра была поставлена изъ Россіи, причемъ церковное и прочее серебро, переплавленное въ Монетномъ Дворѣ въ Петербургѣ, отправлялось оттуда прямымъ рейсомъ, съ цѣлью очистки, въ Лондонъ, тамъ подвергалось аффинажу на крупномъ заводѣ, а полученное чистое серебро сдавалось Лондонскому Монетному Двору. Всего, на основаніи заключеннаго 3-го іюля 1924-го года договора, было аффинировано въ Лондонѣ,

лѣтомъ и осенью 1924-го года, около 16.000 пудовъ (= около 262.000 кило), привезеннаго изъ Петербурга переплавленнаго серебра.

Кромѣ чеканки серебряной монеты, Монетному Двору въ Лондонѣ (на основаніи соглашенія отъ 5-го іюля 1924-го года) была поручена также и чеканка 40.000.000 штукъ мѣдныхъ пятаковъ, представляющихъ собою монетную стоимость въ два милліона рублей. Потребное количество, около 645 тоннъ, электролитической мѣди было закуплено на Лондонскомъ рынкѣ. Чеканка мѣдной монеты производилась, помимо Лондона, также и на частномъ монетномъ дворѣ въ Бирмингамѣ, подъ надзоромъ и отвѣтственностью Лондонскаго Монетнаго Двора. Оба порученія были исполнены Монетнымъ Дворомъ въ Лондонѣ до конца ноября 1924-го года къ полному удовлетворенію валютнаго управленія и въ полномъ своемъ объемѣ. Новыя монеты, по мѣрѣ ихъ изготовленія, отправлялись прямыми пароходами непосредственно въ Петербургъ и немедленно вводились въ обращеніе.

Заказъ на чеканку русской серебряной монеты въ свое время возбудилъ интересъ англійской общественности и былъ очень благосклонно принятъ англійской прессой.

Глава пятнадцатая

РЕАЛИЗАЦІЯ СТАРИННАГО СЕРЕБРА. — ПЕРЕГОВОРЫ ОБЪ АУКЦІОНѢ. — ОТКЛОНЕНІЕ АУКЦІОНА.

Третья задача, стоявшая передо мной, была раціональная организація продажи классифицированнаго въ Гохранѣ стариннаго серебра.

Послѣ того, какъ русскіе музеи получили изъ найденныхъ предметовъ все то, что для нихъ имѣло малѣйшую цѣнность, все же остались многія тысячи предметовъ, изъ коихъ нѣкоторые представляли собой съ полнымъ основаніемъ музейный интересъ, нѣкоторые являлись желанными и высокоцѣнными объектами для коллекцій, между тѣмъ какъ остатокъ представлялъ собою, въ среднемъ, хорошій матеріалъ средняго антикварнаго качества.

Я долженъ былъ считаться съ тѣмъ, что половина найденнаго стариннаго серебра была русскаго происхожденія, и поэтому лишь очень туго поддавалась продажѣ. Прежде для русскаго серебра 17-го и 18-го вѣка, а также и начала 19-то, существовалъ широкій внутренній ры-

нокъ, который поглощалъ хорошіе объекты немедленно и по высокой цѣнѣ, между тѣмъ какъ средній товаръ также находилъ хорошій сбытъ. При совѣтскихъ же условіяхъ внутренній рынокъ какъ бы исчезъ, между тѣмъ, какъ внѣшній рынокъ, который стариннаго русскаго серебра, такъ же, какъ и вообще стариннаго русскаго искусства, не зналъ, не проявлялъ интереса къ русскому серебру. Приходилось считаться развѣ лишь съ центрами русской эмиграціи, прежде всего съ Парижемъ, гдѣ поселилось нѣсколько русскихъ антикваровъ, начавшихъ съ успѣхомъ пропаганду стариннаго русскаго искусства.

За границей можно было, слѣдовательно, ожидать живого интереса лишь для серебра иностраннаго происхожденія, прежде всего для французскаго, англійскаго и германскаго серебра.

Такъ какъ старинное серебро, такъ же, какъ и старинныя вещи вообще, представляетъ собой товаръ, который не имѣетъ опредѣленной, точно установленной, рыночной цѣнности, но колеблется въ цѣнѣ, смотря по конъюнктурѣ, по направленію моды и по своеобразію и вкусу покупателя, то раціонально организованный аукціонъ являлся единственнымъ и самымъ правильнымъ путемъ продажи, въ особенности для высококачественнаго, хорошаго и средняго товара.

Рыночный же товаръ (серебряная посуда 19-го вѣка русскаго издѣлія и т. д.), можно было сбыть торговцамъ путемъ продажи большими партіями.

Въ виду этого я занялся обслѣдованіемъ условій, имѣющихся для производства аукціона въ Берлинѣ, Парижѣ и Лондонѣ, и убѣдился въ томъ, что Берлинъ является наиболѣе подходящимъ мѣстомъ для аукціона.

Францiя въ 1924-мъ году не имѣла еще дипломатическихъ отношенiй съ совѣтской Россiей, такъ что аукцiонъ въ Парижѣ самъ по себѣ былъ исключенъ.

Въ Англiи же ввозу большихъ партiй стариннаго серебра препятствовали непреодолимыя таможенныя затрудненiя, ибо, согласно англiйскому таможенному закону, всѣ ввозимыя въ Англiю серебряныя издѣлiя, изготовленныя послѣ 1800-го года, должны были быть снабжены англiйскимъ пробирнымъ клеймомъ. Кромѣ того, въ Гохранѣ вообще найдено было лишь сравнительно мало англiйскаго серебра, такъ что врядъ ли приходилось говорить объ аукцiонѣ въ Англiи. Къ тому же крупная англiйская аукцiонная фирма, къ которой я обратился въ августѣ 1924-го года по поводу возможнаго аукцiона драгоцѣнныхъ табакерокъ и т. д., отнеслась къ возможности таковаго аукцiона совершенно отрицательно, заявивъ, что при осмотрѣ товара до производства аукцiона могли бы объявиться бывшiе собственники отдѣльныхъ объектовъ, а это обстоятельство могло бы принести серьезный ущербъ репутацiи фирмы, а также поставить подъ сомнѣнiе самый успѣхъ аукцiона.

Въ виду этого, я въ концѣ iюля 1924-го года возобновилъ начатые уже въ февралѣ того же года переговоры съ однимъ изъ самыхъ крупныхъ домовъ по производству художественныхъ аукцiоновъ въ Берлинѣ. Эта фирма, несмотря на существовавшiй въ то время дипломатическiй конфликтъ между Германiей и Россiей, согласилась взяться за проведенiе аукцiона. Фирма эта послала въ октябрѣ 1924-го года своихъ представителей въ Москву и повела съ валютнымъ управленiемъ непосредственные переговоры съ тѣмъ результатомъ, что 1-го но-

ября 1924-го года въ Москвѣ было заключено соглашеніе, согласно коему данной фирмѣ было поручено производство аукціона стариннаго серебра, табакерокъ и т. д. въ Берлинѣ весной 1925-го года на извѣстныхъ, вполнѣ пріемлемыхъ условіяхъ.

Вся партія серебра, долженствующая быть пущенной на аукціонъ, была оцѣнена Государственнымъ Хранилищемъ въ Москвѣ въ 1.446.848 рублей 25 коп., среди коего имѣлось:

русскаго дворцоваго серебра на сумму	292.154 р.
иностраннаго дворцоваго серебра (слѣдов. французское, германское и англійское серебро) на сумму	548.445 р.
Всего дворцоваго серебра на	840.599 р.

Берлинская фирма взяла на себя обязательство изготовить каталогъ аукціона, снабженный многими иллюстраціями и тщательно разработанный съ научной точки зрѣнія, дабы этимъ путемъ закрѣпить навсегда художественную и научную цѣнность пущенныхъ на аукціонъ предметовъ. На основаніи соглашенія отъ 1-го ноября, фирма въ декабрѣ 1924-го года вновь послала своего представителя въ Москву, который подробно осмотрѣлъ старинное серебро, долженствующее быть переданнымъ на аукціонъ, и пришелъ къ соглашенію съ валютнымъ управленіемъ относительно предѣльныхъ цѣнъ отдѣльныхъ предметовъ.

2-го января 1925-го года я имѣлъ еще подробное совѣщаніе съ этой фирмой и урегулировалъ также во-

просъ о банковой гарантіи, имѣющей быть предоставленной берлинской фирмой. Ибо валютное управленіе, при заключеніи соглашенія, поставило условіемъ, чтобы берлинская фирма предоставила отъ германскаго крупнаго банка соотвѣтствующую гарантію, какъ относительно переданнаго ей для аукціона товара, такъ и относительно полученной на аукціонѣ выручки.

Когда я, въ концѣ января 1925 г., прибылъ изъ Лондона въ Берлинъ, будучи прикомандированъ къ генеральной агентурѣ народнаго комиссаріата финансовъ за границей, дабы здѣсь окончательно остаться, генеральный агентъ Сванидзе заявилъ мнѣ, что недавно было принято рѣшеніе не дать состояться весной 1925 г. аукціону стариннаго серебра. Соотвѣтственное рѣшеніе имѣется какъ со стороны торговаго, такъ и полномочнаго представительства, ибо предполагается, что при громадномъ количествѣ имѣющихъ поступать на аукціонъ серебряныхъ предметовъ — изъ коихъ значительная часть представляетъ собой бывшее частное имущество, конфискованное совѣтской властью, — въ Берлинѣ во многихъ случаяхъ могли бы объявиться бывшіе владѣльцы соотвѣтственныхъ предметовъ, которые могли бы доказать принадлежность имъ этихъ предметовъ путемъ фотографій или другихъ доказательствъ. Все это дѣло съ бюджетной точки зрѣнія не представляется настолько важнымъ, чтобы изъ за него стоило рисковать какими-либо непріятными осложненіями.

Я указалъ Сванидзе, что договоръ уже заключенъ валютнымъ управленіемъ въ Москвѣ и что я не вижу серьезной причины, по которой можно было бы нынѣ отказать въ аукціонѣ фирмѣ, понесшей уже значительные расходы по этому дѣлу, тѣмъ болѣе, что и вопросъ о по-

литическихъ соображеніяхъ, имѣющихся противъ производства аукціона въ Берлинѣ, былъ подробно освѣщенъ и обсужденъ въ Москвѣ во время октябрьскихъ переговоровъ съ фирмой. Сванидзе, однако, настаивалъ на своемъ предложеніи, чтобы я устно отказалъ фирмѣ въ договорѣ. Я отправился въ полпредство и узналъ тамъ, что полпредство, какъ таковое, не имѣетъ прямыхъ возраженій противъ аукціона, но что такія возраженія сдѣланы торгпредствомъ въ Берлинѣ, а именно лично торговымъ представителемъ Старковымъ, и что полпредство не считаетъ возможнымъ пройти мимо этихъ возраженій.

Въ виду этого, я заявилъ соотвѣтственной фирмѣ 5-го февраля 1925-го года, что валютное управленіе, вслѣдствіе возникшихъ нынѣ политическихъ соображеній и препятствій, къ сожалѣнію, должно отказаться отъ производства аукціона. Директора фирмы обрушились въ жестокихъ упрекахъ противъ валютнаго управленія, которые я, конечно, вынужденъ былъ отразить. Я указалъ фирмѣ на полную безнадежность судебнаго иска, и совѣтовалъ ей настоятельно примириться съ создавшимся положеніемъ, въ надеждѣ, что ей будутъ переданы новыя аукціонныя порученія тогда, когда эти политическія препятствія не будутъ болѣе играть роли.

Фирма, въ концѣ концовъ, согласилась, примирилась съ отклоненіемъ аукціона и купила у валютнаго управленія, въ качествѣ извѣстной компенсаціи, нѣсколько партій обычнаго столоваго серебра начала 19-го вѣка по цѣнѣ нѣсколько меньшей по сравненію съ оффиціальной продажной цѣной.

Когда замѣститель начальника валютнаго управленія, тов. Карклинъ, заключившій договоръ съ берлинской

фирмой и руководившій нынѣ Гохраномъ, узналъ объ этомъ обстоятельствѣ, онъ заявилъ категорическій протестъ. Онъ заявилъ въ своемъ письмѣ на имя генеральнаго агента Сванидзе, что нельзя произвольно и односторонне объявлять уничтоженными договоры, заключенные валютнымъ управленіемъ, и къ тому же безъ того, чтобы его предварительно объ этомъ запрашивать. Престижъ валютнаго управленія и народнаго комиссаріата финансовъ, какъ и совѣтскихъ учрежденій вообще, не можетъ не пострадать, если контрагенты этихъ учрежденій останутся подъ впечатлѣніемъ, что договоры, разъ заключенные, не исполняются. Конечно, «львиная доля вины» лежитъ на представителѣ валютнаго управленія, который ни при какихъ обстоятельствахъ, хотя бы и устно, не долженъ былъ заявлять отказа отъ договора.

Въ этомъ отношеніи Карклинъ, аргументы котораго были сами по себѣ вполнѣ правильны, былъ неправъ. Въ качествѣ представителя валютнаго управленія за границей, я долженъ былъ руководиться твердо установленнымъ и ясно подчеркнутымъ въ моихъ мандатахъ правиломъ, что всѣ мои дѣйствія за границей могутъ быть предприняты мной исключительно съ вѣдома и согласія находящагося въ данной странѣ полномочнаго представителя. Поскольку полпредъ мнѣ заявилъ, что онъ по извѣстнымъ причинамъ не считаетъ возможнымъ производство аукціона въ Берлинѣ, это заявленіе являлось для меня единственно рѣшающимъ. Это было дѣломъ полпредства засимъ согласовать свое рѣшеніе съ валютнымъ управленіемъ. Я же во всякомъ случаѣ долженъ былъ подчиниться распоряженію полномочнаго представителя.

Затѣмъ началась между Сванидзе и Карклинымъ

чрезвычайно рѣзкая переписка. Сванидзе угрожалъ Карклину въ своемъ отвѣтномъ письмѣ, что онъ привлечетъ его къ партійному суду, если тотъ не прекратитъ своихъ нападокъ на него, и заявилъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ находитъ весьма страннымъ, что Карклинъ съ такимъ рвеніемъ защищаетъ интересы германской фирмы. Сванидзе, однако, вопреки моему требованію, не обмолвился въ этомъ письмѣ ни словомъ о томъ, что въ дѣйствительности на мнѣ не только не лежала «львиная доля вины», но что я вообще не былъ виновенъ въ томъ оборотѣ, который приняло это дѣло. Онъ намѣренно умолчалъ о томъ, что я заявилъ отказъ отъ договора лишь по его порученію и вслѣдствіе требованія полпредства.

Классифицированное въ Москвѣ старинное серебро въ виду этого не было пущено на аукціонъ, а было въ концѣ 1925-го года, послѣ того, какъ я оставилъ мою должность, привезено въ Берлинъ. Тутъ оно совершенно безсистемно и по отдѣльнымъ предметамъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ продавалось отдѣльнымъ антикварамъ и частнымъ покупателямъ. Конечно, при подобномъ родѣ продажи, наилучшіе и наиболѣе дешево лимитированные предметы немедленно были проданы, тогда какъ высоколимитированный или не ходкій товаръ оставался лежать. Проданныя вещи, конечно, не были ни каталогизированы, ни иллюстрированы и, такимъ образомъ, для научныхъ цѣлей могутъ считаться погибшими.

Глава шестнадцатая

БЕРЛИНЪ. — ГЕНЕРАЛЬНАЯ АГЕНТУРА НАРОДНАГО КОМИССАРІАТА ФИНАНСОВЪ ЗА ГРАНИЦЕЙ. — МОЙ УХОДЪ СЪ ДОЛЖНОСТИ.

2-го февраля 1925-го года я приступилъ къ моей дѣятельности въ Берлинѣ, въ генеральной агентурѣ народнаго комиссаріата финансовъ за границей.

По предложенію народнаго комиссара финансовъ Сокольникова, я въ началѣ марта 1925 г. отправился на Ліонскую ярмарку, гдѣ въ совѣтскомъ павильонѣ была выставлена платина въ слиткахъ и въ издѣліяхъ. Эрріо, французскій министръ и мэръ г. Ліона, и Красинъ, совѣтскій посолъ въ Парижѣ, посѣтили совѣтскій павильонъ 8-го марта и внимательно осматривали выставленную платину.

Я затѣмъ уѣхалъ въ Парижъ и Лондонъ, гдѣ велъ переговоры по текущимъ дѣламъ валютнаго управленія, и 23-го марта вернулся въ Берлинъ.

Согласно телеграфному порученію народнаго комиссара финансовъ, я въ концѣ марта вновь отправился въ Лондонъ, подписалъ тамъ 2-го апрѣля годовой дого-

воръ на продажу платины, и вернулся вновь въ Берлинъ.

15-го апрѣля генеральный агентъ Сванидзе вручилъ мнѣ подписанное имъ письмо, адресованное на мое имя, слѣдующаго содержанія:

«Настоящимъ сообщаю для свѣдѣнія Вашего, что мною сего числа получена телеграмма отъ Валютнаго Управленія, извѣщающая меня о томъ, что должность Коммерческаго Агента при Генеральной Агентурѣ упраздняется Валютнымъ Управленіемъ въ виду недавняго заключенія Вами въ Лондонѣ сдѣлки на реализацію платины на весь текущій годъ, а также потому, что другихъ коммерческихъ сдѣлокъ въ ближайшемъ будущемъ не предвидится.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ предлагается извѣстить Васъ, что Вы откомандировываетесь обратно на службу въ Москву въ распоряженіе Валютнаго Управленія.

Прошу сообщить мнѣ, когда Вы можете закончить Вашу текущую работу съ тѣмъ, чтобы отправиться къ мѣсту Вашей командировки.

Уважающій Васъ А. Сванидзе.»

Это сообщеніе явилось для меня неожиданнымъ, тѣмъ болѣе, что мотивировка моего отозванія въ Москву не соотвѣтствовала обстоятельствамъ дѣла и поэтому произвела на меня весьма своеобразное впечатлѣніе.

Но это извѣстіе по крайней мѣрѣ было ясно. Дѣло шло о томъ, чтобы отправиться въ Москву на постоянную службу, на совершенно неопредѣленный срокъ, можетъ быть, на долгіе годы. Это было для меня, послѣ всего того опыта, который я продѣлалъ, совершенно непріемлемо. Прежде всего, я долженъ былъ бы туда отправиться одинъ. Но уже не говоря о семейныхъ об-

стоятельствахъ и объ общихъ условіяхъ, существующихъ въ Москвѣ, я былъ увѣренъ въ томъ, что я, при данномъ положеніи дѣла, безусловно не найду въ Москвѣ того поля дѣятельности, къ которому я стремился. Моя работа представляла для меня большой интересъ, она охватывала обширную, разнообразную и необыкновенную область и заполняла меня совершенно. Но за границей — даже теперь, гдѣ я былъ лишь однимъ изъ членовъ генеральной агентуры, — я все же могъ сохранить за собой извѣстную инициіативу, самостоятельность и свободу дѣйствій. Въ Москвѣ же все это было для меня совершенно исключено, это я теперь зналъ навѣрное.

Въ виду этого я стоялъ передъ труднымъ рѣшеніемъ, тѣмъ болѣе, что генеральный агентъ настаивалъ на скорѣйшемъ отвѣтѣ.

Я рѣшился просить его дать мнѣ свое личное откровенное мнѣніе по этому поводу.

Св.: — Я не въ состояніи дать вамъ совѣта. Вы должны принять рѣшеніе на свою собственную отвѣтственность. Конечно, вами была проявлена большая энергія и инициіатива при обработкѣ всѣхъ порученныхъ вамъ дѣлъ, но все же весьма сомнительно, сможете ли вы сохранить эту самостоятельность въ обстановкѣ валютнаго управленія въ Москвѣ. Вѣдь вы же сами какъ-то сказали: разницу между Соединенными Штатами Америки и совѣтской Россіей можно было бы парадоксально выразить слѣдующими словами: Соединенные Штаты являются страной неограниченныхъ возможностей, а совѣтская Россія — страна неограниченныхъ невозможностей.

Л. — Откуда вы это знаете?

С. — Это мнѣ было передано.

Л. — Ну, что-жъ, пусть будетъ такъ.

С. — Ну, развѣ вы, въ случаѣ вашего переселенія въ Москву, не допускаете возможность извѣстныхъ «непріятныхъ неожиданностей»? Развѣ не считаете вы возможнымъ, что одна изъ этихъ «неограниченныхъ невозможностей» могла бы случиться именно съ вами?

Л. — Вы что этимъ хотите сказать? Вѣдь, если со мной въ самомъ дѣлѣ случилась бы какая-нибудь непріятность, вѣдь, если бы въ самомъ дѣлѣ хотѣли меня «прищить» къ какому-либо дѣлу, то вѣдь, прежде всего, было бы обязанностью начальника валютнаго управленія заступаться за меня.

С. — Бросьте, не будьте столь наивнымъ. Вѣдь вы же прекрасно знаете, что начальникъ валютнаго управленія безпартійный человѣкъ, что онъ такой же спецъ, какъ вы, и что онъ поэтому абсолютный нуль, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы высвободить кого-либо изъ опаснаго положенія.

Л. — Я васъ не понимаю. Чего-же мнѣ, собственно, опасаться?

С. — Ну, хотя бы того, что вамъ приписывается главная вина въ отказѣ отъ берлинскаго аукціона.

Л. — Вѣдь вы же знаете лучше всѣхъ, что за мной въ этомъ вопросѣ не имѣется ни малѣйшей вины, что я только исполнилъ ваше распоряженіе, основывавшееся на письменномъ предложеніи полпреда. Вы же знаете, что я пытался убѣждать васъ и полпреда, что нашъ образъ дѣйствій является необоснованнымъ. Слѣдовательно, я фактически стоялъ вполнѣ на точкѣ зрѣнія валютнаго управленія. Заявивъ устно объ отказѣ отъ договора, я вѣдь лишь исполнилъ мой служебный долгъ.

С. — Конечно, все это вѣрно, но Москва придерживается другого мнѣнія.

Л. — Ваше дѣло написать въ Москву, и выяснить и доказать мою полную невиновность въ этомъ вопросѣ.

С. — Ну, пока вѣдь этого не требуется. Кромѣ того, вы, напримѣръ, энергично выступали въ пользу заключенія монопольныхъ договоровъ по платинѣ съ руководящими группами, хотя вѣдь валютное управленіе, собственно говоря, не всегда раздѣляло вашу точку зрѣнія.

Л. — Вѣдь я же не мелкій чиновникъ, вѣдь это являлось моей прямой обязанностью увѣдомлять валютное управленіе и народнаго комиссара финансовъ о дѣйствительномъ положеніи дѣла по вопросу о платинѣ и о моемъ отношеніи къ нему.

С. — Конечно, все это очень хорошо, и я вполнѣ увѣренъ, что вы можете спокойно отправиться въ Москву. Я даже увѣренъ, что съ вами не случится ни малѣйшей непріятности. Вѣдь для этого нѣтъ никакихъ основаній. Но все-таки подумайте надъ этимъ дѣломъ. Вѣдь это для васъ, хотя бы и по семейнымъ обстоятельствамъ, весьма важное рѣшеніе переселиться въ Москву. А завтра дайте мнѣ знать о вашемъ рѣшеніи. . .

Этотъ разговоръ произвелъ на меня сильнѣйшее впечатлѣніе. Я никакъ не могъ забыть туманнаго намека на «неограниченныя невозможности». Правда, я хотѣлъ остаться при моей нынѣшней дѣятельности, но я, конечно, не имѣлъ ни малѣйшаго желанія подвергать себя въ Москвѣ «непріятнымъ неожиданностямъ» со всѣми непредвидимыми ихъ послѣдствіями.

Въ виду этого я обратился къ полпреду Н. Н. Крестинскому, и имѣлъ съ нимъ 17-го апрѣля 1925 г. раз-

говоръ по этому вопросу. Крестинскій, который оказался уже вполнѣ въ курсѣ моего дѣла, заявилъ мнѣ также, что онъ долженъ предоставить разрѣшеніе вопроса исключительно моему личному усмотрѣнію. Онъ не можетъ сказать ничего ни за, ни противъ, я долженъ самъ лучше всего знать, представляетъ ли моя дѣятельность такой интересъ для меня, что я рѣшусь переселиться въ Москву.

Тѣмъ временемъ я телеграфировалъ народному комиссару Сокольникову въ Москву, что я по семейнымъ причинамъ вынужденъ отклонить предложеніе валютнаго управленія, но что я согласенъ продолжать мою дѣятельность на всякой другой должности въ Берлинѣ.

Какъ и слѣдовало ожидать, 21-го апрѣля получился изъ Москвы телеграфный отвѣтъ, что народный комиссаръ финансовъ Сокольниковъ считаетъ меня съ 1-го мая 1925-го года свободнымъ отъ моихъ служебныхъ обязанностей.

Я работалъ еще до конца апрѣля въ генеральной агентурѣ, привелъ всѣ мои дѣловыя бумаги въ полный порядокъ и сдалъ ихъ генеральной агентурѣ подъ соотвѣтственную расписку.

Этимъ моя дѣятельность на совѣтской службѣ нашла свой конецъ, неизбѣжный при «совѣтскихъ условіяхъ».

Глава семнадцатая

СПЕЦІАЛИСТЪ НА СОВѢТСКОЙ СЛУЖБѢ

«СПЕЦЪ». — «БЕЗПАРТІЙНЫЕ». «ХАРАКТЕРИСТИКА». ОПРОСНЫЙ ЛИСТЪ. — СИСТЕМА СЫСКА И НАДЗОРА. «КАНАТНЫЕ ПЛЯСУНЫ». — ЛИЦЕМѢРІЕ. КАНЦЕЛЯРСКІЙ СТИЛЬ. — СПЕЦІАЛИСТЫ ЗА ГРАНИЦЕЙ. СИСТЕМА ЗАЛОЖНИЧЕСТВА. ОБРАТНОЕ ОТОЗВАНІЕ ВЪ МОСКВУ. ДѢЛО ПРОФ. N. —ПАРТІЙНЫЕ КОММУНИСТЫ ЗА ГРАНИЦЕЙ. СОВѢТСКІЕ ДИПЛОМАТЫ. — «САЛОННЫЕ» КОММУНИСТЫ. — СЛУЖЕБНЫЯ ПРЕСТУПЛЕНІЯ. «ВРЕДИТЕЛИ». — СОВѢТСКАЯ ЮСТИЦІЯ. — «БЕЗХОЗЯЙСТВЕННОСТЬ». «ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ШПІОНАЖЪ». ДѢЛО БРУНОВСКАГО. — ВНѢСУДЕБНАЯ КАРА ПРЕСТУПЛЕНІЙ. ДѢЛО ВОЛИНА. — ДѢЛО БЕСѢДОВСКАГО. — «НЕВОЗВРАЩЕНЦЫ».

«СПЕЦЪ»

На государственной службѣ совѣтской Россіи, въ народныхъ комиссаріатахъ, въ главныхъ управленіяхъ, въ государственныхъ трестахъ и т. д., кромѣ большого со-

става государственныхъ служащихъ, кромѣ отвѣтственныхъ административныхъ служащихъ, былъ занятъ рядъ служащихъ-спеціалистовъ, сокращенно называемыхъ «спецами». Въ совѣтской Россіи словомъ «спецъ» обозначается служащій, постоянно занятый на государственной службѣ или на службѣ государственныхъ трестовъ и организацій, и обладающій спеціальными знаніями и опытомъ въ опредѣленной области.

Совѣтская Россія нуждается для своей государственной службы въ гораздо большемъ количествѣ экспертовъ и спеціалистовъ, чѣмъ всякое другое государство, потому что въ совѣтской Россіи промышленность, торговля и банки являются «огосударствленными».

Спеціалисты берутся частью изъ интеллигентскихъ слоевъ населенія, изъ свободныхъ профессій (изъ круга инженеровъ, химиковъ, экономистовъ, присяжныхъ повѣренныхъ, врачей, журналистовъ, банковскихъ служащихъ и т. д.), частью же изъ бывшаго чиновничества и офицерскаго состава.

«БЕЗПАРТІЙНЫЕ». «ХАРАКТЕРИСТИКА». ОПРОСНЫЙ ЛИСТЪ .

Съ политической точки зрѣнія, спеціалисты въ подавляющемъ своемъ большинствѣ относятся къ такъ называемымъ «безпартійнымъ», т. е. они вовсе не принадлежатъ ни къ какой политической партіи.

Въ валютномъ управленіи, напримѣръ, осенью 1923 года изъ пяти высшихъ должностныхъ лицъ четверо, а именно, начальникъ валютнаго управленія проф. Юровскій, одинъ изъ замѣстителей (авторъ данной книги) и

оба помощника начальника были безпартійными, между тѣмъ какъ второй замѣститель, Карклинъ, былъ членомъ ВКП. Ему, какъ члену коммунистической партіи, была поэтому поручена высшей инстанціей задача составленія такъ называемой «характеристики» своихъ четырехъ коллегъ, т. е. представленіе подробнаго сужденія о каждомъ изъ насъ.

Отъ такой характеристики зависѣло многое въ томъ смыслѣ, что отрицательное мнѣніе по поводу политической оріентаціи характеризуемой личности, въ особенности по поводу лойяльности таковой по отношенію къ совѣтскому правительству, могло имѣть для даннаго лица самыя неожиданныя послѣдствія.

При этомъ «лойяльность» была понятіемъ, весьма трудно опредѣлимымъ. Лойяльность можно было понять въ активномъ смыслѣ, въ качествѣ безусловной вѣрности и преданности существующей власти, но лойяльность можно было понять и въ пассивномъ смыслѣ, какъ окончательный отказъ отъ всякаго открытаго или тайнаго сопротивленія совѣтской власти, какъ честное примиреніе съ существующимъ режимомъ.

Какъ бы то ни было, одно было ясно: политическая оріентація такъ называемаго «безпартійнаго» во всякомъ случаѣ не отвѣчала политическимъ цѣлямъ и тактическимъ методамъ коммунистической партіи, иначе данное лицо, конечно, стало бы членомъ партіи. Также не подлежало сомнѣнію, что среди «безпартійныхъ» находились, какъ люди съ опредѣленной политической оріентаціей, такъ и люди, относившіеся ко всякой политикѣ безразлично и безъ малѣйшаго интереса.

Среди «безпартійныхъ» съ опредѣленной политиче

ской оріентаціей были люди самые различные, начиная съ бывшихъ членовъ «союза русскаго народа», до лѣвыхъ соціалъ-демократовъ включительно. Всѣ эти люди были теперь сброшены вмѣстѣ въ одну безформенную массу «безпартійныхъ», такъ какъ, кромѣ коммунистической партіи, въ совѣтской Россіи не существовало никакой другой политической партіи, да легально и существовать не могло. Вполнѣ естественно поэтому, что «безпартійные» сотрудники какого-либо учрежденія разговаривали другъ съ другомъ обо всемъ, что угодно, о вопросахъ жалованья, о жилищной нуждѣ, о дороговизвѣ средствъ пропитанія, о женщинахъ, объ одеждѣ, о театрѣ, объ искусствѣ, о служебныхъ и о частныхъ вопросахъ, только не о политикѣ. «Безпартійные» избѣгали всякихъ политическихъ разговоровъ, какъ съ «безпартійными», такъ и съ членами партіи.

При поступленіи на государственную службу приходилось заполнять особый «опросный листъ», [1]) который содержалъ 39 вопросовъ. Конечно, необходимо было указать имена и мѣстожительства родителей, дѣтей, братьевъ и сестеръ.

Вопросъ № 24 гласилъ: «Къ какой политической партіи принадлежите, время поступленія въ партію и номеръ членскаго билета».

Вопросъ № 25 гласилъ: «Состояли ли раньше въ какихъ-либо политическихъ партіяхъ и въ какихъ именно, гдѣ и когда».

Вопросъ № 26 гласилъ: «Если безпартійный, какой партіи вы сочувствуете».

---

[1]) См. Приложеніе.

На вопросъ 24-ый безпартійному, конечно, легко было отвѣтить, а именно просто отвѣтить «нѣтъ».

Вопросъ 25-ый уже былъ труднѣе. Если безпартійные прежде принадлежали къ политической партіи лѣваго направленія (къ трудовикамъ, народнымъ соціалистамъ, соціалистамъ-революціонерамъ, соціалъ-демократамъ-меньшевикамъ, къ еврейскому Бунду), то они могли спокойно указать на это. Если же они прежде принадлежали къ политической партіи праваго направленія (къ союзу русскаго народа, къ октябристамъ), или же къ либеральной партіи (къ конституціонно-демократической партіи, такъ называемымъ кадетамъ), то они предпочитали, по возможности, умолчать объ этомъ.

Поэтому, не приходится удивляться тому, что господствующая партія относилась къ безпартійнымъ съ подозрѣніемъ, ибо никогда нельзя было знать, что скрывалось подъ этой всеуравнивающей маской.

Вопросъ № 26-ой былъ насиліемъ надъ совѣстью, которому большинство подчинялось лишь подъ давленіемъ матеріальной нужды. Естественно, отвѣтъ на вопросъ «какой партіи сочувствуете?» — гласилъ «я сочувствую РКП», т. е. россійской коммунистической партіи.

Правда, господствующая партія такъ же мало вѣрила въ искренность этого сочувствія, какъ въ искренность дѣйствительной безпартійности, или, скорѣе, политической незаинтересованности или неоріентированности «безпартійныхъ».

Конечно, для всякой государственной власти чрезвычайно важно располагать составомъ служащихъ и государственнымъ аппаратомъ, который искренне преданъ су-

ществующей формѣ правленія, господствующему режиму, и на коего можно вполнѣ положиться.

Поскольку совѣтское правительство вынуждено опираться, какъ въ отношеніи военныхъ, такъ и въ отношеніи техническихъ, экономическихъ и финансовыхъ вопросовъ, на спеціалистовъ, которые, за рѣдчайшими исключеніями, являются «безпартійными», т. е., во всякомъ случаѣ, не принадлежатъ къ коммунистической партіи, поскольку коммунистическая партія еще не создала своихъ собственныхъ спеціалистовъ, — а для этого потребуются, во всякомъ случаѣ, многіе годы, — постольку не приходится удивляться, если совѣтское правительство надзираетъ надъ своими безпартійными спеціалистами внутри совѣтской Россіи и за границей, и старается установить ихъ дѣйствительную политическую оріентацію, или, по меньшей мѣрѣ, ихъ лойяльность по отношенію къ совѣтскому правительству.

Является твердо установленнымъ фактомъ, что въ совѣтской Россіи существуетъ цѣлый рядъ спеціалистовъ политически праваго или либеральнаго, слѣдовательно, опредѣленно анти-коммунистическаго направленія, которые все-же работаютъ усердно и честно, по наилучшему своему разумѣнію. Они служатъ своей странѣ, своей родинѣ, они работаютъ такъ хорошо, какъ могутъ. Они служатъ безразличному для нихъ или ненавистному имъ режиму, поскольку этотъ режимъ существуетъ. Они будутъ первыми, которые оставятъ корабль, если онъ станетъ гибнуть, они будутъ первыми, которые помогутъ низвергнуть совѣтскій режимъ, если онъ начнетъ шататься.

Но въ совѣтской Россіи существуетъ также боль-

шое число людей лѣваго направленія, типичныхъ интел-лигентовъ, не мыслящихъ коммунистически, но усердно и добросовѣстно исполняющихъ свой долгъ, ибо изъ двухъ возможностей — царизма или совѣтской власти — они сознательно предпочитаютъ послѣднюю. Эти спеціалисты — для которыхъ невыносимы режимъ насилія, существующій въ совѣтской Россіи, насиліе надъ совѣстью, притѣсненія и преслѣдованія всѣхъ инакомыслящихъ и уничтоженіе всѣхъ политическихъ и гражданскихъ свободъ — все-же по политической своей идеологіи стоятъ близко къ господствующей партіи, какъ представительницѣ трудовыхъ классовъ. Они сознательно вступаютъ на службу совѣтскаго правительства, они убѣжденно работаютъ надъ возстановленіемъ страны, они рѣшительно отклоняютъ всякій саботажъ.

Несмотря на это, совѣтское правительство и на этихъ спеціалистовъ смотритъ весьма критически и преподноситъ и имъ обычное недовѣріе.

СИСТЕМА СЫСКА И НАДЗОРА «КАНАТНЫЕ ПЛЯСУНЫ»

Несмотря на существующую систему сыска, политически единомыслящіе «безпартійные», послѣ длительной совмѣстной работы, все-же находятъ другъ друга. Чувствуется мало по малу, стоитъ ли передъ тобой единомыслящій, или нѣтъ. И вотъ, постепенно, сходятся правый съ правыми, либералъ съ либералами, и соціалисты всѣхъ оттѣнковъ съ соціалистами.

Только среди единомыслящихъ, лично другъ друга

знающихъ и довѣряющихъ, специалистъ можетъ свободно высказаться также и по политическимъ вопросамъ.

Если два спеціалиста разговариваютъ другъ съ другомъ частнымъ образомъ о неслужебныхъ вопросахъ и если къ нимъ подходитъ партійный коммунистъ, то разговоръ немедленно обрывается и сейчасъ же переводится на безопасную тему.

Агенты ГПУ, — какъ политическаго, такъ и экономическаго отдѣла, — которые выступаютъ подъ различными масками (сослуживцы, помощники, секретари, машинистки, любовницы, шофферы и т. д.), пытаются установить самымъ различнымъ образомъ дѣйствительное политическое направленіе «безпартійнаго» спеціалиста. Данный агентъ называетъ себя безпартійнымъ, старается наладить дружескія отношенія и разсыпается въ жестокой критикѣ по поводу политическаго деспотизма совѣтскаго режима, отсутствія всякихъ политическихъ свободъ, гнусной системы сыска, экономическихъ неурядицъ совѣтскаго хозяйства и т. д. Какъ бы спеціалистъ ни былъ подозрителенъ, какъ бы осторожны ни были его отвѣты, какъ бы безразличны ни были вставленныя имъ въ разговоръ замѣчанія, — все же ловкій агентъ всегда сумѣетъ извлечь какой-либо выводъ изъ разговора и полученныхъ отвѣтовъ. Если же, — а это бываетъ довольно часто, — вовлекаемый въ разговоръ спеціалистъ молчитъ, какъ рыба, обнаруживаетъ свою полную незаинтересованность и безразличность по отношенію къ политическимъ вопросамъ, или же начинаетъ пѣть хвалебные гимны совѣтскому режиму и достигнутымъ имъ блестящимъ экономическимъ результатамъ, тогда агентъ знаетъ что онъ узнанъ въ качествѣ таковаго, или что его

собесѣдникъ, во всякомъ случаѣ, относится къ нему съ глубочайшимъ недовѣріемъ.

Политическимъ агентамъ помогаютъ въ этомъ отношеніи также партійные коммунисты, и не находящіеся на прямой службѣ ГПУ. Даже если онъ знаетъ, что спеціалисту извѣстно, что онъ членъ партіи, онъ все-таки пытается вовлечь его въ разговоръ на политическія или экономическія темы, дабы изъ полученныхъ отвѣтовъ извлечь извѣстныя данныя о политической оріентаціи спеціалиста.

Иногда для спеціалиста представляется чрезвычайно затруднительнымъ избѣгать такого разговора, въ особенности, если онъ имѣетъ дѣло со своимъ начальникомъ. Но даже если спеціалистъ опредѣленно уклоняется отъ такихъ разговоровъ, даже если онъ совершенно избѣгаетъ общественно-политической жизни, и въ политическомъ отношеніи проявляетъ строжайшую сдержанность, то онъ все же еще не добьется того, чтобы его считали политически совершенно лойяльнымъ. Крайняя политическая сдержанность и абсолютное молчаніе по политическимъ вопросамъ вовсе не считается рекомендаціей для даннаго лица. Только тогда спеціалистъ считается дѣйствительно лойяльнымъ, когда онъ ясно и недвусмысленно, разговорнымъ или инымъ путемъ, высказываетъ свое сочувствіе къ политическимъ и хозяйственнымъ мѣропріятіямъ совѣтскаго правительства.

Подобнымъ или инымъ образомъ политическая полиція, въ концѣ концовъ, добивается того, какого образа мыслей придерживается данный спеціалистъ. Находятъ друзей этого спеціалиста, подвергаютъ провѣркѣ сдѣланныя имъ указанія о его прошломъ, ве-

дутъ, — въ особенности, если дѣло идетъ объ отвѣтственныхъ и важныхъ спеціалистахъ, — текущее «дѣло» объ ихъ дѣятельности и запрашиваютъ отъ партійныхъ начальниковъ или сослуживцевъ этого спеціалиста такъ называемую «характеристику».

Вся эта система сыска и надзора за спеціалистомъ на совѣтской службѣ, — о справедливости или необходимости коей здѣсь не приходится спорить, — во всякомъ случаѣ, имѣетъ то послѣдствіе, что она парализуетъ рвеніе къ работѣ и энергію спеціалиста, и убиваетъ его независимость и силу воли.

Спеціалистъ никогда не имѣетъ того чувства, что онъ занимаетъ постоянное и прочное мѣсто. Онъ нѣкоторымъ образомъ работаетъ въ пустомъ пространствѣ, онъ знаетъ, что — какъ бы онъ ни былъ честенъ — онъ, рано или поздно, будетъ замѣщенъ партійнымъ коммунистомъ, либо дѣйствительно располагающимъ потребными знаніями, либо думающимъ, что онъ ими располагаетъ. Онъ знаетъ, что онъ въ совѣтской Россіи, въ случаѣ потери имъ своей должности на государственной службѣ, врядъ-ли сможетъ еще гдѣ-либо устроиться. Въ старости у него нѣтъ права на пенсію, и его перспективы въ этомъ отношеніи, — если онъ вообще такъ далеко заглядываетъ впередъ, — весьма мрачны. Постоянная маска, на службѣ и внѣ службы, разыгрываніе сочувствія къ политическимъ или хозяйственнымъ мѣропріятіямъ и событіямъ, совершенно противорѣчащимъ всему кругу его идей или интересовъ, угрюмое молчаніе, которое онъ вынужденъ хранить по ихъ поводу, если онъ не желаетъ выражать сочувствія этимъ мѣропріятіямъ или событіямъ, — вся эта внутренняя борьба приводитъ часто, въ

особенности у болѣе слабыхъ натуръ, къ полному, не только лишь показному, равнодушію въ отношеніи дѣятельности и всего окружающаго, къ полной покорности судьбѣ, къ вялому, чисто бюрократическому, совершенно безучастному исполненію ежедневныхъ служебныхъ обязанностей.

Крупный спеціалистъ, занимающій очень высокій постъ въ хозяйственной жизни совѣтской Россіи и абсолютно чуждый всякой политики, опредѣлилъ положеніе спеціалистовъ весьма мѣтко слѣдующими словами:

«Наше положеніе совершенно ясно. Лучше всего его можно сравнить съ положеніемъ канатнаго плясуна. Мы всѣ ходимъ по тонкому канату, мы знаемъ прекрасно, что мы несомнѣнно когда-либо свалимся съ каната. Мы не знаемъ только одного: когда и по какую сторону каната мы сломаемъ себѣ шею».

ЛИЦЕМѢРІЕ. КАНЦЕЛЯРСКІЙ СТИЛЬ.

Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого положенія вещей является вынужденная ложь и невѣроятное лицемѣріе, производящія удручающее впечатлѣніе.

Спеціалистъ обязанъ восхищаться по всякому поводу, если онъ хочетъ быть на хорошемъ счету въ коммунистической партіи и сохранить свою должность. Онъ, слѣдовательно, долженъ притворяться и часто лгать.

Зайдя однажды по дѣлу въ другое правительственное учрежденіе, я спросилъ служившаго тамъ на весьма отвѣтственной должности спеціалиста, котораго я лично хорошо зналъ съ давняго времени, каково его мнѣніе о вносящемъ коренной переворотъ въ области крестьян-

скаго хозяйства мѣропріятіи, опубликованномъ вчера въ газетахъ.

Онъ отвѣтилъ мнѣ совершенно откровенно, что считаетъ его безуміемъ, дѣломъ «экспериментирующихъ фармацевтовъ», не имѣющихъ самаго малѣйшаго понятія о томъ, что они дѣлаютъ, и высказалъ глубокое убѣжденіе въ томъ, что эта мѣра провалится, такъ же, какъ цѣлый рядъ ей предшествующихъ.

Черезъ нѣкоторое время въ кабинетъ вошелъ его начальникъ, политическій руководитель даннаго учрежденія, партійный коммунистъ, полуинтеллигентъ изъ рабочихъ, и спросилъ его, между прочимъ, что онъ думаетъ о данномъ мѣропріятіи. Мой знакомый отчеканилъ совершенно спокойно, безъ малѣйшаго замедленія:

«Это правительственное постановленіе представляетъ собой крупный шагъ впередъ на хлѣбозаготовительномъ фронтѣ. Это — ударная задача первѣйшаго значенія и прекрасное разрѣшеніе давно назрѣвшей проблемы въ общегосударственномъ масштабѣ».

Его отвѣтъ, изложенный въ выраженіяхъ совѣтскаго канцелярскаго стиля, чрезвычайно понравился его начальнику.

Когда я, оставшись съ нимъ наединѣ, удивленно и съ укоромъ посмотрѣлъ на него, онъ отвѣтилъ мнѣ:

«Не безпокойтесь, вы современемъ тоже научитесь «выражаться». А если нѣтъ, то тѣмъ хуже для васъ. Что-же, неужели вы хотите, чтобы я изъ-за принятаго уже постановленія по поводу аграрнаго мѣропріятія, — которое меня лично не касается, ибо я, въ качествѣ спеціалиста, не участвовалъ въ разработкѣ этого вопроса, — подвергъ бы себя опасности? Критика моя все-равно

не принесла бы никакой пользы, а я лишь сталъ бы въ глазахъ моего начальника, отъ котораго зависитъ мое существованіе и который самъ не имѣетъ самостоятельнаго мнѣнія по этому вопросу, злостнымъ критикомъ и противникомъ совѣтской власти. Я даже и не подумаю этого сдѣлать. Моя искренность и откровенность была бы тутъ лишь идеалистическимъ вздоромъ, совершенно не отвѣчающимъ совѣтскимъ условіямъ. Будьте спокойны, моя похвала все равно не приведетъ къ тому, что это мѣропріятіе будетъ имѣть ожидаемый его авторами успѣхъ. И безъ меня все пойдетъ такъ, какъ оно неминуемо должно пойти, т. е., конечно, и этотъ экспериментъ провалится. Помилуйте, вѣдь мы же къ этому привыкли. Сегодня данную мѣру возносятъ до небесъ, а завтра, послѣ того, какъ она на практикѣ дала блестящій провалъ, она уже забыта. А виноватъ, конечно, спецъ. Что-жъ вы хотите — такова жизнь. Можно подумать, что вы упали къ намъ съ другой планеты, съ Марса, что васъ все это такъ удивляетъ. Вѣдь вы же не ребенокъ. Нужно брать жизнь такъ, какъ она есть. Съ волками жить, по волчьи выть. Противъ этого ничего не подѣлаешь. Нужно приспособиться къ волчьему режиму — иначе безусловно пропадешь»...

Это общее лицемѣріе сказывается, конечно, и на оффиціальномъ и канцелярскомъ языкѣ.

Я не говорю уже о лицемѣріи, которое проявляется въ томъ, что смертная казнь оффиціально стыдливо именуется «высшею мѣрою наказанія», въ странѣ, гдѣ разстрѣлы производятся по судебнымъ и по внѣсудебнымъ приговорамъ, гдѣ смертная казнь — «физическое уничтоженіе» — стала обыденною мѣрою «соціальной защиты».

Я говорю объ обычномъ канцелярскомъ языкѣ. Совѣтскій казенный стиль пестритъ выраженіями, вродѣ: «входить въ контактъ», «координировать дѣйствія», «справляться съ заданіями», «налаживать аппаратъ», «согласовывать работу», за которыми, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не скрывается никакого конкретнаго содержанія. Эти выраженія и имъ подобныя, взятыя изъ прежней революціонной журналистики, стали пустымъ звукомъ, и сейчасъ примѣняются, главнымъ образомъ, для того, чтобы скрывать словесную суету переливанія изъ пустого въ порожнее, чтобы симулировать живую и активную дѣятельность и затушевывать отсутствіе дѣйствительной дѣловой работы.

Революціонные годы вообще сильно отразились на развитіи русскаго языка.

Неукротимая жажда быть новымъ и оригинальнымъ во всемъ и во что бы то ни стало хотя и привела къ созданію ряда выразительныхъ и характерныхъ русскихъ словъ, но повлекла за собой вмѣстѣ съ тѣмъ и образованіе безчисленныхъ новыхъ сокращенныхъ словъ, а тѣмъ самымъ и невѣроятное искаженіе русскаго языка. Нѣкоторыя изъ этихъ сокращеній были ясны, легко произносимы, и потому немедленно вошли въ обиходъ. [1]). Громадное же большинство этихъ новообразованій, въ особенности сокращенныя названія новыхъ учрежденій, организацій, должностей и т. д., были непонятны, неудобны для про-

---

[1]) Напр., «Госбанк» вмѣсто «Государственный Банкъ», «Нарком» вмѣсто «Народный Комиссаръ», «Селькор» вмѣсто «сельскій корреспондентъ», «Сексот» вмѣсто «секретный сотрудникъ», «Волком» вмѣсто «волостной комитетъ» и др.

изношенія, уродливы въ лингвистическомъ смыслѣ и противны характеру и духу русскаго языка. [1]).

И въ этомъ, сравнительно мелкомъ явленіи нетрудно усмотрѣть тѣ же «потемкинскія деревни», ту же картину несоотвѣтствія показного эффекта истинному положенію вещей.

Русскому многомилліонному народу, вслѣдствіе исторически сложившихся условій еще находящемуся въ тискахъ неграмотности и невѣжества, — темпъ жизни коего, несмотря на войну и на глубокія потрясенія послѣдняго десятка лѣтъ, еще далеко отстаетъ отъ темпа западно-европейскихъ передовыхъ странъ, — вдругъ, по мановенію свыше, предлагается говорить сокращенными «сверхъ-словами», долженствующими отражать чрезвычайную быстроту совѣтскаго темпа развитія.

Конечно, отъ этого дѣло не мѣняется и истинный пульсъ жизни нисколько не ускоряется.

СПЕЦІАЛИСТЫ ЗА ГРАНИЦЕЮ. СИСТЕМА ЗАЛОЖНИЧЕСТВА. ОБРАТНОЕ ОТОЗВАНІЕ ВЪ МОСКВУ. ДѢЛО ПРОФ. N.

При описанныхъ выше обстоятельствахъ нечего удивляться, что большинство спеціалистовъ имѣетъ пламенное желаніе попасть на какую-нибудь постоянную должность въ какомъ-нибудь совѣтскомъ торговомъ представительствѣ за границей, или хотя бы быть командиро-

---

[1]) Напр., облком, окрпрос, окрзу цчо, вмбит, итр, мспо, мопр, соцстрах, моснарвраправкооп, окрпромкредсоюз, крайколхозсоюз, керчгосметзавод, госмедторгпром, врндуправдел, замнаркомфина, замначвалупр.

ваннымъ за границу по служебному порученію на нѣсколько мѣсяцевъ. Причемъ это желаніе имѣется не только у такъ называемыхъ «европейцевъ», т. е. у людей, знающихъ европейскіе языки и уже ранѣе учившихся или жившихъ въ Западной Европѣ, но также и у людей, привыкшихъ къ русскому укладу жизни, къ русскому духу и едва знающихъ нѣсколько словъ на иностранномъ языкѣ.

Большинство спеціалистовъ хочетъ попасть въ Берлинъ, еще лучше — въ Парижъ. Лондонъ имъ нравится уже менѣе. Остальныя страны Европы не играютъ особой роли вслѣдствіе сравнительно небольшого числа сотрудниковъ въ содержимыхъ тамъ торговыхъ делегаціяхъ. Дальній и Ближній Востокъ: Китай, Японія, Афганистанъ, Персія, Турція для большинства спеціалистовъ не имѣютъ особенно притягательной силы. Каждый охотно отправится туда на нѣсколько мѣсяцевъ, но проживать тамъ долгое время особыхъ охотниковъ нѣтъ.

Это стремленіе уѣхать за границу объясняется не только идейными мотивами, желаніемъ свободно подышать, но также и чисто матеріальными соображеніями. На заграничной должности спеціалисты получаютъ двойной, часто тройной размѣръ жалованья по сравненію съ тѣмъ, которое имъ полагается въ Москвѣ или въ провинціи. Оклады государственныхъ служащихъ въ совѣтской Россіи весьма малы. Они составляли въ 1923-24 году отъ 10 до 20 червонцевъ (= отъ 10 до 20 фунтовъ стерлинговъ) въ мѣсяцъ, окладъ низшихъ служащихъ былъ еще ниже. Изъ этихъ окладовъ производятся вычеты въ пользу профессіональныхъ союзовъ и т. д., а для членовъ коммунистической партіи еще мѣсячные вычеты въ поль-

зу партіи. Притомъ жизнь за границей, въ особенности, что касается квартиры и одежды, гораздо дешевле, и ужъ во всякомъ случаѣ не дороже, чѣмъ въ Москвѣ. Вполнѣ понятно поэтому, что должность за границей считается особеннымъ счастьемъ. Даже хотя бы кратковременная служебная командировка за границу считается весьма пріятнымъ событіемъ, такъ какъ суточныя, полагающіяся сверхъ оклада при командировкахъ, представляютъ собой весьма существенное матеріальное улучшеніе.

Совѣтскій режимъ изобрѣлъ своеобразный методъ для того, чтобы обезпечить себя противъ невозвращенія въ совѣтскую Россію командированнаго за границу спеціалиста. Это такъ называемая система заложничества, выражающаяся въ томъ, что жена и дѣти задерживаются въ совѣтской Россіи, когда мужъ откомандировывается за границу для занятія постоянной должности. Эта система, правда, въ послѣднее время довольно часто нарушалась. Если у ГПУ не имѣется существенныхъ сомнѣній въ томъ, что данный спеціалистъ возвратится въ Россію, въ особенности же, если онъ владѣетъ исключительно русскимъ языкомъ и не проявляетъ особыхъ симпатій къ западно-европейскому укладу жизни, то ГПУ, въ концѣ концовъ, разрѣшаетъ семьѣ послѣдовать за мужемъ за границу, если мужъ объ этомъ проситъ и на этомъ категорически настаиваетъ. Въ большинствѣ же случаевъ система заложничества проводится строго, не считаясь со связаннымъ съ нею разрушеніемъ семейной жизни.

Съ другой стороны, находящійся за границей спеціалистъ нигдѣ не можетъ устроиться по домашнему. Онъ всегда на чеку, онъ всегда долженъ быть готовымъ къ тому, что его внезапно отзовутъ обратно въ Россію. Это

случается часто въ такой формѣ, что его вызываютъ телеграфно на нѣсколько дней въ Москву, на совѣщаніе или на важный докладъ, а оттуда онъ уже, въ большинствѣ случаевъ, не возвращается обратно за границу, хотя бы онъ, по своимъ знаніямъ и личнымъ качествамъ, и былъ особенно пригоденъ къ заграничной службѣ.

Изъ многихъ извѣстныхъ мнѣ случаевъ я приведу здѣсь лишь одинъ особенно разительный примѣръ нелѣпо небрежнаго отношенія къ цѣннымъ спеціалистамъ, а именно случай съ профессоромъ N., однимъ изъ крупнѣйшихъ русскихъ юристовъ.

Проф. N. является знатокомъ тѣхъ хозяйственно-организаціонныхъ проблемъ, гдѣ соприкасаются системы плановаго и индивидуальнаго хозяйства, какъ концессіи, смѣшанныя общества и др., и притомъ ихъ постановки, какъ въ практикѣ совѣтскаго, такъ и иностраннаго права. Онъ къ тому же владѣетъ въ совершенствѣ тремя важнѣйшими иностранными языками.

Проф. N. сначала въ Москвѣ, а затѣмъ за границею лойяльно сотрудничалъ въ этой области въ качествѣ консультанта при совѣтскихъ учрежденіяхъ и — какъ явствуетъ изъ множества полученныхъ имъ благодарственныхъ писемъ — его совѣтами весьма дорожили.

Въ концѣ 1925 г. проф. N., проживавшій тогда въ Лондонѣ и состоявшій консультантомъ Аркоса, Сѣверолѣса, Доброфлота и другихъ совѣтскихъ хозяйственныхъ организацій, согласился, по просьбѣ Торговой Делегаціи, поѣхать въ Москву для выясненія нѣкоторыхъ сложныхъ правовыхъ вопросовъ. Закончивъ свою работу, онъ намѣревался вернуться въ Лондонъ. Въ самый день, назначенный для отъѣзда профессора N. изъ Москвы, къ нему

явился нарочный изъ ГПУ съ ордеромъ немедленно вернуть находившійся уже въ рукахъ профессора заграничный паспортъ. Оказалось, что председатель комиссіи по заграничнымъ командировкамъ при Рабоче-Крестьянской Инспекціи (нынѣ членъ коллегіи ГПУ) тов. Ройзенманъ нашелъ, что профессоръ N слишкомъ «засидѣлся» за границею и потому ему слѣдуетъ дать «работу» въ Москвѣ. Указаніе профессора N., что онъ не служащій, а добровольный научный консультантъ по опредѣленному кругу вопросовъ, было оставлено безъ вниманія. Только благодаря тому, что проф. N. въ это время состоялъ однимъ изъ арбитровъ по крупному спору совѣтскаго учрежденія съ англійскою фирмою, участвовалъ въ рядѣ начатыхъ переговоровъ и въ веденіи судебныхъ дѣлъ, а потому его насильственное задержаніе въ Москвѣ не могло не вызвать толковъ и скандала заграницею, Раковскому и Красину удалось добиться, послѣ трехнедѣльныхъ переговоровъ съ Ройзенманомъ, разрѣшенія на обратный выѣздъ профессора N. за границу.

По возвращеніи въ Лондонъ, проф. N., закончивъ текущія дѣла, отказался отъ дальнѣйшей консультативной работы. Замѣнить его равнымъ по авторитетности экспертомъ-консультантомъ въ указанной области совѣтскимъ заграничнымъ учрежденіямъ до сихъ поръ не удалось.

Рѣчь идетъ въ этомъ случаѣ о совершенно исключительномъ экспертѣ, человѣкѣ пожиломъ и являющемся авторитетомъ въ своей области.

Дѣло въ томъ, что совѣтскій режимъ не руководится чисто дѣловыми соображеніями: онъ прежде всего требуетъ абсолютное подчиненіе спеціалистовъ всякому хотя бы самому произвольному распоряженію, даже въ томъ

случаѣ, если оно съ дѣловой точки зрѣнія является безцѣльнымъ или неисполнимымъ, даже тогда, если оно противорѣчитъ болѣе компетентному мнѣнію спеціалистовъ.

При подобномъ отношеніи къ вопросу о спеціалистахъ совѣтскій режимъ, конечно, не можетъ ожидать того, чтобы когда либо привлечь къ себѣ, а въ особенности удержать спеціалистовъ, независимыхъ въ своихъ заключеніяхъ. Достаточно простой попытки независимаго спеціалиста побороться противъ нераціональнаго съ дѣловой точки зрѣнія, противорѣчащаго его заключенію или основаннаго на ложныхъ предположеніяхъ мѣропріятія его начальства, и положеніе спеціалиста становится невозможнымъ. Въ лучшемъ случаѣ его отзываютъ обратно въ Москву и замораживаютъ въ какой-нибудь канцеляріи, въ худшемъ же случаѣ стараются поднять противъ него процессъ.

На спеціалистѣ, въ такомъ случаѣ, лежитъ тяжесть доказательства того, что мотивы, которыми онъ руководился при составленіи своего заключенія или при опредѣленіи своего отношенія къ данному вопросу, являются соображеніями чисто дѣловыми, а не личнаго характера. Если дѣло касается иностранной фирмы (въ качествѣ покупателя, продавца, поставщика, комиссіонера или контрагента иного рода), то спеціалистъ,— хотя бы онъ и былъ абсолютно убѣжденъ въ хорошей репутаціи и въ добросовѣстности данной фирмы, — все же будетъ зорко остерегаться, чтобы не дать данной фирмѣ опредѣленной рекомендаціи или не защищать ее противъ менѣе доброкачественныхъ конкуррентовъ. Вѣдь онъ этимъ немедленно подвергъ бы себя самому тяжкому подозрѣнію, что его рекомендація продиктована не дѣловыми соображеніями, а со-

ображеніями личнаго характера (взятка, комиссія, родство, дружба). Слѣдовательно, если спеціалистъ не хочетъ подвергнуть себя никакому подозрѣнію и вмѣстѣ съ тѣмъ хочетъ остаться на своей должности, то онъ долженъ предоставить всѣ дѣла ихъ свободному теченію. Онъ слѣдовательно долженъ участвовать въ качествѣ спеціалиста и въ проведеніи такихъ проектовъ, и въ заключеніи такихъ договоровъ, которые онъ считаетъ неправильными или невыгодными.

Конечно, спеціалистъ и въ этомъ отношеніи чувствуетъ себя за границей гораздо свободнѣе, чѣмъ въ совѣтской Россіи. Совѣтскій спеціалистъ за границей разсматривается иностранными контрагентами совѣтскаго правительства какъ полноцѣнная личность, т. е. какъ техническій, юридическій, финансовый, экономическій, коммерческій или научный совѣтникъ правительства. Этимъ диктуется и ихъ предупредительное къ нему отношеніе. Хотя совѣтскія учрежденія за границей и напоминаютъ постоянно спеціалисту о томъ, что онъ является лишь маленькимъ колесикомъ въ государственномъ механизмѣ, хотя надъ нимъ и виситъ постоянно Дамокловъ мечъ возможнаго отозванія въ Москву, все же за границей у спеціалиста имѣется еще чувство извѣстнаго достоинства и независимости. Руки у него не такъ связаны, какъ въ совѣтской Россіи, и если у него имѣется мужество и рвеніе къ труду, то онъ иногда и осмѣливается энергично выступать въ пользу какого-нибудь важнаго техническаго, финансоваго или экономическаго проекта или соглашенія, хотя бы таковое и находилось въ противорѣчіи съ мнѣніемъ его начальства.

Дѣло въ томъ, что за границей отсутствуетъ вся та

атмосфера, которая окружаетъ спеціалиста въ Москвѣ. Вполнѣ естественно, что и сыскъ и надзоръ за спеціалистомъ за границей гораздо слабѣе и меньше. Соотвѣтственно этому, вмѣшательство въ частную жизнь спеціалиста за границей гораздо слабѣе.

Несмотря на все это, желаніе проживать за границей въ теченіе долгаго времени далеко не имѣется у всѣхъ спеціалистовъ, даже тогда, когда они имѣютъ при себѣ свою семью. Между ними имѣются люди, которымъ до того не хватаетъ русскаго уклада жизни, русскаго окруженія, что они испытываютъ опредѣленную тоску по родинѣ. Къ этому еще присоединяется то обстоятельство, что подавляющее количество спеціалистовъ либо вовсе не владѣетъ языкомъ той страны, куда они откомандировываются, либо знаютъ его весьма слабо. Общераспространенное мнѣніе о томъ, что у русскаго человѣка имѣется особый талантъ для изученія иностранныхъ языковъ, представляетъ собой легенду. Способность дѣйствительно изучать и владѣть иностраннымъ языкомъ является чисто индивидуальнымъ качествомъ, врядъ ли встрѣчающимся у русскаго чаще, чѣмъ у лицъ другихъ національностей. Во всякомъ случаѣ, я знаю цѣлый рядъ вполнѣ образованныхъ спеціалистовъ, которые, несмотря на длительное пребываніе будь то въ Германіи, Франціи или Англіи, знали языкъ данной страны лишь самымъ неудовлетворительнымъ образомъ и во всякомъ случаѣ не могли самостоятельно вести на немъ переговоровъ. Постоянная служба въ совѣтской конторѣ, и русскій языкъ, чаще всего примѣняющійся въ качествѣ служебнаго языка, конечно, не могутъ облегчить спеціалисту изученіе иностраннаго языка. Такіе спеціалисты, для которыхъ иностран-

ный языкъ является большимъ затрудненемъ, которые никакъ не могутъ привыкнуть къ чужому укладу жизни и къ чужимъ обстоятельствамъ, и не могутъ оріентироваться на Западную Европу, возвращаются въ Россію безъ особаго сожалѣнія. Всѣ же другіе спеціалисты пытаются продлить свое пребываніе за границей поскольку возможно.

ПАРТІЙНЫЕ КОММУНИСТЫ ЗА ГРАНИЦЕЙ. СОВѢТСКІЕ ДИПЛОМАТЫ.

Еще своеобразнѣе обстоитъ дѣло съ откомандированными за границу партійными коммунистами, не исполняющими функціи спеціалиста, а занимающими обыкновенныя административныя должности въ заграничныхъ торговыхъ делегаціяхъ СССР. Въ то время какъ при командировкѣ спеціалиста за границу, кромѣ его спеціальныхъ знаній, все же требуется или по крайней мѣрѣ является желательнымъ еще знаніе какого-либо западноевропейскаго языка, для посланнаго за границу партійнаго коммуниста знаніе языка вообще не играетъ никакой роли. Я зналъ партійнаго коммуниста, занимавшаго должность предсѣдателя совѣтскаго банка въ весьма важной въ финансовомъ отношеніи странѣ Европы, который въ моментъ своего назначенія не имѣлъ ни малѣйшаго понятія ни о языкѣ данной страны, ни о банковомъ дѣлѣ.

Партійные коммунисты, состоящіе на совѣтской службѣ и откомандированные за границу, также чрезвычайно охотно проживаютъ за границей. Я при этомъ имѣю въ виду не совѣтскихъ дипломатовъ, а лишь менѣе привиллегированныхъ обыкновенныхъ коммунистовъ. Что каса-

ется совѣтскихъ дипломатовъ, то этому, конечно, не приходится удивляться, потому что они проживаютъ въ бывшихъ посольскихъ дворцахъ царскаго правительства и ведутъ привиллегированную жизнь всякаго другого дипломата въ данной странѣ. Конечно, строгую партійную программу никакъ нельзя примирить съ той свѣтской жизнью, которую приходится вести совѣтскому дипломату въ столицахъ Европы. Но совѣтская дѣйствительность давнымъ давно перешагнула черезъ эти неподвижныя партійныя формулы.

И обыкновенные партійные коммунисты, которые за границей занимаютъ какую-нибудь среднюю должность въ торговомъ представительствѣ и которые не могутъ ссылаться на обязательность предписаннаго для дипломатовъ внѣшняго образа жизни, наслаждаются охотно и по возможности дольше благами и преимуществами западно-европейской культуры. Правда, коммунисты смѣются надъ «обѣдами», которые даются представителями банковъ, крупной промышленности или торговли членамъ совѣтскихъ торговыхъ делегаций или прочихъ совѣтскихъ организацій, безцеремонно издѣваются надъ буржуями, которые «лебезятъ передъ нами и кормятъ насъ, чтобы заполучить жирный заказъ», смѣются надъ филистерствомъ и мелочностью западно-европейца, въ разговорѣ между собой отзываются презрительнѣйшимъ образомъ о лицахъ, угощающихъ ихъ «обѣдомъ», но все таки съ удовольствіемъ ходятъ туда.

Чрезвычайно интересно наблюдать въ такихъ случаяхъ, какъ иной коммунистъ, который на московскихъ митингахъ и среди друзей не находитъ достаточно рѣзкихъ словъ для «кровопіійцъ» и «денежныхъ мѣшковъ», для

котораго въ Москвѣ черный твердый котелокъ, бѣлый крахмальный воротничекъ и выглаженныя брюки являются выраженіемъ самаго реакціоннаго міровоззрѣнія, какъ этотъ же самый человѣкъ на пріемѣ вліятельныхъ банкировъ, политиковъ или промышленниковъ въ Берлинѣ, Лондонѣ или Парижѣ старается разыгрывать предупредительнаго, съ должнымъ пониманіемъ относящагося ко всякому вопросу, политика, благоприличнаго собесѣдника и культурнаго европейца. И эта комедія часто разыгрывается съ успѣхомъ, потому что чуждый совѣтской психикѣ иностранный политикъ или экономистъ даетъ себя чаще всего обворожить подобными внѣшними пріемами, и къ тому же еще льститъ себѣ, пожалуй, что ему удалось вліяніемъ своей личности «укротить льва» и устроить мостъ между капитализмомъ и коммунизмомъ, между Европой и совѣтской Россіей.

Жены состоящихъ въ партіи совѣтскихъ представителей за границей далеко не всегда являются партійными коммунистками. Напротивъ, онѣ иногда представляютъ собой типичное выраженіе того, что въ Москвѣ принято называть «буржуйкой». Если такая дама въ большомъ туалетѣ разсказываетъ въ обществѣ, какъ безумно ее тянетъ въ Москву, то, конечно, каждый прекрасно понимаетъ, какъ должно относиться къ такимъ словамъ. Если же партійная коммунистка, жена высокаго совѣтскаго сановника за границей, проживающая въ прекрасномъ домѣ въ одномъ изъ самыхъ лучшихъ кварталовъ крупной европейской столицы, заявляетъ мнѣ въ присутствіи своего мужа, что она была бы счастлива, если бы вмѣсто этого прекраснаго дома ей представилась возможность имѣть хотя бы двѣ сырыя комнаты въ Москвѣ и тамъ проживать

— когда въ то же время цѣлый рядъ другихъ обстоятельствъ опредѣленно говоритъ о томъ, что эта женщина съ наслажденіемъ проживаетъ въ данной странѣ — то положительно не знаешь, что думать объ этомъ смѣхотворномъ лицемѣріи. Оно лучше всего характеризуется иронической совѣтской поговоркой: «Они безумно рвутся въ Москву, но никакъ не могутъ вырваться».

САЛОННЫЕ КОММУНИСТЫ.

Кромѣ «безпартійныхъ» спеціалистовъ, существуетъ еще очень незначительное количество спеціалистовъ, оффиціально принадлежащихъ къ коммунистической партіи.

Тѣ немногіе — я не хотѣлъ бы обобщать этого сужденія — партійные спеціалисты, которыхъ лично я знаю, представляютъ собой типичныхъ «салонныхъ» коммунистовъ, какихъ часто приходится встрѣчать въ самыхъ различныхъ оттѣнкахъ въ литературныхъ салонахъ европейскихъ столицъ. Въ дѣйствительности, эти лица, — лѣвые демократы со всѣми пріемами интеллигентнаго инженера, юриста, экономиста. Они не являются искренне убѣжденными коммунистами, которые совершенно срослись съ интересами пролетаріата, для которыхъ пролетаріатъ не представляется лишь мертвымъ научнымъ понятіемъ, а пульсирующимъ живымъ организмомъ. Они лишь попутчики, фразеры, люди дѣлающіе на совѣтской службѣ свою карьеру и давнымъ давно понявшіе, что оффиціальная принадлежность къ коммунистической партіи является единственнымъ защитнымъ цвѣтомъ и единственнымъ оружіемъ. Коммунистическая партія, впрочемъ, отлично знаетъ, что думать о такихъ «коммунистахъ», но не упускаетъ

случая иногда и похвастаться такими «партійными» спеціалистами.

За границей мнѣ разъ пришлось посѣтить такого спеціалиста. Мы разговаривали о служебныхъ вопросахъ и хозяинъ дома, по всѣмъ даннымъ западно-европеецъ, прошелся въ весьма злобной критикѣ о русскихъ методахъ работы, о разгильдяйствѣ и халатности, о недостаткѣ отвѣтственности и интереса къ работѣ и о полномъ отсутствіи иниціативы средняго совѣтскаго служащаго. Я слушалъ его внимательно и заявилъ, что я считаю успѣшную совмѣстную работу съ имѣющимся въ Москвѣ персоналомъ служащихъ, иногда лишенныхъ самаго элементарнаго образованія, чрезвычайно трудной, тѣмъ болѣе, что спеціалистъ фактически лишенъ возможности самостоятельнаго выбора своихъ сотрудниковъ и вынужденъ работать съ тѣми служащими, которые предоставляются ему начальствомъ. Мы говорили и о хозяйственныхъ проблемахъ и хозяинъ дома сказалъ въ концѣ концовъ, что онъ чрезвычайно радъ услышать отъ безпартійнаго спеціалиста такую объективную дѣловую критику. Чрезвычайно пораженный этимъ замѣчаніемъ, я спросилъ его о томъ, не является ли онъ членомъ партіи. «Конечно», отвѣтилъ онъ, «развѣ вы этого не знали? Я уже два года въ партіи».

Этотъ человѣкъ, по всѣмъ своимъ пріемамъ, по своему образу жизни, по своимъ воззрѣніямъ никогда даже не порождалъ и мысли о томъ, что онъ коммунистъ. Я и сейчасъ совершенно убѣжденъ, что онъ съ коммунистической идеей ничего общаго не имѣетъ. И все же онъ былъ оффиціальнымъ членомъ коммунистической партіи и какъ таковой имѣлъ за собой опору партіи.

СЛУЖЕБНЫЯ ПРЕСТУПЛЕНІЯ. «ВРЕДИТЕЛИ».

Безпартійный спеціалистъ, даже и послѣ многолѣтней безупречной службы, не можетъ добиться абсолютнаго довѣрія своихъ работодателей. Онъ всегда долженъ считаться съ тѣмъ, что ему въ основѣ не довѣряютъ, что его считаютъ эвентуально способнымъ на нечестный поступокъ. Это — принижающее чувство, вмѣстѣ съ тѣмъ и тяжелое искушеніе.

Подавляющее число спеціалистовъ честно исполняетъ свой долгъ. Иногда имѣются исключенія, иногда кое-кто впадаетъ въ искушеніе, но такіе случаи такъ же происходятъ у партійныхъ совѣтскихъ служащихъ, какъ и у безпартійныхъ спеціалистовъ.

Народный комиссаръ внѣшней торговли Красинъ сдѣлалъ мнѣ 3-го марта 1921 года, въ теченіе долгаго разговора, въ поѣздѣ отъ Берлина до Ганновера, на своемъ сочномъ языкѣ слѣдующее характерное замѣчаніе по поводу этого явленія:

«Наше несчастье въ томъ, что намъ въ нашемъ аппаратѣ приходится работать съ людьми, никогда больше полтинника въ карманѣ не имѣвшими. Какъ только такой субъектъ увидитъ сто рублей, — обязательно положитъ въ карманъ».

Конечно, имѣются, хотя и весьма единичные, случаи, гдѣ данный анти-коммунистически настроенный спеціалистъ или совѣтскій служащій не только использовываетъ свое служебное положеніе для личныхъ цѣлей, но вполнѣ сознательно работаетъ наперекоръ своему служебному долгу и безцеремонно предлагаетъ или прово-

дитъ мѣропріятія, которыя опредѣленно вредны для порученныхъ ему государственныхъ или народно-хозяйственныхъ интересовъ. Шахтинскій процессъ въ рядѣ случаевъ пытался доказать существованіе такихъ «вредителей».

Мнѣ самому въ концѣ сентября 1925 года, уже послѣ моего ухода съ совѣтской службы, сказалъ инженеръ-спеціалистъ Э. К., политически правый, только что прибывшій изъ Россіи и котораго я по прежней моей дѣятельности издавна зналъ:

«Вы видите, вы не могли этого выдержать. Вы ушли. Вы, несмотря на ваше стремленіе къ работѣ, не могли рѣшиться вновь вернуться въ Москву. А вѣдь у васъ вѣроятно еще имѣются извѣстныя иллюзіи относительно этихъ людей. Вы все еще должно быть ищете за словомъ «коммунизмъ» извѣстное идейное содержаніе. Я не имѣю тѣхъ иллюзій, которыя вы имѣли, которыя вы можетъ быть еще сегодня имѣете. Для меня эти люди, несмотря на всѣ ихъ громкія фразы, просто бандиты и разбойники, по отношенію къ моимъ у меня не имѣется ни моральныхъ, ни прочихъ задержекъ. Эти люди меня ограбили, отняли у меня мое имущество, бросили меня и жену въ тюрьму, держали меня мѣсяцами въ страхѣ смерти и въ концѣ концовъ выбросили меня въ морозную зимнюю ночь, нищимъ, на улицу.

И почему? Что же я совершилъ преступленіе, что ли? Нѣтъ. А только потому, что я былъ состоятельнымъ буржуемъ и пытался спасти что-либо и уберечь отъ страшной гибели. Да. Я буржуй, и если вы позволите мнѣ это парадоксальное выраженіе, я — «сознательный буржуй». Я самъ пробилъ себѣ дорогу. Упорнымъ трудомъ, способ-

ностью, предпріимчивостью и смѣлостью, я добился извѣстнаго состоянія. Я всю мою жизнь постоянно работалъ и созидалъ. Я въ качествѣ буржуя, инженера, техническаго мозга страны, имѣю такое же право на существованіе, какъ и рабочій.

Коммунистамъ въ концѣ концовъ потребовались мои спеціальныя знанія и поэтому я сегодня опять занимаю крупную должность. Я лишь теперь, послѣ 8-ми лѣтъ, смогъ вырваться за границу и постараюсь, поскольку я еще нахожусь на совѣтской службѣ, выжать изъ моей нынѣшней должности все то, что только смогу. На бывшихъ частныхъ моихъ должностяхъ я всегда былъ добросовѣстенъ и честенъ и теперь еще продолжалъ бы имъ быть, если бы мнѣ удалось найти за границей должность въ промышленной области. Съ этими же людьми я абсолютно не обязанъ церемониться. По отношенію къ этимъ людямъ невозможно оказаться нечестнымъ».

Этотъ спеціалистъ, который, впрочемъ, вскорѣ послѣ этого оставилъ свой постъ, говорилъ съ такимъ откровеннымъ цинизмомъ, потому что онъ твердо рѣшилъ никогда больше не возвращаться въ совѣтскую Россію.

СОВѢТСКАЯ ЮСТИЦІЯ.

Естественно, что совѣтское правительство, также какъ и всякое другое правительство, борется противъ такихъ служащихъ, которые всегда готовы — по мотивамъ ли корысти или мести, или по политическимъ соображеніямъ — предать или продать порученные имъ интересы.

Если имѣется на лицо взятка или другое служебное преступленіе, если данное лицо поймано съ поличнымъ,

то оно, если дѣло случилось за границей, увольняется немедленно безъ всякаго предупрежденія. Въ моментъ прихода на службу оно находитъ свой письменный столъ закрытымъ, а доступъ къ бумагамъ и документамъ прегражденнымъ. Торговый представитель обычно предоставляетъ такому служащему срокъ въ 24 часа для немедленнаго отъѣзда въ Москву, каковое требованіе служащимъ обычно немедленно отклоняется. Если же имѣется на лицо прямая растрата или другое преступленіе, подлежащее общему суду, то виновный совѣтскій служащій во всякомъ случаѣ предпочтетъ явиться для отвѣта передъ иностраннымъ судомъ.

Если дѣло случилось въ совѣтской Россіи, то виновный предается суду.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что даже въ тѣхъ частыхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ лишь о доносѣ, а не о дѣйствительно совершенномъ преступленіи, заподозрѣнный спеціалистъ или совѣтскій служащій чаще всего все же отказывается отправиться съ цѣлью самооправданія въ Москву. И это вполнѣ понятно.

Шахтинскій процессъ, имѣвшій мѣсто въ Москвѣ лѣтомъ 1928 года, по дѣлу обвиняемыхъ инженеровъ Донецкаго бассейна, вновь ясно доказалъ, что совѣтская юстиція стремится не только къ тому, чтобы наказать дѣйствительно совершенный проступокъ или преступленіе, но считаетъ необходимымъ подвергнуть карѣ и эвентуальную «соціальную вредность», т. е. вредное настроеніе обвиняемаго. Совѣтская юстиція не усматриваетъ своей задачи въ томъ, чтобы, подобно всякому другому правосудію, установить объективную настоящую истину, выяснить совершенное преступленіе во всѣхъ его подроб

ностяхъ, обнаружить дѣйствительнаго виновника преступленія и подвергнуть его предусмотрѣнной закономъ карѣ. Совѣтская юстиція считаетъ себя еще формально однимъ изъ самыхъ сильныхъ орудій въ классовой борьбѣ и чувствуетъ себя призванной къ тому, чтобы изолировать и обезвредить людей, вредное настроеніе коихъ она полагаетъ доказаннымъ или вѣроятнымъ.

Вполнѣ понятно, поэтому, что обвиняемый безпартійный спеціалистъ или совѣтскій служащій встрѣчаетъ у своихъ обвинителей и судей заранѣе самое тяжкое недовѣріе, которое идетъ такъ далеко, что прокуроръ — какъ это случилось, напримѣръ, по дѣлу инженера Кузьмы въ Шахтинскомъ процессѣ — требуетъ безусловной смертной казни за преступленіе, за которое даже совѣтскій верховный судъ приговорилъ его лишь къ тремъ годамъ тюремнаго заключенія.

У обвиняемаго безпартійнаго спеціалиста или совѣтскаго служащаго имѣется столь мало шансовъ оправдать себя передъ совѣтскимъ судомъ или добиться мѣры наказанія, соотвѣтствующей данному преступленію, что вполнѣ понятно, если обвиняемый скорѣе рѣшается погибнуть за границей, чѣмъ подвергнуть себя совершенно не могущему быть предвидѣннымъ приговору совѣтскаго суда, который отъ нѣсколькихъ лѣтъ тюрьмы можетъ дойти до «высшей мѣры наказанія» — до разстрѣла.

БЕЗХОЗЯЙСТВЕННОСТЬ. ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ШПІОНАЖЪ. ДѢЛО БРУНОВСКАГО.

Совѣтская юстиція знаетъ преступленія, именуемыя «безхозяйственность» и «экономическій шпіонажъ», которыя юридически не могутъ быть рѣзко обрисованы.

То, что несвѣдущій человѣкъ считаетъ безхозяйственнымъ, можетъ все таки лежать въ хозяйственномъ интересѣ даннаго треста, предпріятія или государственнаго учрежденія.

То, что сегодня кажется безхозяйственнымъ, можетъ быть сочтено завтра — если предложенное специалистомъ мѣропріятіе оказалось успѣшнымъ — вполнѣ хозяйственнымъ. Съ другой стороны, то что кажется хозяйственнымъ и разумнымъ сегодня, можетъ завтра, при измѣнившейся конъюнктурѣ, оказаться чрезвычайно безхозяйственнымъ и убыточнымъ.

При нормальныхъ условіяхъ, гдѣ довѣритель или работодатель (частное предпріятіе, акціонерное общество, кооперативное товарищество или фискъ) подходитъ къ находящемуся на его службѣ специалисту съ полнымъ довѣріемъ, предложенное специалистомъ въ доброй вѣрѣ хозяйственное мѣропріятіе, хотя бы при измѣнившейся конъюнктурѣ оно и оказалось убыточнымъ, даже ошибка и промахъ, встрѣтятъ судей, относящихся къ дѣлу съ пониманіемъ. Поскольку не имѣется на лицо прямого злоупотребленія, поскольку дѣйствія специалиста не были продиктованы личными и притомъ противорѣчащими интересамъ довѣрителя мотивами, каждый пойметъ, что только тотъ не ошибается въ хозяйственныхъ и дѣловыхъ вопросахъ, кто ничего не дѣлаетъ. Къ служащему и къ специалисту предъявляется лишь требованіе «добропорядочнаго купеческаго радѣнія», т. е. такого мѣропріятія, которое при данной конъюнктурѣ и въ данный моментъ можетъ быть по наилучшему уразумѣнію оправдываемо. И лишь такіе случаи попадаютъ въ судъ, гдѣ имѣется на лицо прямое правонарушеніе.

При совѣтскихъ же условіяхъ, гдѣ довѣритель (фискъ или государственные и полугосударственные тресты и организаціи) сразу же подходитъ къ спеціалисту съ сомнѣніями или весьма часто съ еле скрываемымъ подозрѣніемъ, приводятъ къ судебному обвиненію и такія дѣйствія спеціалиста, которыя ни въ одномъ другомъ правовомъ государствѣ не были бы сочтены достаточнымъ основаніемъ для судебнаго преслѣдованія. Тотъ же фактъ, что разъ обвиненный безпартійный спеціалистъ не можетъ ожидать отъ совѣтскаго суда ничего хорошаго, т. е. ни безпристрастнаго чисто дѣлового разсмотрѣнія его дѣйствій, его хозяйственныхъ предложеній и мѣропріятій, ни дѣйствительно отвѣчающаго размѣру его возможной вины наказанія, — это шахтинскимъ процессомъ вполнѣ доказано.

Еще хуже положеніе спеціалиста, если ему предъявлено обвиненіе въ экономическомъ шпіонажѣ. Что только не понимается подъ экономическимъ шпіонажемъ, если нужно устранить или же окончательно убрать какого-либо политически заподозрѣннаго, или просто попавшаго въ немилость спеціалиста? Почти каждый шагъ, почти каждое мѣропріятіе спеціалиста можетъ, если нужно, съ точки зрѣнія экономическаго шпіонажа, быть истолковано противъ него, и оправдаться отъ такого обвиненія чрезвычайно трудно, чаще всего невозможно.

Приведу здѣсь одинъ изъ самыхъ характерныхъ примѣровъ обвиненія спеціалиста въ экономическомъ шпіонажѣ. Это дѣло ученаго агронома В. Х. Бруновскаго. [1])

---

[1]) См. обширную статью В. Бруновскаго «Дѣло было въ С.С.С.Р.», Архивъ Русской Революціи, томъ XIX, стр. 51-156, Берлинъ 1928 г.

Бруновскій, лѣвый с.-р., занималъ послѣ октябрьской революціи весьма отвѣтственные посты. По приглашенію Ленина, онъ сталъ весною 1919 г. во главѣ снабженія III арміи Восточнаго фронта, засимъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Особой Комиссіи по снабженію всѣхъ армій Восточнаго фронта, и временно, по просьбѣ Троцкаго, былъ предсѣдателемъ Особой Комиссіи при Революціонномъ Военномъ Совѣтѣ Республики по вопросамъ численнаго состава арміи и флота. Въ началѣ 1921 г. онъ, по просьбѣ Зиновьева и Рыкова, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ состоялъ уполномоченнымъ Коминтерна по ликвидаціи секретныхъ цѣнностей, переданныхъ Коминтерну Наркомфиномъ по приказу Политбюро ЦК коммунистической партіи.

Разувѣрившись окончательно въ большевикахъ и въ своей работѣ, онъ отказался отъ новыхъ высокихъ назначеній (отъ назначенія торгпредомъ за границу, сдѣланнаго ему Красинымъ) и перешелъ на агрономическую работу. Будучи уроженцемъ Латвіи, онъ подалъ въ латвійское посольство въ Москвѣ заявленіе объ оптаціи латвійскаго гражданства. Это заявленіе было удовлетворено съ одновременнымъ разрѣшеніемъ въѣзда въ Латвію. Въ 1922 г. онъ организовалъ Общество Русско-Германскаго сближенія, состоявшее изъ ученыхъ, техниковъ и разныхъ общественныхъ дѣятелей, и въ томъ же году, по приглашенію пріѣхавшей въ Москву норвежской экономической делегаціи, сталъ уполномоченнымъ делегаціи по переговорамъ съ совѣтскимъ правительствомъ по ряду важныхъ экономическихъ вопросовъ.

10-го мая 1923 г., за нѣсколько недѣль до предпола-

гавшагося отъѣзда Бруновскаго съ семьей въ Латвію, его, по ордеру ГПУ, арестовали.

Замѣститель Дзержинскаго, Уншлихтъ, заявилъ ему, что скоро будетъ начатъ грандіозный показательный процессъ о шпіонской работѣ Англіи въ СССР, и что Бруновскій могъ бы оказать громадную услугу ГПУ, еслибъ онъ согласился взять на себя въ этомъ процессѣ роль уполномоченнаго англійскаго правительства по производству шпіонажа въ СССР. — Уншлихтъ вмѣстѣ съ тѣмъ завѣрилъ Бруновскаго, что по поводу его осужденія въ порядкѣ процесса ему безпокоиться не приходится, ибо ему будетъ предоставлена возможность, послѣ процесса, жить подъ чужою фамиліей, въ любомъ мѣстѣ СССР. Равнымъ образомъ, будутъ найдены способы вознаградить его по его усмотрѣнію.

Бруновскій отъ этого гнуснаго предложенія категорически отказался и остался непреклоннымъ, несмотря на всѣ застращиванія и на рѣзкое ухудшеніе примѣнявшагося къ нему, во «внутренней тюрьмѣ» на Лубянкѣ, тюремнаго режима.

Бруновскаго, по обвиненію въ экономическомъ шпіонажѣ въ пользу Англіи, Норвегіи и другихъ государствъ, предали суду, его дѣло слушалось 29 сентября 1923 года въ Московскомъ Военно-Революціонномъ Трибуналѣ при закрытыхъ дверяхъ и было направлено къ доследованію, «въ цѣляхъ выясненія той роли, которую Бруновскій сыгралъ въ концессіонной политикѣ СССР».

Второй разъ дѣло слушалось 10-11 декабря 1923 г. въ Военной Коллегіи Верховнаго Суда Республики, при закрытыхъ дверяхъ, по обвиненію «Бруновскаго, Владиміра Христіановича, 37 лѣтъ, латвійскаго подданнаго, безъ

опредѣленныхъ занятій, ученаго агронома, въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 66 часть 1 Уголовнаго Кодекса» (т. е. въ шпіонажѣ).

Бруновскій былъ найденъ виновнымъ «въ собираніи свѣдѣній, носящихъ характеръ государственной тайны и въ сообщеніи ихъ отдѣльнымъ представителямъ иностранныхъ государствъ» и приговоренъ къ разстрѣлу.

Какимъ-то чудомъ Бруновскому — въ то время, когда его везли на автомобилѣ изъ тюрьмы въ судъ — удалось выбросить на улицу, около условленнаго мѣста, гдѣ стояла его сестра, обвинительный актъ по его дѣлу, который былъ поднятъ его сестрою и предъявленъ его женою и сестрою англійскому, норвежскому и латвійскому посольствамъ въ Москвѣ, какъ доказательство обвиненія невиннаго человѣка въ тягчайшемъ государственномъ преступленіи. Англійскій повѣренный въ дѣлахъ г. Ходжсонъ и норвежскій посланникъ г. Якхельнъ предприняли энергичные шаги въ народномъ комиссаріатѣ иностранныхъ дѣлъ, а латвійское правительство заявило протестъ посредствомъ вербальной ноты. Этимъ путемъ удалось предотвратить разстрѣлъ.

Послѣ этого Бруновскій еще цѣлые три года просидѣлъ въ разныхъ тюрьмахъ Москвы въ качествѣ «смертника», вынося невѣроятныя, прямо ужасающія мытарства, неоднократно объявлялъ голодовку и обструкцію и нѣсколько разъ былъ брошенъ въ карцеръ и прикрученъ веревками къ койкѣ.

Въ концѣ концовъ, Бруновскій — вмѣстѣ со своей женою и сестрою, также арестованными послѣ вынесеннаго надъ нимъ смертнаго приговора, и совмѣстно съ другими арестованными латвійскими гражданами — былъ об-

мѣнены 31-го декабря 1926 года противъ осужденныхъ и содержащихся въ Рижской Центральной Тюрьмѣ коммунистовъ агентовъ ГПУ въ Латвіи.

Случай съ Бруновскимъ далеко не единичный. Онъ во всякомъ случаѣ явственно показываетъ, что ожидаетъ безпартійнаго спеца, попавшаго на скамью подсудимыхъ по обвиненію въ экономическомъ шпіонажѣ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Бруновскій — совершенно невинный въ возведенномъ на него обвиненіи — былъ бы разстрѣлянъ, еслибъ онъ случайно не оказался латвійскимъ гражданиномъ и за него не заступились бы своевременно иностранныя посольства.

ВНѢСУДЕБНОЕ ПРЕСЛѢДОВАНІЕ ПРЕСТУПЛЕНІЙ. ДѢЛО ВОЛИНА.

Кромѣ судебной кары преступленій и проступковъ, совѣтскій режимъ знаетъ еще внѣсудебное, происходящее въ застѣнкѣ, преслѣдованіе преступленій. Я цитирую здѣсь одинъ случай изъ практики 1926 года: дѣло Волина.

Когда я весной 1923 года вступилъ въ валютное управленіе, Левъ Волинъ занималъ при валютномъ управленіи довольно неопредѣленное положеніе консультанта, привлекавшагося на различныя специальныя совѣщанія.

Это былъ несомнѣнно человѣкъ высоко интеллигентный, съ хорошей научной подготовкой и съ большой инициативой, но съ чрезмѣрно повышенной самоувѣренностью.

Въ концѣ 1923 года народнымъ комиссаромъ финан-

совъ Сокольниковымъ, цѣнившимъ безграничную работоспособность и оригинальность Волина, было поручено послѣднему завѣдываніе «Особымъ Отдѣломъ Валютнаго Управленія». Этотъ отдѣлъ слѣдилъ за «черной биржей» въ Москвѣ, велъ борьбу съ валютными спекулянтами, контролировалъ частную торговлю золотомъ, серебромъ, золотыми и серебряными монетами, иностранной валютой, новыми государственными займами и другими цѣнными бумагами. Подъ «черной биржей» подразумѣвались полулегальныя, но терпимыя властями встрѣчи мелкихъ биржевыхъ зайцевъ, валютныхъ и иныхъ спекулянтовъ, не допущенныхъ въ качествѣ членовъ на оффиціальную фондовую биржу. Эти встрѣчи происходили ежедневно подъ открытымъ небомъ на площади передъ зданіемъ оффиціальной биржи. Конечно, на черной биржѣ имѣлись многіе агенты экономическаго отдѣла ГПУ.

Волинъ, въ качествѣ начальника этого особаго отдѣла, былъ откомандированъ въ 1924 г. за границу. Ему надлежало сдѣлать попытку возможно выгоднѣе размѣстить конфискованныя въ Совѣтской Россіи акціи и облигаціи русскихъ банковъ, промышленныхъ и прочихъ предпріятій, имѣвшія за границей, въ частности на Парижской биржѣ, еще нѣкоторый курсъ. Засимъ ему было поручено изучить постановку дѣла существующихъ за границей черныхъ биржъ, а равно и положеніе вещей за кулисами оффиціальныхъ иностранныхъ биржъ. Волинъ провелъ нѣкоторое время въ Берлинѣ, пріѣхалъ и въ Амстердамъ, но не могъ добиться въѣздной визы въ Англію.

Во время моего проѣзда, я имѣлъ съ Волинымъ въ Амстердамѣ, въ гостинницѣ «Дуленъ», 24 сентября 1924 года, очень характерный разговоръ.

Мнѣ Волинъ всегда объявлялъ себя «безпартійнымъ», и я дѣйствительно считалъ его таковымъ. И вотъ онъ разсказалъ мнѣ подробно о своей дѣятельности, о своихъ надеждахъ и перспективахъ. Я слушалъ его внимательно и сказалъ ему, что мнѣ лично такая дѣятельность не нравилась бы, хотя я и не отрицаю необходимости строгаго контроля черной биржи. Для меня было бы весьма непріятно встрѣчаться каждый день съ валютными спекулянтами, укрывателями ворованнаго и прочими темными личностями. Помимо этого, имѣется еще и постоянная опасность быть вовлеченнымъ безъ всякой вины въ какое-нибудь грязное дѣло.

Волинъ сказалъ мнѣ тогда иронически:

— Видите ли, вы не понимаете положенія. Скажу вамъ откровенно — ваша голова дѣйствительно ломаннаго гроша не стоитъ. Какъ бы вы добросовѣстно не исполняли ваши функціи, вамъ ни одинъ человѣкъ въ партіи не повѣритъ, что вы проводите вашу задачу безкорыстно, въ интересахъ дѣла и совѣтской республики. Для Москвы, для партіи — вы ни что иное, какъ спеціалистъ, котораго пригласили изъ за границы изъ за его спеціальныхъ знаній и котораго, конечно, встрѣчаютъ съ нужнымъ подозрѣніемъ. Положеніе вещей въ совѣтской Россіи вамъ чуждо и мало симпатично, и у васъ въ Москвѣ нѣтъ ни одного личнаго друга и не будетъ ни малѣйшей опоры, если бы съ вами случилась какая-нибудь бѣда.

— Что вы хотите этимъ сказать, сказалъ я.

В.: — Вы ведете опасную игру. Вы торгуете платиной и заключаете милліонные договоры. Вы безпартійный, и къ тому же иностранецъ. Если въ вашихъ дѣйствіяхъ найдутъ хоть что-нибудь, если вамъ припишутъ малѣйшую

оплошность и вы этимъ попадете въ руки ГПУ, то вы конченный человѣкъ. Вы можете писать тогда ваше завѣщаніе.

Л.: — Но для этого нѣтъ никакихъ основаній.

В.: — Не стройте изъ себя простачка. Вѣдь вы же видѣли, какъ не легко вамъ пришлось въ послѣдній разъ выбраться изъ Москвы. Неужели же вы думаете, что если вамъ удалось дважды выскочить изъ Россіи, то вы можете быть увѣрены и въ третьемъ разѣ? Укротитель звѣрей по сто разъ кладетъ голову въ пасть льва, а въ сто первый разъ левъ отгрызаетъ ему голову.

Л.: — Имѣется ли у васъ особое основаніе дѣлать мнѣ подобное предсказаніе?

В.: — Нѣтъ, но я только хотѣлъ показать вамъ, что ваше положеніе гораздо хуже, чѣмъ мое, и что ваши служебныя функціи гораздо опаснѣе моихъ. У меня въ Москвѣ среди партійныхъ людей есть много вліятельнѣйшихъ близкихъ друзей. Я знаю каждаго отдѣльнаго изъ сыщиковъ, которые снуютъ у меня на биржѣ и я со всѣми ими поддерживаю прекраснѣйшія отношенія. Если случится хоть что-нибудь, то меня уже своевременно предупредятъ. И если я дѣйствительно попаду въ лапы ГПУ, то мои друзья меня защитятъ, ибо я не дѣлаю ничего дурного и ни у кого не вытаскиваю денегъ изъ кармана. Для васъ же никто пальцемъ о палецъ не ударитъ. Мы вѣдь находимся въ Амстердамѣ и говоримъ съ глазу на глазъ. Насъ вѣдь никто не слышитъ. Поэтому намъ нечего ломать комедію другъ передъ другомъ. Попросту говоря, я вамъ совѣтую: останьтесь вы тамъ, гдѣ вы сейчасъ находитесь.

Л.: — Я благодарю васъ за вашу откровенность и

крѣпко подумаю о вашихъ словахъ. Конечно ,вы правы, въ отличіе отъ васъ я въ Москвѣ не имѣю ни единаго вліятельнаго друга. И все же я совѣтую вамъ искренне: уйдите отъ «черной биржи». Поищите себѣ въ валютномъ управленіи или въ наркомфинѣ другое поле дѣятельности, въ которомъ не имѣется постоянной опасности быть вовлеченнымъ въ темное дѣло.

На этомъ мы разошлись, Волинъ чрезвычайно оптимистически, а я въ раздумьи и удрученный разговоромъ.

Въ 1925 году Волинъ долго жилъ въ Берлинѣ и Парижѣ. У него имѣлись широкія полномочія отъ народнаго комиссаріата финансовъ и онъ все еще работалъ въ «Особомъ Отдѣлѣ». Онъ много тратилъ и жилъ очень широко. Въ мартѣ 1926 года, когда онъ стоялъ какъ разъ передъ новой командировкой за границу, онъ былъ арестованъ въ Москвѣ.

Волинъ былъ обвиненъ въ томъ, что онъ использовалъ свое служебное положеніе «для дезорганизаціи валютнаго и фондоваго рынка» и что онъ, совмѣстно съ нѣкоторыми другими сотрудниками народнаго комиссаріата финансовъ и частными биржевыми маклерами, велъ на биржѣ «преступную спекуляцію золотомъ, иностранной валютой и государственными цѣнными бумагами». Обвиняемые, якобы, стремились «вызывать искусственное повышеніе спроса на золото и иностранную валюту и намѣренно понижать курсъ государственныхъ цѣнныхъ бумагъ».

4-го мая 1926 года Левъ Волинъ, совмѣстно съ двумя другими сотрудниками народнаго комиссаріата финансовъ (А. Чепелевскимъ и Л. Рабиновичемъ) былъ приговоренъ особымъ присутствіемъ ГПУ къ разстрѣлу, 5-го

мая приговоръ въ отношеніи этихъ трехъ лицъ былъ приведенъ въ исполненіе и 6 го мая соотвѣтственное оффиціальное сообщеніе помѣщено въ московскихъ газетахъ. Всѣ остальные обвиняемые были приговорены къ заключенію въ концентраціонные лагери на различные сроки. Все ихъ имущество было конфисковано

Настоящій объемъ совершеннаго Волинымъ правонарушенія не подлежитъ здѣсь обсужденію, такъ какъ все производство происходило при полномъ исключеніи публичности, а приговоръ былъ объявленъ во внѣсудебномъ порядкѣ. Но какъ бы велика ни была вина Волина, подобное правонарушеніе ни въ какомъ правовомъ государствѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ не могло быть караемо смертью.

Я думаю, что Волинъ еще сегодня былъ бы живъ, если бы онъ послушался моего совѣта, ушелъ бы отъ «черной биржи» и нашелъ бы себѣ другое поле дѣятельности.

Производство противъ Волина и его сообщниковъ имѣло, впрочемъ, еще и политическую подкладку. Оно было предпринято нѣкоторыми кругами, какъ ударъ противъ народнаго комиссара финансовъ Сокольникова, который вынужденъ былъ оставить свой постъ и который долженъ былъ быть тяжело пораженъ самимъ приговоромъ и выраженнымъ въ немъ осужденіемъ обнаруженныхъ въ народномъ комиссаріатѣ финансовъ неурядицъ.

Волинъ долженъ былъ заплатить за этотъ политическій шахматный ходъ своей жизнью. Его твердая надежда на друзей не оправдалась.

ДѢЛО БЕСѢДОВСКАГО.

Система неотступной слѣжки и сыска не ограничивается одними «спецами». Она распространяется также и на совѣтскихъ дипломатовъ за границею. Въ каждомъ совѣтскомъ посольствѣ имѣется особый совершенно независимый отъ посла отдѣлъ ГПУ, куда доступъ воспрещенъ не только обыкновеннымъ посольскимъ служащимъ, но и партiйнымъ членамъ посольства, если у нихъ нѣтъ на то спецiальнаго полномочiя. Эти отдѣлы занимаются коммунистическою пропагандою въ данномъ государствѣ, пропагандою въ войскахъ, колонiяхъ и т. п.

Яркимъ доказательствомъ методовъ, практикуемыхъ при этомъ ГПУ, является случай съ первымъ совѣтникомъ посольства СССР и полномочнымъ представителемъ совѣтской Украины во Францiи, Г. З. Бесѣдовскимъ, замѣщавшимъ въ концѣ сентября — началѣ октября 1929 г. находившагося въ Лондонѣ посла Довгалевскаго.

По разсказу самого Бесѣдовскаго, появившемуся на другой день въ парижскихъ газетахъ, дѣло происходило такъ:

2-го октября 1929 г., въ 3 часа дня, неожиданно явился въ Парижъ въ зданiе посольства «ревизоръ» Ройзенманъ, членъ коллегiи ГПУ, собралъ вокругъ себя служащихъ и заявилъ имъ, что отнынѣ онъ распоряжается въ посольствѣ. Засимъ Ройзенманъ вызвалъ къ себѣ Бесѣдовскаго и имѣлъ съ нимъ бесѣду по поводу его политическихъ взглядовъ, проявлявшихъ сильный «уклонъ» отъ предписаннаго свыше правовѣрнаго образа мыслей. Разговоръ этотъ, длившiйся около двухъ часовъ, окончил-

ся ударами Ройзенмана кулакомъ по столу и рѣзкими окриками на Бесѣдовскаго. Ройзенманъ заявилъ Бесѣдовскому, что онъ контръ-революціонеръ и долженъ немедленно выѣхать въ Москву, чтобы отчитаться передъ партійнымъ судомъ въ своей ереси. Бесѣдовскій отъ поѣздки въ Москву отказался, вышелъ изъ комнаты и рѣшилъ немедленно выѣхать изъ посольства вмѣстѣ со своею женою и сыномъ.

Когда онъ подошелъ къ воротамъ, желая выйти на улицу, его остановилъ швейцаръ, который, угрожая револьверомъ, заявилъ ему: «Если вы сдѣлаете еще шагъ, я васъ убью на мѣстѣ. Возвращайтесь въ вашу комнату».

Усматривая серьезнѣйшую опасность для своей жизни и не желая остаться ни одной минуты болѣе въ посольствѣ, дабы съ нимъ не произошелъ какой-либо «несчастный случай», Бесѣдовскій вернулся въ зданіе посольства, прошелъ оттуда въ прилегающій къ посольству садъ, перескочилъ черезъ нѣсколько заборовъ и оказался во дворѣ сосѣдняго дома. Онъ немедленно обратился къ французской полиціи и съ ея помощью въ тотъ же вечеръ вывезъ изъ посольства жену и сына.

На другое утро совѣтское посольство оффиціально оповѣстило французскія газеты, что Бесѣдовскій совершилъ крупную растрату и что онъ выдумалъ всю эту исторію, дабы придать чисто уголовному дѣлу характеръ политическаго разногласія.

Случай этотъ, не имѣющій прецедента въ дипломатической исторіи и представляющій собою неслыханный скандалъ «въ обще-міровомъ масштабѣ», подтверждаетъ вновь, что дѣйствительнымъ хозяиномъ совѣтской Россіи является политическая полиція, ГПУ, которая управляетъ

всѣмъ и всюду, вплоть до пословъ включительно. Если она почему-либо это считаетъ необходимымъ, она раздѣлывается съ партійными совѣтскими дипломатами, такъ же, какъ съ безпартійными спецами, тѣми же методами и съ тѣмъ же успѣхомъ.

Только въ отношеніи безпартійныхъ спецовъ даже разстрѣлы безъ суда вызываютъ лишь минутный интересъ привыкшей постепенно къ подобнымъ извѣстіямъ Европы, между тѣмъ какъ бѣгство совѣтскаго дипломата изъ зданія посольства въ Парижѣ, вызванное угрозою убійства со стороны агентовъ ГПУ, представляетъ собою рекордъ, до сихъ поръ еще нигдѣ не виданный, и поэтому приковываетъ къ себѣ вниманіе всего цивилизованнаго міра.

Оффиціальное же обвиненіе совѣтскимъ посольствомъ своего перваго совѣтника въ крупной растратѣ — ничѣмъ не доказанное и встрѣчающее всеобщее и абсолютное недовѣріе — еще болѣе усугубляетъ то тяжелое впечатлѣніе полнаго отсутствія достоинства и глубокаго презрѣнія всякой правомѣрности, которое получается отъ вышеприведеннаго случая.

«НЕВОЗВРАЩЕНЦЫ».

Вся обстановка, въ которой протекаетъ дѣятельность спеца на совѣтской службѣ, крупная отвѣтственность, лежащая на немъ и отсутствіе надлежащихъ гарантій его личной безопасности, усиленно проявляющаяся послѣ шахтинскаго процесса тенденція сдѣлать спецовъ лично отвѣтственными за неурядицы и «неувязки» совѣтской экономической жизни и за неудачный исходъ техниче-

скихъ мѣропріятій, постоянная опасность попасть въ связи съ этимъ въ тюрьму или подъ разстрѣлъ, а также чрезвычайно сгустившаяся атмосфера т. н. «спецеѣдства», въ особенности по отношенію къ инженерамъ и техникамъ, занятымъ на производствѣ, приводитъ за послѣднее время къ двоякому явленію.

Инженеры и техники, работающіе въ предѣлахъ С.С.С.Р., стремятся по возможности уйти съ фабрикъ, рудниковъ и заводовъ и спасаться на государственной службѣ или на службѣ трестовъ, на второстепенныхъ или менѣе отвѣтственныхъ должностяхъ.

Спецы же, находящіеся на совѣтской службѣ за границей, со все растущимъ безпокойствомъ думаютъ о томъ, что ихъ ожидаетъ въ С.С.С.Р., и все чаще начинаютъ отказываться отъ возврата въ Москву.

Ввиду того, что число этихъ «невозвращенцевъ» все болѣе увеличивается, совѣтское правительство — въ связи съ дѣломъ Бесѣдовскаго — рѣшилось принять совершенно средневѣковую по своему характеру мѣру, которая является небывалой даже для совѣтскаго законодательства. Оно объявило «невозвращенцевъ» внѣ закона и опубликовало 22 ноября 1929 г. нижеслѣдующее постановленіе Центральнаго Исполнительнаго Комитета (ЦИК) С.С.С.Р.:

«1. Отказъ гражданина С.С.С.Р. — должностного лица государственнаго учрежденія или предпріятія С.С.С.Р., дѣйствующаго заграницей, на предложеніе органовъ государственной власти вернуться въ предѣлы С.С.С.Р. разсматривать какъ перебѣжку въ лагерь враговъ рабочаго класса и крестьянства и квалифицировать какъ измѣну.

2. Лица, отказавшіяся вернуться въ С.С.С.Р., объявляются внѣ закона.

3. Объявленіе внѣ закона влечетъ за собой:

а) конфискацію всего имущества осужденнаго;

б) разстрѣлъ осужденнаго черезъ 24 часа послѣ удостовѣренія его личности.

4. Всѣ подобныя дѣла разсматриваются Верховнымъ судомъ С.С.С.Р.

5. Имена объявленныхъ внѣ закона подлежатъ сообщенію всѣмъ исполнительнымъ комитетамъ совѣтовъ и органамъ ГПУ.

Настоящій законъ имѣетъ обратную силу».

Ввиду того, что это постановленіе имѣетъ обратную силу, то создается совершенно своеобразное положеніе, при которомъ за границей проживаетъ цѣлый рядъ совѣтскихъ гражданъ, эвентуальныхъ «смертниковъ», подлежащихъ немедленному разстрѣлу, какъ только они окажутся въ предѣлахъ С.С.С.Р.

Конечно, и эта драконовская мѣра не побудитъ спецовъ, рѣшившихся остаться за границей, возвратиться въ совѣтскую Россію. Наоборотъ, она отпугнетъ только тѣхъ, кто еще состоитъ на совѣтской службѣ за границей.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Совѣтское правительство въ своихъ собственныхъ интересахъ должно стремиться къ тому, чтобы обезпечить себѣ цѣлую армію опытныхъ, знающихъ, честныхъ и лойяльныхъ спеціалистовъ во всѣхъ областяхъ государственной жизни.

При томъ еще прежде существовавшемъ, а теперь еще болѣе обострившемся недостаткѣ въ интеллигентныхъ техническихъ, экономическихъ и научныхъ силахъ для такого огромнаго государства, какъ совѣтская Россія, съ его многоплеменнымъ и многоязычнымъ населеніемъ, совѣтское правительство положительно вынуждено обходиться съ существующими силами съ особой осторожностью и стремиться къ тому, чтобы примирить ихъ съ существующими условіями жизни, съ господствующимъ режимомъ.

Такимъ производствомъ, какъ шахтинскій процессъ и подобные показательные процессы, которые предшествовали ему въ другихъ областяхъ и еще будутъ за нимъ слѣдовать, трудная проблема спеціалиста на совѣтской службѣ навѣрное не будетъ разрѣшена.

Эти процессы, кромѣ политической пропаганды, имѣютъ прежде всего въ виду запугивать враждебные совѣт-

ской власти элементы. Послѣ шахтинскаго процесса, по словамъ государственнаго обвинителя тов. Н. В. Крыленко, сказаннымъ имъ въ концѣ своей обвинительной рѣчи, «всѣ тѣ вредители, которые еще существуютъ, въ отношеніи которыхъ еще производится работа предварительнаго разслѣдованія и тѣ вредители, которые нами не раскрыты, ихъ заграничные соратники и друзья, ихъ заграничные вдохновители, въ какомъ бы государствѣ они не находились и какія бы функціи они тамъ не несли, должны понять, что достаточно есть еще силъ и мощи у совѣтской власти и что расправляться со своими врагами она не разучилась».

Система желѣзнаго всераздробляющаго кулака, можетъ быть, хороша для физическаго уничтоженія политическихъ враговъ. Но она не является надлежащимъ средствомъ для срочно требующагося возстановленія страны; она не пригодна и къ тому, чтобы создать у спеціалистовъ, безъ содѣйствія которыхъ возстановленіе страны невозможно, необходимый порывъ для активной и творческой работы.

Это случится лишь тогда, когда та страшная политическая тяжесть, которая нынѣ лежитъ на совѣтской Россіи, наконецъ, спадетъ и этому великому государству, обнимающему одну шестую часть земного шара, будутъ предоставлены элементарныя политическія права и свободы.

Тогда и только тогда, смогутъ быть преодолѣны стоящіе передъ страной крупные хозяйственные и финансовые вопросы, тогда и только тогда сможетъ безъ особаго труда быть разрѣшенъ и вопросъ о спеціалистѣ на совѣтской службѣ, нынѣ представляющійся столь острымъ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ
КЪ АНГЛІЙСКОМУ ИЗДАНІЮ

РАЗСТРѢЛЪ СПЕЦІАЛИСТОВЪ ПО ПРИГОВОРУ ОГПУ ВЪ МАѢ 1929 г.

За нѣсколько дней до напечатанія въ Берлинѣ настоящей книги въ подлинникѣ, а именно 23 мая 1929 года, въ московской печати появилось слѣдующее оффиціальное сообщеніе ОГПУ:

«Объединеннымъ Государственнымъ Политическимъ Управленіемъ раскрыты контръ-революціонныя организаціи на желѣзнодорожномъ транспортѣ и въ золото-платиновой промышленности Союза, поставившія себѣ цѣлью сверженіе совѣтской власти, помощь иностранной интервенціи и возстановленіе въ странѣ капиталистическаго строя.

Своей цѣли онѣ добивались путемъ вредительства и дезорганизаціи этихъ отраслей народнаго хозяйства.

Идеологическими вдохновителями и практическими руководителями въ нихъ были:

По к.-р. организаціи на транспортѣ: Фонъ-Меккъ, Н. К. — бывшій потомственный дворянинъ, бывшій предсѣ-

датель правленія общества частной Московско-Казанской жел.-дороги, ея крупнѣйшій акціонеръ. Въ послѣднее время начальникъ экономической секціи центрально-планового управленія НКПС.

Величко, А. Ф. — бывшій потомственный дворянинъ, бывшій начальникъ перевозокъ при царской ставкѣ. Въ послѣднее время членъ президіума Всесоюзной ассоціаціи инженеровъ и предсѣдатель ея транспортной секціи, членъ центральнаго комитета НКПС по перевозкамъ.

По к.-р. организаціи въ золото-платиновой промышленности:

Пальчинскій, П. А. — бывшій товарищъ министра торговли и промышленности въ правительствѣ Керенскаго, бывшій комендантъ защиты Зимняго дворца въ октябрьскіе дни 1917 года. Въ послѣднее время бывшій профессоръ Ленинградскаго горнаго института.

Коллегія ОГПУ, въ засѣданіи своемъ отъ 22 мая 1929 г., разсмотрѣвъ дѣло вышеуказанныхъ организацій, постановила: Фонъ-Мекка, Н. К., Величко, А.Ф. и Пальчинскаго, П. А., какъ контръ-революціонныхъ вредителей и непримиримыхъ враговъ совѣтской власти, разстрѣлять.

Приговоръ приведенъ въ исполненіе.

Остальные участники указанныхъ к-р. организацій приговорены на разные сроки заключенія въ концлагеря.

Зам. предсѣдателя ОГПУ Г. Ягода.

Москва, 23 мая 1929 года».

Какъ видно изъ этого извѣщенія, составленнаго суконнымъ казеннымъ языкомъ, три выдающихся спеціалиста, занимавшіе въ хозяйственной жизни Россіи высокое

положеніе, какъ до, такъ и послѣ революціи, были приговорены къ смерти и немедленно разстрѣляны безъ какой-бы то ни было предварительной судебной процедуры, лишь на основаніи простого постановленія ОГПУ. Обвиняемымъ не было предоставлено возможности защищать себя противъ возведенныхъ на нихъ обвиненій даже передъ совѣтскимъ судомъ, т.-е. передъ такимъ форумомъ, отъ котораго безпартійные спеціалисты во всякомъ случаѣ не могли ожидать никакой милости и снисхожденія.

Какъ въ самые темные средніе вѣка, какъ во время инквизиціи, три человѣка, занимавшихъ высокое общественное положеніе, были обречены на смерть и разстрѣляны въ подземныхъ камерахъ Лубянки, тайно, всемогущей тайной полиціей, этимъ государствомъ въ государствѣ.

И это событіе совершается въ тотъ самый моментъ, когда совѣтскій комиссаріатъ иностранныхъ дѣлъ дѣлаетъ отчаянныя усилія къ возобновленію дипломатическихъ отношеній съ Великобританіей и къ достиженію признанія совѣтской Россіи Соединенными Штатами Сѣверной Америки, въ тотъ именно моментъ, когда великобританскіе промышленники и купцы приглашаются въ Москву съ цѣлью ознакомленія на мѣстѣ съ существующими въ странѣ условіями, и когда дѣлаются крайнія попытки къ полученію займа въ Англіи. Другими словами, въ тотъ самый моментъ, когда совѣтская Россія имѣетъ всѣ основанія показаться за границей въ свѣтѣ дѣйствительно современнаго правового государства.

Нечего послѣ этого удивляться тому, что совѣтская Россія считается страной «неограниченныхъ невозможностей», неразрѣшимыхъ противорѣчій.

То, что даже такіе круги, которые до сихъ поръ были благорасположены по отношенію къ совѣтской Россіи, думаютъ о такой тактикѣ, явствуетъ изъ слѣдующихъ строкъ въ статьѣ, появившейся въ Берлинѣ 25 мая 1929 года въ «Vossische Zeitung», органѣ германской прогрессивной демократіи:

«Три новыхъ смертныхъ приговора, вынесенные ГПУ противъ такъ называемыхъ спецовъ, являются новымъ доказательствомъ невозможности работать въ качествѣ эксперта въ совѣтской Россіи. Всѣ тѣ, которые хотя бы въ какой бы то ни было мѣрѣ знакомы съ условіями, существующими въ Россіи , поймутъ, что для людей, за которыми идетъ слѣжка и которые окружены недовѣріемъ большимъ, чѣмъ какое бы то ни было лицо въ мірѣ, абсолютно невозможно принять участіе въ какомъ бы то ни было заговорѣ. Спеціалисты на совѣтской службѣ знаютъ, что за каждымъ ихъ шагомъ слѣдятъ, что каждое слово, которое они говорятъ, отмѣчается и что каждое дѣйствіе или упущеніе толкуется въ неблагопріятномъ для нихъ смыслѣ. Заговоръ, въ которомъ только что казненныя три лица якобы были замѣшаны, является просто плодомъ фантазіи. Совершенно ясно, что этотъ разстрѣлъ не былъ ничѣмъ инымъ, какъ превентивный актъ террора, какъ политическій маневръ, какъ простое судебное убійство, если только эпитетъ «судебное» вообще можетъ быть примѣненъ къ такому производству, которое ничего общаго не имѣетъ съ общепризнанными принципами суда и права».

Совершенно потрясающимъ и ошеломляющимъ является тотъ фактъ, что этими послѣдними тремя смертными приговорами, которые бросаютъ молніеносный свѣтъ на

трагедію, переживаемую спеціалистомъ на совѣтской службѣ, совѣтская дѣйствительность вполнѣ опредѣленно подтвердила тѣ свѣдѣнія, которыя сообщены въ настоящей книгѣ и тѣ выводы, которые изъ нея вытекаютъ.

Во всякомъ случаѣ, всѣ безпартійные спеціалисты, которые находятся еще на совѣтской службѣ, будутъ ощущать эти смертные приговоры какъ ударъ въ лицо и какъ тяжкую угрозу ихъ собственной безопасности. Ибо при существующихъ въ совѣтской Россіи условіяхъ, въ особенности, если дѣло идетъ о внѣсудебномъ производствѣ, каждый спеціалистъ подверженъ опасности быть заклейменнымъ въ качествѣ «контръ-революціоннаго вредителя и непримиримаго врага совѣтской власти», и какъ таковой можетъ оказаться приговореннымъ къ смертной казни. Принимая во вниманіе полную невозможность установленія ясныхъ правовыхъ границъ и точнаго опредѣленія понятія того преступленія, которое именуется «вредительствомъ» и «непримиримой враждою», ясно, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ неизбѣжно предоставляется «революціонной совѣсти» судьи или ГПУ поступать съ обвиняемымъ, какъ имъ будетъ угодно. Совершенно беззащитные и лишенные возможности оправдываться, обвиняемые могутъ быть либо приговорены къ смерти немедленно, либо посланы въ тюрьму или въ ссылку, дабы продолжать влачить жизнь полную муки и горя.

Вполнѣ естественно, что такія перспективы должны пугать и подавлять безпартійныхъ спеціалистовъ на совѣтской службѣ, и злосчастныя послѣдствія, вытекающія изъ такого положенія для развитія экономической жизни въ странѣ, конечно, не трудно предвидѣть.

Послѣ всего изложеннаго считаю моимъ долгомъ ска-

зать нѣсколько словъ по отношенію къ одному изъ тѣхъ трехъ лицъ, которые такъ трагически погибли, а именно о горномъ инженерѣ Петрѣ Іоакимовичѣ Пальчинскомъ, котораго я зналъ хорошо и смерть коего произвела на меня глубочайшее впечатлѣніе.

Начиная со 2-го января 1916 года до начала русской революціи въ мартѣ 1917 года, я работалъ съ Пальчинскимъ ежедневно и ежечасно въ правленіи одного изъ самыхъ крупныхъ горнопромышленныхъ предпріятій Россіи: Пальчинскій въ качествѣ члена правленія, а я въ качествѣ директора торговаго отдѣла.

Пальчинскій былъ человѣкъ съ темпераментомъ, высоко-одаренный, честолюбивый и убѣжденный общественный дѣятель въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Въ началѣ мартовской революціи 1917 года онъ былъ назначенъ товарищемъ министра торговли и промышленности и съ присущей ему энергіей посвятилъ себя своей новой дѣятельности. 7-го ноября 1917 года, когда Зимній Дворецъ, куда укрылись члены кабинета, былъ взятъ приступомъ, Пальчинскій былъ арестованъ и просидѣлъ въ тюрьмѣ долгое время.

Политически стоя близко къ правому крылу партіи соціалистовъ-революціонеровъ, онъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ, которые послѣ большевистской революціи являлись противниками саботажа. Послѣ своего освобожденія изъ тюрьмы, онъ предоставилъ свои услуги въ качествѣ специалиста въ распоряженіе государства.

Хотя Пальчинскій, знавшій нѣсколько европейскихъ языковъ, въ концѣ 1922 года имѣлъ возможность выѣхать за границу, онъ сознательно остался въ Россіи, стремясь посвятить свою дѣятельность служенію родной странѣ.

Я убѣжденъ, что совершенно невозможно, чтобы Пальчинскій принялъ участіе въ активномъ заговорѣ противъ совѣтской власти. Я также убѣжденъ, что Пальчинскій не только не принималъ участія лично, но и не оказывалъ ни малѣйшаго содѣйствія какимъ бы то ни было мѣрамъ, направленнымъ на «вредительство» или «дезорганизацію» экономической жизни Россіи... [1])

И какъ разъ этотъ человѣкъ, стоявшій въ смыслѣ энергіи и знаній такъ высоко надъ общимъ уровнемъ, этотъ человѣкъ съ горячимъ сердцемъ, бьющимся для родины, долженъ былъ заплатить своей жизнью, лишь потому, что 12 лѣтъ спустя послѣ революціи онъ показался ГПУ «вредителемъ» и «непримиримымъ врагомъ совѣтской власти», лишь потому, что онъ, по заявленію ГПУ, якобы былъ «идеологическимъ вдохновителемъ и практическимъ руководителемъ контръ-революціонной организаціи въ золото-платиновой промышленности».

Если совѣтская платиновая промышленность, которая могла бы давать ежегодную прибыль въ нѣсколько милліоновъ долларовъ, нынѣ еле сводитъ концы съ концами, не давая никакой прибыли или почти никакой, то это обстоятельство ни малѣйшаго отношенія не имѣетъ къ какой-либо контръ-революціонной организаціи. За этотъ фактъ отвѣтственны исключительно лишь партійныя власти, которыя, вопреки моему заключенію, вмѣшались въ дѣло и радикально повернули ту политику по реализаціи платины, которой валютное управленіе слѣдовало до конца марта 1927 года.

---

[1]) Здѣсь слѣдуетъ сокращенная передача моего разговора съ П. І. Пальчинскимъ въ маѣ 1923 г. въ Москвѣ, приведеннаго полностью въ 6-ой главѣ этой книги.

Во всемъ остальномъ свѣтѣ химическіе и техническіе эксперименты дѣлаются въ лабораторіяхъ и въ мастерскихъ, и при этомъ лишь въ маленькихъ дозахъ и съ ограниченнымъ матеріаломъ. Въ совѣтской-же Россіи, наоборотъ, самые безумные экономическіе эксперименты, нигдѣ прежде не испытанные, производятся безъ малѣйшей подготовки надъ цѣлыми провинціями, надъ милліонами людей, надъ цѣлой страной, въ «общегосударственномъ масштабѣ», какъ объ этомъ высокопарно заявляется на совѣтскомъ казенномъ языкѣ.

И когда эти эксперименты проваливаются, когда они даютъ результаты прямо противоположные тѣмъ, которыхъ ожидала партія, то за эти катастрофическіе результаты должны отвѣчать козлы отпущенія въ лицѣ безпартійныхъ спецовъ, которые приносятся въ жертву за то, что они вынужденно участвовали въ означенныхъ экспериментахъ.

Таково положеніе въ желѣзнодорожномъ транспортѣ, таково же оно при хлѣбныхъ заготовкахъ, въ угольной промышленности, въ платиновой промышленности и т. д.

Въ дѣйствительности вина лежитъ на всей политической и экономической системѣ, а не на деталяхъ таковой. Виновны тѣ фактическія условія жизни, которыя нынѣ установились въ совѣтской Россіи, а не отдѣльныя лица или тѣ козлы отпущенія, на коихъ палъ выборъ.

И какъ разъ съ этимъ фактомъ коммунистическая партія, находящаяся у власти, не можетъ согласиться, какъ разъ его она не хочетъ понять. Иначе исчезъ бы всякій смыслъ для существованія произвольной диктатуры партіи, иначе осталось бы лишь голое стремленіе къ вла-

сти маленькой группы лицъ, отдѣльные члены коей борятся другъ съ другомъ, политическій идеализмъ коихъ давнымъ давно испарился и которыя нынѣ твердо рѣшили удерживать въ своихъ рукахъ имѣющуюся у нихъ власть всѣми мѣрами и какой угодно цѣной.

И именно въ этомъ то и лежитъ трагедія специалиста на совѣтской службѣ, и трагедія всей проблемы совѣтской Россіи вообще.

Авторъ.

Парижъ, іюнь 1929 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ РУССКОМУ ИЗДАНІЮ.

Опросный листъ

имѣющій быть заполненнымъ при поступленіи на совѣтскую государственную службу.

Форма № 1.

ОТДѢЛЪ ЛИЧНАГО СОСТАВА Н.К.И.Д.

Опросный листъ-заявленіе.

1. Фамилія, имя, отчество.
2. Время и мѣсто рожденія.
3. Семейное положеніе (женатъ, холостъ, вдовъ).
4. Перечислить членовъ семьи, живущихъ на иждивеніи, съ точнымъ указаніемъ имени, отчества, фамиліи, возраста, общественнаго положенія и ихъ точный адресъ.
5. Перечислить членовъ семьи и ближайшихъ родственниковъ, не живущихъ на иждивеніи, съ точнымъ указаніемъ имени, отчества, фамиліи, возраста, общественнаго положенія и адреса (отца, матери, сестеръ).

6. Точно указать сословіе или происхожденіе до революціи: изъ крестьянъ, мѣщанъ, дворянъ, купцовъ, поч. гражданъ, дух. зван., воен. сосл. и т. д.
7. Точно указать профессію родителей или лицъ ихъ замѣнявшихъ.
8. Когда стали жить самостоятельнымъ трудомъ.
9. Образованіе (точно перечислить всѣ учебныя заведенія, гдѣ вы учились, съ указаніемъ объема пройденнаго вами въ нихъ курса и времени пребыванія въ нихъ. Если не кончили курса полнаго, то почему).
10. Ваша профессія.
11. Національность.
12. Какіе иностранные языки знаете (говорите, читаете, пишете и владѣете литературно).
13. Гдѣ, когда, на какихъ должностяхъ приходилось вести работу на иностранныхъ языкахъ, сколько времени.
14. Были ли за границей, когда и въ какихъ условіяхъ уѣзжали, работали ли за границей и когда вернулись.
15. Когда были призваны на военную службу.
16. Часть войскъ, послѣдній бывшій чинъ и занимаемая должность въ старой арміи.
17. Служили ли въ Красной арміи. Когда, гдѣ и на какой должности.
18. Проходили ли курсъ всеобщаго военнаго обученія. Гдѣ и когда.
19. Ваше отношеніе къ воинской повинности въ настоящее время: а) состоите ли на учетѣ, б) подлежите ли зачисленію въ Красную армію, в) когда и гдѣ приняты на учетъ, г) если сняты съ учета, когда и по

какой причинѣ, д) если предоставлена отсрочка — для чего и на какой срокъ, е) если признаны негоднымъ къ военной службѣ, указать документъ объ освобожденіи.

20. Указать точно, чѣмъ занимались и въ качествѣ кого: а) до 1905 г., б) съ 1905 г. до марта 1917 г., в) съ марта 1917 г. до октябрьской революціи, г) послѣ октябрьской революціи до поступленія въ Н.К.И.Д., д) были ли вы въ періодъ съ марта по октябрь 1917 года въ командировкахъ, отпуску, гдѣ именно и съ какого и по какое время.
21. Занимали ли выборныя должности послѣ февральской революціи.
22. Ваше послѣднее мѣсто службы и причина оставленія таковаго.
23. Не состоите ли въ настоящее время на какой либо другой службѣ, на какой именно, гдѣ и окладъ получаемаго содержанія.
24. Къ какой политической партіи принадлежите, время поступленія въ партію и номеръ членскаго билета.
25. Состояли ли раньше въ какихъ либо политическихъ партіяхъ и въ какихъ именно, гдѣ и когда.
26. Если безпартійный, какой партіи сочувствуете.
27. Подвергались ли репрессіямъ за принадлежность къ партіи, или вообще по политическимъ дѣламъ, за что именно, когда и гдѣ.
28. Привлекались ли къ суду и слѣдствію, подвергались ли наказаніямъ въ судебномъ или административномъ порядкѣ по другимъ дѣламъ, кромѣ политическихъ, когда и за что именно.
29. Принимали ли активное участіе въ октябрьской ре-

волюціи и гражданской войнѣ, когда, гдѣ и въ чемъ именно выразилось ваше участіе.

30. Какую работу вели въ партіи.
31. Состоите ли членомъ профессіональнаго союза, какого, время вступленія и номеръ членскаго билета.
32. Состоите ли на учетѣ въ бюро техническихъ силъ.
33. На какую должность желаете поступить.
34. Съ какого времени работаете въ настоящемъ учрежденіи.
35. Занимаемая должность и окладъ.
36. Референціи.
37. Перечислить документы, которые вами представлены.
38. Мѣсто жительства. Точный адресъ и номеръ телефона.
39. Жизнеописаніе (обязательно на отдѣльномъ листѣ)

Подпись давшаго свѣдѣнія.

Городъ и число.

Резолюція.

ИЗДАНІЯ НАСТОЯЩЕЙ КНИГИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ:

---

1. **Als Expert im Sowjetdienst.**
   Ernst Rowohlt Verlag, Berlin, 1929.
2. **An Expert in the Service of the Soviet.**
   Ernest Benn Limited Publishers, London, 1929.
3. **Un tecnico al servicio de los soviets.**
   M. Aguilar Editor, Madrid, 1929.